

РУМИТ КИН

ЗЕМЛЯ В ИЛЛЮМИНАТОРЕ

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2=411.2)64-44

К41

Художник И. Решетников

Р. Кин.

К 41 Земля в иллюминаторе./Роман. – М.: ООО «САМ Полиграфит», 2018. – 980 с.

ISBN 978-5-00077-780-0

В далеком будущем, после серии космических катаклизмов, Земля безвозвратно изменилась. Теперь это мрачная пустошь с ядовитой атмосферой и постоянными землетрясениями. Люди вынуждены ходить по ее поверхности в скафандрах, выращивать биотопливо, чтобы обеспечить теплом и энергией свои жилища. Существование цивилизации поддерживают остатки техники Золотого Века — времен великого прогресса, предшествовавших катастрофе — и непосредственно Экватор, огромное медное кольцо, которое построили вокруг планеты, чтобы вернуть ей магнитосферу и гравитацию.

Хинта и Тави — друзья из маленького поселения к югу от Экватора — случайно находят невероятный способ спасти Землю от окончательной гибели. На этом пути им помогает школьный учитель, а препятствуют могущественная корпорация, распоряжающаяся последними ресурсами умирающего мира, и жуткие мутанты новой эры мрака, армия которых готовится истребить отчаявшихся людей.

На основании федерального закона РФ №436-ФЗ.

ISBN 978-5-00077-780-0

© Р. Кин, 2017

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ШАРТУ

И тут повстречалась улитка
С красными муравьями.
Они, суетясь и толкаясь,
Тащили полуживого
Муравья, у которого сильно
Переломаны усики были.
Воскликнула наша улитка:
— Мурашеньки, остановитесь!
За что наказать хотите
Вашего бедного братца?
Расскажите мне, что он сделал?
Я вас рассужу справедливо.
Ты сам расскажи, не бойся...
Тогда муравей полумертвый
Сказал тихонько и грустно:
— Я, знаете, видел звезды.

Федерико Гарсиа Лорка

ГЛАВА 1

ПОД ОТРАВЛЕННЫМ НЕБОМ

Их было четверо. Они шли по каменистой тропе, прилепившейся к скалам у южного подножия Экватора. Впереди, бок о бок, шагали Тави и его друг Хинта. Чуть позади них, удерживая короткую дистанцию, следовали робоослик Иджи и восседающий на нем младший брат Хинты, Ашайта.

Экватор — огромная рукотворная стена из слоев бурозеленой меди и серого искусственного камня — тянулся на запад и на восток, чтобы в невообразимой дали сплошным поясом сомкнуться вокруг тела планеты. Скалистая складка у его подножия состояла из застывшей лавы и огромных растрескавшихся камней; тропа то извивалась между ржаво-красных валунов, то кралась по мостам и карнизам из черно-серой лавовой пемзы над раскинувшимися внизу полями фрата и треупсов. Фрат образовывал над землей толстую подушку зеленой губки. Треупсы жили во влажном пространстве под слоем фрата, прорастая сквозь него двухметровыми кислотно-желтыми побегами. Их треугольные шляпки золотились на солнце. Яркие поля, поделенные на ровные квадраты, уходили вдаль и терялись из виду в мареве прозрачного тендра-градопсового тумана. Между квадратами, по идеальным линиям дорог, курсировали синие механические гусеницы аграрных дронов. По небу текли и смешивались кисельные линии бледно-зеленого, голубого и розового цвета. Диск солнца полыхал в зените, оранжево-белый, в мерцающей короне желтого зарева.

— Я не понимаю. Не понимаю эту слабость, эту глупость, эту трусость. Не понимаю людей с опущенными руками и закрытыми глазами. Почему взрослые не хотят ничего любить? Почему они отворачиваются от того, что им было близко, не защищают то, что помогало им улыбаться, повторяют одну и ту же ложь каждый день?

Тави — двенадцатилетний, стройный, тонкокостный, со светло-кариыми глазами, в серебристо-голубом полускафандре с красивыми вставками и плоскими кислородными баллонами за спиной, походившими на сложенные крылья какого-то стремительного насекомого — большую часть своего шлема снял, оставив лишь дыхательную маску, из-под которой проступали рассыпавшиеся в стороны от носа веснушки. Его светло-русые волосы свободно развевались на юго-восточном ветру.

— Раньше мама читала мне вслух, а теперь она вообще перестала читать. Раньше она ходила со мной в ламрайм, а теперь вообще перестала туда ходить. Как будто ей для этого нужно было оправдание в виде меня! Как будто чудесные истории не интересны сами по себе. Теперь у нас с ней нет ничего общего... Она каждый день смотрит на меня, и ее глаза говорят: «Ну когда уже, Тави, ты вырастешь из своих сказок?» И я убегаю от нее, потому что не могу вынести этого предательства!

Его голос уходил в микрофон кислородной маски, смешивался с легким треском помех и, звонкий, надломленный, через динамики врывался в уши Хинты. Тот был старше на год — и все же чуточку ниже ростом. Его полускафандр, более простой и дешевый, отсвечивал на солнце ровным темно-бронзовым блеском. Свой шлем он снять не мог, но опустил защитный экран. Как и у Тави, нижнюю половину его лица закрывала дыхательная маска. Его глаза были пронзительно-синими и уже начинали слезиться от контакта с атмосферой.

— Неужели она не понимает, что сама себя унижает? Неужели только мое детство заставляло ее пить это волшебное вино? Как можно выбирать занудный быт, когда рядом

открыты двери в страну Джилайси Аргниры? И разве можно требовать от других, чтобы они сделали тот же выбор? Ну и что, что Джилайси больше выдумка, чем правда о реальном человеке? Он делает меня, тебя — выше, больше. И не только он — все герои старых и новых историй. Я знаю это. Но она...

Хинта посмотрел на него.

— А ты не пробовал сказать все это ей? У тебя хорошая мать. Умная, ответственная, не сломленная. Не такая, как мои родители.

— Может быть, слишком умная, — тихо сказал Тави. — Свои-то книги про треупсы она все еще читает. Я боюсь с ней говорить, боюсь, что она уже все продумала и ждет этого разговора — как будто сидит в засаде. А как только я заговорю с ней о своем, она тут же развернет все против меня, начнет мне показывать, какой я еще ребенок. А я просто не понимаю, почему быть взрослым — значит стремиться жить, не думая о вещах, которые не имеют к тебе прямого отношения.

— Я старше тебя, но хожу в ламрайм. И книги читаю, хотя и меньше, чем ты. Вот Экватор — не имеет ко мне прямого отношения, но мне очень интересно знать про него все.

— Ты — да, но ты еще не взрослый, — улыбнулся Тави.

— И все-таки ты должен с ней поговорить, — вернулся Хинта. — Узнай, что она думает на самом деле, попробуй ее переубедить. Скажи ей, что можно быть другим взрослым. Ты здорово сказал про взрослых: жить, не думая о вещах, которые не имеют к тебе прямого отношения... Хотя все даже хуже. Есть такие люди — и их много — которые мечтают жить, не думая уже вообще ни о чем. Они теряют связь со всем вокруг и становятся ужасно маленькими, но сами не замечают этого. Мои родители такие. Они вроде бы и неплохие, но хуже, чем твоя мать. Замкнуты в своей работе, в себе, ворчат без сил. Ничего не хотят ни для меня, ни для брата.

Хинта оглянулся. Робоослик Иджи шагал так, как это умеют лишь машины: динамично двигались его затянутые в парапластик трехсуставные ноги, безостановочно покачивались ромбовидные сенсоры радаров на приплюснутой стальной голове. Из минуты в минуту в его движениях не менялось

абсолютно ничего. Восьмилетний Ашайта сидел в грузовой корзине у Иджи на спине. Он был одет в полный скафандр с детским рисунком из красных и белых треугольников. Его лицо за экраном шлема выглядело непропорциональным: большой лоб, большие ясные глаза, такие же синие, как у брата — и уродливый, маленький, вечно приоткрытый рот, с торчащими вперед зубами и нижней губой, переходящей в скошенный подбородок.

Тави тоже оглянулся на Ашайту. Тот встретил его взгляд кристальной безучастностью своих глаз — он не слышал их разговор, так как они закоротили канал связи друг на друга.

— Ты не представляешь... — сказал Хинта, — хотя нет, прости, только ты это и представляешь — сколько всего я хотел бы успевать. Но они обычно не дают мне и трех часов настоящей свободы — вешают на меня брата, работу по дому, наши машины. Половина их обязанностей — на мне.

Ашайта таким родился. Когда он еще был в утробе, их мать, Лика, попала в катастрофу и надышалась атмосферным воздухом. Отравление вызвало у Ашайты мутацию; его мозг и тело стали иными, чем у всех остальных. Мир представлялся ему чем-то странным: он все время танцевал в нем, мурлыкал, пел и плыл, играл в игры, понятные лишь ему одному. Сейчас, сидя в сетчатом кузове на спине Иджи, он плавно и красиво поводил в воздухе руками — словно дирижировал несуществующим оркестром или мог ощутить ветер сквозь искусственную кожу скафандра.

— Твои родители — несчастные, — сказал Тави. — А моей маме всегда очень везло. У нее была легкая жизнь. Она сама так говорит. Поэтому мне не стыдно, когда я на нее сержусь. Мой отец до сих пор присылает ей деньги с той стороны. Она могла бы вообще не работать, но работает и получает больше других.

— Да, — с неожиданным гневом ответил Хинта, — мы не знаем, какой бы она стала, если бы на нее обрушилось горе. Но это не значит, что на ее фоне нужно прощать моим предкам их отрешенное ленивое уныние. Иногда люди берут себя в руки и закаляются в бедах, как сила героев закалялась в бит-

вах. А иногда люди падают и позволяют жизни себя тащить. Но они не имеют на это права. Ладно, я согласен делать массу вещей — в конце концов, я сын бедных фермеров, таким, как я, приходится с детства брать на себя часть хозяйства. Но они бросают Ашайту, оставляют его со мной все чаще и чаще. Им как будто все равно, что с ним будет. Но я же знаю, что ему нужна другая забота, не только моя. А они трусливо спасают себя, потому что поверили, что Ашайта через несколько лет все равно умрет!

Тропа сузилась и пошла вниз. Поля фрата и треупсы теперь стали ближе — уже было видно рубчатые складки на треугольных шляпках грибов.

— Я боюсь за маму, — вдруг признался Тави. — Вот твои родители не ходят в ламрайм. Что, если в этом все дело? Что, если так и наступает слом? Можно и без горя стать равнодушным, уйти в работу, а потом вообще забыть, как и зачем живешь. Вдруг с ней это произойдет? Истории про героев нужны людям, чтобы равняться на кого-то, кто увлекает за собой вперед и вверх. А она больше не стремится вперед и вверх. Она все реже смеется. Она как будто не такая живая, какая была год назад. Я не хочу, чтобы она гасла.

— Эрника Руварта, — сказал Хинта, — не погаснет. Ее сын, Тави Руварта, не позволит ей этого.

— Но Хинта Фойта не может зажечь своих родителей обратно.

Хинта выдержал эти слова.

— Мы разные. Я лучше нахожу язык с машинами, а ты — с людьми. У меня нет сил зажигать людей, а у тебя — есть. Они есть у тебя даже тогда, когда ты сам об этом не помнишь. Ты зажигаешь меня.

— Спасибо, — смущенно поблагодарил Тави. На руке у Хинты запищал самодельный датчик, и он вскинул запястье к лицу.

— На нас идет тендровый туман. Теперь понятно, почему колет глаза.

— Скафандры? — уточнил Тави. Хинта кивнул, и включил защитный экран; Тави надел назад шлем, и оба ощутили,

как на смену движениям ветра приходит прохладный покой кислородно-азотной смеси.

Хотя стена Экватора оставалась абсолютно прямой, скалы, возникшие у ее подножия, были неровными, и тропа петляла, повторяя их форму. Было на ней место, где особенно большой утес выступал из общего монолита скал в поля. Местные жители называли эту точку пути Слепым Изгибом: пока путник не проходил мимо утеса, он не мог видеть, что его ждет впереди.

Когда ребята миновали Слепой Изгиб, у Тави из груди вырвался вздох восхищения.

— Я не ходил вдоль Экватора с прошлого лета. А сейчас вспомнил, как здесь красиво.

Перед ними была тихходная дорога — широкий рельс из перламутрово-белого пластика переползал через восьмисотметровую стену Экватора и, свиваясь пологими спиралями, устремлялся вниз, чтобы затеряться среди фратово-треупсовых полей. В одном месте спираль шла на уровне с тропой, и там было что-то вроде маленького перрона — аварийная платформа, на которую в случае чего могли сойти немногочисленные пассажиры. Парящая дорога держалась на системе прямых прозрачных опор, похожих на неспособные растаять глыбы льда; солнечные лучи раскалывались в стелах, как в призме, и на скалы падал хаос разноцветных световых полос. Она была основным транспортным каналом, который связывал родной поселок ребят, Шарту, с городом Литтапламп, расположенным с противоположной, северной стороны Экватора. Монорельс был построен по особой технологии, без использования металла, потому что сильные магнитные поля над медной стеной останавливали любую обычную машину. Другой транспорт здесь просто не смог бы существовать.

— Смотри, — сказал Хинта, — поезд.

— Точно, — обрадовался Тави. — Нам повезло.

Поезд шел с той стороны Стены и едва перевалил через

вершину. Снизу было видно, как по бокам от рельса движутся скользящие пластиковые захваты. Ребята, не сговариваясь, ускорили шаг, чтобы подойти к дороге раньше, чем тихиходный поравняется с тропой.

— Ты говорил, с машинистом можно перекинуться словом.

— Да. Старик Фирхайф, он добрый — ну, знаешь, он обожает, когда люди в полях ему машут, и сам машет в ответ. Когда я был совсем маленький — еще до того, как мы с тобой познакомились — моя мать болела, а отец работал на погрузке фрата, и ему не с кем было меня оставить. Пока отец грузил, Фирхайф присматривал за мной, даже сажал за пульт поезда.

— Здорово.

— Да, это было хорошо.

Поезд был почти у них над головой — длинный-предлинный, он журчал, будто лента промышленного конвейера. Локомотив уже спустился на три спирали вниз, а конец состава еще только перевалил через Стену. Конструкторы стремились сделать вагоны предельно легкими, так что оставили их открытыми. Из двух сотен платформ лишь первые и последние две были обустроены для перевозки людей — на каждой располагалось по восемь сидений, включая одно место для машиниста. Дальше тянулась процессия грузовых слотов с затянутыми в липучую сетку низкими бортами. Под сеткой лежали ящики и бочки, горбились кучи стройматериалов и машинных запчастей, обезмагниченных для перевозки через Экватор. На синем пластике темнела присохшая корка зеленой пены — след тысячи фратовых погрузок.

Мальчики обогнали поезд и остановились у начала вырубленной в камне платформы. Монорельс был теперь совсем рядом — неподвижная река пластика; Хинта с детства помнил, что на ощупь она неприятно скользкая, почти мокрая, как свежеочищенный плод тинталя. Они смотрели, как тихиходный проходит дугу поворота и, пожирая свой путь, скользит к ним. Старик-машинист тоже увидел их и привычно приветствовал поднятой рукой, с пальцами, сложенными

в знак «ан-хи», что означало отличный день и неугасающую бодрость духа. Его рабочий скафандр был большим и свободным, как у всех профессиональных механиков-операторов: вместо шлема — сплошной прозрачный купол, под стеклом — добродушное красное лицо и всклокоченные седые волосы. Пассажирские сиденья были пусты.

— А почему его называют Фирхайф? — маша рукой в ответ, спросил Тави.

— Потом, — коротко обещал Хинта. Фирхайф опустил руку, перевел свой шлем в режим атмосферной связи — ее использовали, когда не было времени устанавливать радиоканал.

— Парнишка Хинхан и его брат, — прогудел он, — а кто третий красавчик?

— Я не красавчик. — Тави не включал громкую связь, и его задетый голос прозвучал лишь в ушах Хинты. Хинта нажал аудиокнопку на шлеме, уходя с радиоканала на атмосферное общение.

— Тави. Тави Руварта. — Его голос, пропущенный через усилители, звучал очень взросло.

— Сын Эрники, — понял Фирхайф. — Ну-ну.

Тави чуть поклонился — жест вышел забавно — и тоже переключил свой шлем на громкую связь.

— А могу я Вас звать просто Фирхайф?

— Как хочешь, так и зови. — Машинист немного сбросил скорость, но мальчикам все равно приходилось почти бежать, чтобы оставаться с ним наравне. — И что же молодые люди забыли так далеко от Шарту?

— Собираемся добыть пару центнеров фрата и продать их Вам, — ответил Хинта. — Надеюсь, на тихоходном найдется местечко для нашего товара?

— На тихоходном найдется местечко для всего фрата, который можно купить в Шарту. Вот только не будет ли этот фрат краденным? Вы что, бодовые головы, никак собрались обнести куркуля Джифоя?

— Не весь фрат — его.

— А по-моему, все эти поля как раз таки его и только

его. И ваши родители, сорванцы, тоже работают на него. Вот поймает вас охранный дрон да притащит к нему в лапы — то-то будет дело.

— Поля кончаются там, где начинаются скалы. А фрат растет и на камнях.

— Ах ты, маленький хитрец, — рассмеялся Фирхайф. — Решил украсть, не воруя?

— Джифой все равно не пойдет собирать этот фрат, и его дроны не полезут на скалы. Это дикий фрат. Никто не обеднеет, если мы его соберем.

— Ну-ну, Хинхан. Ладно, буду ждать тебя на погрузке! Придешь продавать — поговорим.

Поезд снова начал медленно набирать скорость.

— А почему совсем-совсем нет пассажиров? — уже в спину старику спросил Тави.

Фирхайф оглянулся.

— А чего им ехать в наш поселок? Здесь глушь, вот и не бывает никого. К тому же, политика. Но сегодня есть один. Нелюдимый, правда. Не захотел ехать со мной, сел в другом конце —

Было уже слишком далеко, чтобы еще что-то кричать. Ребята остановились и смотрели, как тихоходный утягивается в поля. Ашайта раскачивался в корзине на спине Иджи и поводил в воздухе руками, будто гладил уходящий вдаль состав, а мимо шли нескончаемые грузовые слоты с припасами из города для сельских жителей.

— Его зовут Фирхайф... — начал Хинта, забыв уйти с громкой связи — и осекся, увидев незнакомца. Тот, закинув ногу на ногу, сидел в одном из кресел посреди безлюдного пассажирского вагона, предпоследнего по счету. Это был молодой мужчина. Его гражданский скафандр представлял собой взрослую версию модели Тави, только вставки были не зелеными и оранжевыми, а желтыми и фиолетовыми. Как и Тави, незнакомец снял свой шлем, и его волосы развевались на ветру, тоже русые, но более темного оттенка. Глаза над кислородной маской были серые.

Поезд уже разогнался, а мальчики стояли на месте, так

что чужак промчался мимо них достаточно быстро.

— Пта, — используя уважительное обращение, крикнул Хинта, — вам лучше надеть шлем — над полями вредный туман!

Мужчина ответил жестом благодарности и, кажется, улыбнулся под маской, но совету не последовал. Его фигура становилась все меньше и меньше, пока не исчезла за очередным изгибом спирали. Хинта вернулся на радиосвязь.

— Слушай, я бы мог подумать, что это твой отец. Или даже, скорее, старший брат.

Тави тоже вернулся на их канал.

— Это не мой отец. А брата у меня нет. — Его голос звучал растерянно. — Просто похож. Но странный человек. Кто он? Зачем ему в Шарту?

Они зашагали дальше по тропе. А поезд исчезал вдали, превращаясь в тонкую темную нить, сдвоившуюся со светлой нитью монорельса.

— Не знаю, — сказал Хинта. — Фирхайф прав, в Шарту почти никто не приезжает — ну, ты-то знаешь, все, кто селится за Стеной, теряют литское гражданство. Чаще всего дорогой пользуются богачи из самого поселка, чтобы ездить на деловые переговоры в город. И даже их, я слышал, не пропускают дальше первой станции. Еще из Литтаплампа иногда приезжает какая-нибудь комиссия. Проверяют, как дела у Джифоя.

— Этот пассажир не похож на делового человека. — Тави в задумчивости теребил застежку шлема. — Я видел их достаточно, когда они общались с моей мамой. Никто из них не стал бы снимать шлем на улице — так делают только местные мальчишки, а все, кто старше или не отсюда, боятся, что атмосфера сожжет им глаза.

— Тендра-газ тяжелый. Пока мы высоко, на скалах, это почти не опасно.

— Это ты такой умный. А городские и взрослые просто читают инструкцию к полускафандру, а в инструкции написано: не снимать ничего и никогда. Притом, что сам полускафандр сделан так, что разбирается по частям, особенно моя

модель. А у него ведь была как раз такая...

— Он даже не как твой брат. Он как взрослый ты.

Тави покачал головой.

— У него глаза серые.

Хинта удивился, что Тави обратил внимание на такую деталь. И вообще, тот казался каким-то притихшим; его манера двигаться стала более мягкой, он больше не летел вперед по тропе, а брел, погрузившись в какие-то свои мысли.

— Ну, извини, что я тебя с ним сравнил, — пытаюсь утешить друга в этой непонятной беде, сказал Хинта. — Просто странный человек. Мало ли кто и куда едет. А что он на тебя похож — так на меня вон тоже много кто похож. Почему мы вообще о нем говорим?

Тави заметил беспокойство Хинты, кивнул.

— Просто говорим. Можем перестать.

И все таки что-то было не так с Тави — Хинта это чувствовал.

— Может, он преступник, — предположил он. — Сбежал за Стену, потому что литский закон его здесь не достанет. Такое уже бывало.

— Будь он бандитом, никто бы ему не позволил вот так запросто сесть на поезд. Пришлось бы лезть через Стену или лететь по воздуху.

Хинта не придумал, что еще можно сказать, и перестал тормозить Тави. Большую часть оставшегося пути они проделали в молчании.

Целью их путешествия была низкая скала. Она находилась в необычном месте, где тропа разделялась на два рукава — большой торный путь шел наверху, но появлялась и вторая тропинка, куда меньше, которая, прячась среди камней, спускалась вниз, к широкому скальному карнизу, нависшему в шести метрах от земли над самыми шляпками треупсов. Она никуда не вела — около километра тянулась сама по себе, а потом снова шла вверх и сливалась с большой тропой. Но на скальном карнизе можно было собирать дикий фрат: зеленые

щупальца губчатой жизни ползли снизу вверх, стелились по отвесным камням, поднимаясь до самого обрыва скалы.

— Хороший, — глядя на фрат, сказал Тави. — Я думал, он будет голодать на камнях, но, видимо, до него долетают с поля поры треупсов.

— Главное, осторожно у края. Эти скалы хрупкие, легко трескаются.

— Если упадем, ничего страшного. Там же губка фрата в полтора метра. На ней можно прыгать, как на батуте.

— Не в этом дело. Если упадем, будет незаконное вторжение на поле Джифоя и дальше сценарий, который описывал Фирхайф.

Тави фыркнул.

— А, точно... — опомнился Хинта. — Я же так и не ответил тебе, почему Фирхайфа зовут Фирхайфом.

— Ну, это определенно не имя и не второе имя. Прозвище, как твое — Хинхан?

— Да, прозвище. — Хинта остановился и рукой начертил в воздухе перед мордой Иджи крест, что означало «стоп». Ослик издал мелодичный понимающий звук и, послушно сложив ноги, опустился на землю. Услышав голос Иджи, Ашайта даже прикрыл глаза от удовольствия; на мгновение, пока звучала короткая музыка, его руки превратились в танцующую живую волну. Хинта пробежал пальцами по кнопкам своего шлема, включая брата в их с Тави радиоканал. — Слезай, Ашайта, приехали.

Младший поднялся, сошел на землю и сделал перед Хинтой что-то вроде медленного реверанса. Его синие глаза лучились отражениями далекого солнца.

— Как ты? — спросил Хинта.

— Мально. — Оттого, что Ашайта попытался сказать обычное слово, по его подбородку тут же побежала ниточка слюны. Сам того не замечая, он с чмокающим звуком втянул ее обратно.

— Мы с Тави будем собирать фрат. Хочешь есть, или чего-нибудь еще?

Ашайта помотал головой.

— Иджи, ка, — произнес он и сразу подобрал новую струйку слюны.

— Иджи в твоём полном распоряжении.

— Иджи... ка... Иджи... ка... найтжитика-тика... иджата-та... найтжитика-тика... иджата-та, — тихо пропел Ашайта. Он обошел ослика — точнее, с необычайной пластикой станцевал-проплыл вокруг него — и, слив все движения в одно, сел-упал на камень перед его мордой.

— Ты его понимаешь? — спросил Тави.

— Он счастлив, — ответил Хинта. — Ладно, давай собирать фрат.

— Конечно, — сказал Тави. Но оба они еще несколько секунд наблюдали, как Ашайта начинает свою игру — от этого зрелища трудно было оторваться. Тот прикрыл глаза, покачался из стороны в сторону, будто искал вдохновения, а потом вдруг начал рисовать руками перед мордой ослика. Локаторы Иджи и руки ребенка качались друг против друга. Робот не понимал команды и издавал несколько разных вариантов отрицательного ответа. Сначала эти звуки звучали отдельно друг от друга, потом быстрее, еще быстрее, и вот, наконец, они слились, начали накладываться, рваться, превратились в странную музыку. А Ашайта качался всем телом и в упоении рисовал руками — его ладони вращались, казалось, он гладит и катает по воздуху невидимый мяч.

— Он красивый, твой брат, — сказал Тави. — Ты знаешь?

— Да. — Хинта достал из кузова Иджи робоковшики для сбора фрата и растянулся на животе у края скалы. Суть работы была проста: надо было закинуть тяжелый ковшик как можно дальше, дать ему впиться зазубренной челюстью в зеленую плоть и потянуть на себя. Если везло, то за один заброс ковш срывал со скалы целую ленту губки. После заброса приходилось чистить зубья рукой. Фрат на ощупь был как мокрое полотенце. Добытые пласты ребята сваливали прямо на землю в стороны от себя. Позади них Ашайта и Иджи играли свою странную быструю музыку.

— Бывает же так, что целый час не получается рассказать какую-то ерунду, — осознал Хинта. — Фирхайф.

Тави фыркнул.

— Ты уже десять раз мог.

— Никто не знает, почему Фирхайфа зовут Фирхайфом. Но думаю, он сам себя так назвал.

Тави перевернулся на бок, отбросил в сторону камень, который врезался в грудь его скафандра.

— Как долго я ждал этой истины. И это все? То есть, оно ничего не значит?

— А что значит мое прозвище, ты знаешь?

— Хинхан... Ну, Хин — это от твоего имени. А Ханкришпа — один из героев, великий механик боевых машин Притака. И вместе получается красиво.

— Серьезно?

— Я всегда так думал.

— Мое прозвище придумал Фирхайф. Это он стал меня так называть, когда я был еще совсем маленький, и мы с ним часто встречались. Потом это перекинулось на всех. Даже мой отец меня так зовет. И это никогда ничего не значило.

— Обидно.

— Нет, Тави, ты потрясающий! — воскликнул Хинта. — Ты как бы нечаянно объяснил то, чему никто не придавал значения. И действительно красиво! Мне нравится, что у меня половинка имени Ханкришпы!

Тави бросил ковш, но вместо того, чтобы вытаскивать его, обессилено растянулся на земле.

— Почему у меня нет прозвища? И почему так получается, что обычно я называю по именам даже тех людей, у которых прозвище есть? Ты для меня больше Хинта, чем Хинхан.

Хинта пожал плечами.

— Потому что ты поздно познакомился с Фирхайфом. Ты с матерью приехал сюда всего шесть лет назад, и поначалу она держалась особняком от местных, и тебя держала при себе. А местные дети живут не так — они торчат на улицах, играют. Когда тихходный входит в Шарту, за ним бегут все, кому не лень. Фирхайф общается с мелюзгой, дает им прозвища. Они прилипают и остаются на всю жизнь. Я знаю сверстников моего отца, которым старик дал прозвище в не-

запамятные времена.

— Правда? Так он один создал весь мир прозвищ? — восхитился Тави. — А кого он назвал так давно?

Хинта вдруг помрачнел.

— Добрых прозвищ. Те, кто обзывает моего брата — ты знаешь, как — это они придумали сами.

— Фирхайф, король добрых прозвищ.

— Джикон — кличка нашего учителя физики. Ей сорок лет. Отец говорит, что Фирхайф придумал ее, когда сам был двадцатилетним парнем и еще не начал водить тихоходный.

— Еще в прошлом, заброшенном Шарту? В том, который был на берегу моря до цунами?

— Видимо, да. Но тогда прежний поселок еще не был заброшен.

Тави по-прежнему лежал на земле и не вытаскивал ковш.

— Знаешь, кажется, я запомню сегодняшний день очень надолго. Тропа. Тихоходный поезд. Фирхайф. Тот странный человек. И твой красивый брат. Этого всего уже слишком много для меня. Но это потрясающий день.

Хинта усмехнулся.

— Работай, — посоветовал он, — а то я взвешу наш фрат по отдельности, и твоя доля окажется просто смешной.

Тави потащил ковш назад.

— Тебе говорили, что ты в страшной опасности?

— Какой?

— Ты можешь вырасти в нового Листу Джифоя.

— Весь фрат — мой! — алчно проскрипел Хинта. И они, хохоча, продолжили выгребать зеленую губку наверх, а музыка Ашайты и Иджи все играла и играла у них за спиной.

Через час на краю тропинки лежало две больших кучи фрата, а мальчики перешли на другое место. Ашайта, наигравшись с Иджи, тихо танцевал вдоль тропинки — двигался, делая па, то туда, то обратно. Разговор принял историко-технический оборот.

— Я понимаю про Экватор лишь то, что он был великим подвигом народов Джидана, Притака и Лимпы, — сказал Тави, — и что если бы они не построили его, то Земля навечно осталась бы в плену Столетней Зимы. Собственно, тогда бы мы говорили уже не про столетнюю зиму, а про тысячулетнюю — она продолжалась бы до сих пор. И нас, наверное, не было бы. Даже если бы человечество уцелело, наши предки прожили бы совсем другие жизни, и мы с тобой, и даже наши родители, и все нынешние люди — никогда бы не родились. Вместо нас на Земле, во льдах, жил бы кто-то совершенно другой... В общем, я смотрю на Экватор как на великую вещь. Это наша история. И в каком-то смысле Экватор — эта стена из меди — определяет весь наш мир. Но я совершенно не понимаю, как он работает.

— Если грубо, то на электричестве.

— Про это я учил, и даже сдал экзамен. Но я все равно не понимаю. Экватор ведь не печь. Он просто огромное медное кольцо. Почему оно согрело планету?

— Ну, не буквально. Вспомни теорию зарождения жизни и астрономию. Земля очень долго была аномалией. Имея относительно небольшую массу, она с огромной скоростью вращалась вокруг собственной оси. К тому же ее все время раскачивала приливная сила Луны...

— ...и поэтому притяжение планеты оставалось сильным, а ядро — теплым. Да, я знаю. Удар метеоритного потока разрушил Луну и замедлил вращение Земли. Катастрофа вызвала сначала изменение состава атмосферы, а потом общее охлаждение.

— Так вот, — продолжал Хинта, — наш Экватор — не просто кольцо. Это катушка. Там, внутри, он разделен на множество отдельных жил — они скручиваются вокруг планеты, смыкаются вместе, по ним течет ток. Возникает электромагнитная индукция, и вся Земля превращается в сердечник. Это вызывает в ядре планеты усиленное течение всех металлов. Они двигаются, и ядро согревается — то есть, происходит то же самое, что раньше происходило из-за вращения Земли и Луны, но по другой причине. Понимаешь?

— А где источник питания?

— Он не нужен.

— В физике я слаб. Но без источника питания ток течь не должен.

— Понимаешь, электроны есть в любом веществе. В любом куске металла они могут освободиться и начать движение. А если это огромная медная спираль, такая, как Экватор, то электроны начинают двигаться сами собой.

— Путано все это. — Тави начал чистить ковш от фрата. — Хоть и работает. Наверное, ученые, которые придумали эту штуку, были великими людьми, своего рода героями. И инженеры Притака, Джидана и Лимпы, которые возводили стену — тоже. Я читал, что они строили Экватор под снегом, внутри огромного ледяного грота, который опоясывал всю планету так же, как ее теперь опоясывает сам Экватор. Представляешь эту толщу льда, которая лежала выше Стены? И когда реки расплавленной меди вливались в подготовленное для них русло, все это пространство сияло красным светом и заполнялось водяным паром... Красиво, наверно, было. Жалко, что потом Притак и Лимпа рассорились с Джиданом и начали против него войну. То есть, конечно, именно на той войне появились все те герои, которых я так люблю; они были детьми того времени, рождались и выросли, пока строился Экватор. Они еще хотели чего-то большего, искали справедливости — но не смогли договориться, и в результате все погибли в противостоянии, после которого не осталось никого подобного им. Это очень странно и несправедливо — сражаться с теми, с кем полвека бок о бок строил такую великую вещь, как Экватор. И еще более несправедливо, что, когда речь заходит о событиях войны, все почему-то забывают, что она началась почти сразу по завершении строительства. Потом и до сих пор... вообще не было больше такой грандиозной работы и такого тесного союза, как у государств Эпохи Льда. Как будто люди могут дружить лишь тогда, когда их всех ставит на колени одна общая безмерная беда.

— Да, — согласился Хинта. — Посмотри на Литтапламп — он не занимается ничем великим, лишь воюет со слабы-

ми повстанцами на своих границах. А Экватор разрушается. Вся планета страдает от землетрясений. Одно из них вызвало цунами, уничтожившее прежний Шарту. Только за мою жизнь больших землетрясений случилось еще шестнадцать. Плюс бессчетное число малых толчков. Землетрясения происходят из-за состояния Экватора. Но никто не собирается его ремонтировать. — Он перевернулся на спину и посмотрел вверх, на уносящуюся в небо стену из меди и серого камня. Тави, уставший выгребать фрат, последовал его примеру. — Видишь трещины?

— Пока они маленькие.

— Трещины, которые мы можем видеть отсюда невооруженным глазом, огромны. Камень уже весь в крошку. И так на сотни километров. Как бы хорошо ни была построена Стена, какой бы толстой ни была внутри нее медная жила... Просто представь, какова вероятность, что на ней найдется точка, которая лопнет во время следующего землетрясения.

— И что тогда? Новая Столетняя Зима?

— Возможно. Это страшно. Если это снова произойдет, на этот раз люди погибнут почти совсем. Человечество ведь так и не восстановилось после прежнего удара.

— Но ведь это очень глупо. У литского правительства есть все для того, чтобы начать ремонтировать Экватор.

— Мой отец считает, что у них другой план. Он уверен, что «Джиликон Сомос» производит больше топлива, чем может употребить. Они скупают фрат по всей стране. Один центнер фрата — это примерно один галлон топлива. На десяти галлонах весь Шарту живет месяц. А эти огромные поля — здесь миллиарды тонн. Их вывозят, и вывозят, и вывозят... И наши поля — лишь крупица на краю литских земель.

— Но что толку от топлива, если весь мир рухнет? Или Атипа думает, что они собираются отогреть им планету без использования Экватора?

— Ты оптимист. А мой отец — пессимист. Он уверен, что они будут греть только себя. Допустят катастрофу, дождутся, когда все остальные вымрут, а потом уже отремонтируют Экватор.

— Но это безумие.

— Наверное. Но отец в этом уверен. Говорит, что Лит устал от войн и восстаний, и что с олигархов и меритократов из «Джиликон Сомос» станется решать свои мелкие проблемы, уничтожив все вокруг.

Тави даже рассмеялся, однако потом заговорил серьезно.

— Надеюсь, Атипа Фойта не прав.

— Он не единственный, кто так думает. Я же через обучающую станцию могу входить в литтаплампскую сеть. Там есть люди, которые пишут то же самое.

— А теперь мы собираем фрат, который продадим Фирхайфу, а тот продаст его «Джиликон Сомос». То есть, в конце концов, этот фрат тоже станет частью их зловещего плана. Если, конечно, этот зловещий план в действительности существует.

— Но нам нужны карманные деньги. Ты же не думаешь, что, отказавшись от увеселительного похода в ламрайм, мы нанесем реальный удар по «Джиликон Сомос»?

— Нет. Но мне все равно противно, что мы, и весь Шарту, и еще множество людей, возможно, помогаем им исполнить план, в конце которого нас ждет смерть, а их — глупая кровавая победа.

Еще долго они лежали, глядя на махину Экватора, а потом вернулись к работе.

Когда фрат был собран, его пришлось перевалить в кузов Иджи. Ослик взвесил кучу и показал достойную цифру в сто тридцать шесть кило. Затем поверх кучи сел Ашайта, и они двинулись назад, в Шарту. Обратный путь оказался им коротким: они шли быстро, их подгоняли голод и чувство законченной работы. Слишком усталые, чтобы поддерживать беседу, они молча обогнули спирали тихоходной дороги, прошли Слепой Изгиб и еще через сорок минут выбрались к большой скале, откуда уже открывался вид на Шарту.

Поселок лежал внизу россыпью серых двухэтажных

блоков. Почти все здания были из пластика и стояли на рес-сорах, позволяющих в случае землетрясения смягчить удар. Купола крыш пестрели слуховыми окнами, сияли на солнце стальные опоры радиовышек. Облака белого и розового пара поднимались над бойлерами и воздухоочистительными установками. Сети коммуникаций паутиной тянулись прямо по красной земле: перекрученные пучки проводов, трубы водопроводов, спаренные кислородно-азотные шлейфы. Целые улицы были соединены в единое пространство с помощью раздвижных полупрозрачных переходов. Внутри этих круглых гармошек люди ходили без скафандров.

Монорельс тихоходного входил в самый центр Шарту. Сам поезд сейчас стоял у парящего в воздухе технического перрона, а машины и люди перекидывали фрат на грузовые платформы.

— Надо успеть, пока идет погрузка, — сказал Хинта, — а то потом придется ждать несколько часов, пока он съездит в город и вернется.

— Я думал, мы пообедаем.

— Может, Фирхайф нас угостит.

Они ускорили шаг. Иджи, не сбивая темпа своей механической ходьбы, следовал за ними. Но прежде чем они достигли погрузочной зоны, кое-что произошло. Среди камней, в том месте, где тропа вливалась в окраинные улицы поселка, было расчищено место под открытую спортивную площадку. На ней собралось с десятков подростков. Четверо играли в футбол, остальные сидели вокруг, наблюдая за состязанием и потягивая напитки из прикрученных к шлемам банок. Когда Хинта и Тави проходили мимо, один из зрителей, Круна, обернулся в их сторону и включил громкую связь.

— Улипа на куче фрата, — крикнул он. — Что, Хинта, решил заработать на вставную челюсть для своего убогого брата? Твой богатенький дружок не подает тебе милостыню?

Внешне Хинта никак не отреагировал, лишь сбавил шаг и положил руку на шею Иджи, как бы заслоняя брата от группы подростков.

— Эй, улипы, омаролюбы! — продолжал орать Круна по громкой связи. — По-твоему, Хин, это прилично, твое стра-хобратище водить на люди?

Хинта уменьшил в своем шлеме громкость внешнего звука, и голос Круны сделался тише.

— Если уж твоя семейка не в силах убить это существо, то лучше бы вам прятать его. Как постыдный секрет. Как зад в говне. Верно я говорю?

Они загоготали.

— Мы омаров убивали, и кишки им выпускали, дула в жопу им втыкали, яд в глаза им заливали!

— Омареныша мы ищем, в темноте он страхом дрищет, за туманом горько плачет, братика тупого кличет!

— Что слюнявка нам сказала, когда в бошку ей стучали? Мы не поняли ни слова, так как весь язык омариий это каша из мычання!

За новой речевкой последовал взрыв смеха.

— Беги-беги, спасай своего слюнявого уродца-улипу! — крикнул Хинте вслед Круна. — И литтаплампскую девочку свою прихвати! Только все равно она тебе не даст. А если и даст, то не тебе, а твоему братику-омаренышу. Чтобы беременеть жопой и плодить из нее подобных ему слюнявых недоделков!

Кровь бросилась Тави в лицо с такой силой, что красные пятна стало видно даже сквозь стекло шлема и кислородную маску. Он потянулся к громкой связи, но Хинта его остановил.

— Не надо.

— Но почему?

— Их больше, и из-за твоей матери ты для них все еще чужак. Скажешь им хоть что-нибудь — станет только хуже для нас обоих.

Мимо проехал дрон: два эшелона колес, четыре шаровидных кузова. За шлейфом поднятой им пыли обидчики исчезли из виду. Потом Хинта ощутил, как Ашайта трогает его за плечо. Лицо младшего дергалось. Хинта остановился и включил брата в их с Тави радиоканал.

— А ня мьются? — пуская слюну, спросил Ашайта.

— Нет, они не смеются над тобой. Они просто кричали. Это было не нам.

— А я мал, на мью. — Когда Ашайта переживал, его голос становился совсем тонким, слова комкались и путались, фразы превращались в кашу.

— Успокойся, ладно? Все хорошо. Помнишь Фирхайфа? Мы сейчас идем к нему. Может быть, он нас угостит. А если нет, то после пойдем домой, и я тебя покормлю.

— Лва?

— Да, купим тебе лиаву, но уже после обеда. Хорошо?

— Шо.

Они снова двинулись вперед. Тави часто и расстроено оборачивался на Ашайту. Хинта шагал рядом с Иджи, взяв руку брата в свою. Дыхание младшего постепенно выравнивалось.

— Он будет в порядке? — спросил Тави.

— Не знаю. После таких моментов он иногда начинает плакать. Долго. Ничего, однажды один из этих уродов попадется мне в подходящее время в подходящем месте, и я сорву с него дыхательную маску. Чтобы он задышался всю оставшуюся жизнь, как наша мать, и чтобы другие смеялись над ним, как он над нами.

— Ты же это не серьезно?

Хинта чуть пожал плечами.

— Почему они так тебя ненавидят?

— Не меня. Они ненавидят именно моего брата. Потому что боятся.

— Как можно бояться Ашайту?

— Ты кое-чего не знаешь про обычаи Шарту. Но это и не удивительно, про это почти никогда не говорят. Никто не любит это обсуждать. Но очень многие здесь считают, что таких, как Ашайта, не нужно оставлять в поселке. Они думают, что по решению родителей таких детей следует или убивать, или бросать без скафандра в пустошах за южным краем полей.

Движения Хинты стали скованными, говорил он через

силу.

— Но это же одно и то же, — шокированно произнес Тави.

— Не совсем. Такие, как Ашайта, иногда, пусть и очень редко, выживают без скафандра. Омары пустошей забирают их к себе и восстанавливают их тела с помощью нанитов. Эти дети, научившиеся дышать атмосферным воздухом, вырастают потом в монстров и становятся нашими врагами. А все те, кто кричит гадости моему брату, просто видят в нем маленького омарчонка.

— Это варварство, и предрассудки. Люди не должны так поступать. И омары пустошей, получается, лучше людей Шарту, если они помогают этим детям.

— Ты неправ. Все намного сложнее. Это больше, чем предрассудки. Прошлый Шарту был сметен цунами. Здания были разрушены или смыты в море, скафандры смяты. Многим пришлось работать на руинах дольше, чем позволял объем их кислородных баллонов. Половина жителей получила отравления, половина детей потом родилась калеками. А теперь представь, что было бы, если бы их всех выхаживали так, как моя семья выходила Ашайту. Сейчас, тридцать лет спустя, Шарту походил бы на приют для слабоумных. Представь себе это общество, Тави. И после этого говори, что их жестокость была предрассудком. Не говоря уже о том, что, спасая всех слабых, наши отцы могли бы просто не выжить. Да и омары — не гуманисты. Не смей говорить, что они лучше жителей Шарту. Если они поймают человека, то сорвут с него скафандр и будут глумиться вокруг, пока он задыхается. А если он сумеет прожить несколько часов, то они превратят его в свою тварь, сделают его сумасшедшим слепым рабом. Не думаю, что это делает их воплощением человечности.

Тави выслушал отповедь, понурившись.

— Я не понимаю, почему ты говоришь так, будто на самом деле согласен с этим гаденышем Круной?

— Я люблю своего брата! — вскинулся Хинта. — Или ты хочешь поставить это под сомнение?

— Нет! Ты ведь знаешь, что меньше всего я хотел бы

тебя обидеть. Я просто не понимаю некоторых вещей.

Хинта слегка остыл, но теперь между его бровей залегла напряженная складка.

— Прости, что накричал. Просто ты задал мне вопрос, и я ответил. Я понимаю, почему Круна ненавидит Ашайту, почему каждый второй неоднозначно относится к моему брату. И я не стану осуждать прежнее поколение жителей Шарту за то, что они избавлялись от больных детей, когда тех было много. Но я не согласен с теми, кто считает, что Ашайту следует бросить в пустошах сейчас. Они опоздали и со временем, и с возрастом: сейчас уже не те условия, что в десятилетие после цунами, и Ашайта слишком взрослый — он не выживет без маски и никогда не будет похож на омаров. Короче, они неправы почти во всем. Они не знают и не хотят знать множества вещей: например, то, что брат может и без их злобы просто умереть в следующие два года.

— Или то, что он занимается по специальной программе, и если выживет, то сможет вырасти в почти нормального человека — будет делать простую работу и никому не мешает своими маленькими странностями. Ведь так?

— Так.

Они прошли под линией монорельса. До платформы оставалось всего около сотни шагов — наверх вели сетчатые оранжевые ступени, заляпанные зеленой фратовой грязью.

Фирхайф отдыхал в однокомнатном домике в самом конце платформы. К нему все время по разным вопросам заходили люди, так что дверь он держал открытой. В тамбуре работал температурный барьер, охлаждавший воздух до таких значений, при которых тяжелый тендра-газ обращался в жидкость; осадок всасывало через решетки в полу и выбрасывало обратно на улицу. Хинта уложил Иджи отдыхать, затем, придерживая брата за плечи, как можно быстрее провел того через ледяной портал. Меньше чем за секунду экраны их шлемов покрылись испариной, а в следующее мгновение она уже смерзлась.

— Быстрее! — взвыл Тави, толкая Хинту в спину, и они втроем ввалились в тепло.

— А, вот и юные грабители, — весело сказал Фирхайф.

Мгновение Хинта ничего не видел — у Фирхайфа царилла полутьма. Потом его глаза привыкли, и он различил знакомую обстановку: на стенах — барельеф-портреты героев Лимпы в абстрактном стиле: узкие, полуобъемные лица воинов и полководцев, пилотов машин и инженеров, скошенные нашивки на шлемах древних боевых скафандров. На мониторе мерцала литтаплампская развлекательно-новостная лента, а на столе дымила огромная посуда с лапшой.

— Угостить? — предложил Фирхайф.

— Да, пожалуйста, — просиял Тави. — А мы Вас не объединим?

— Так и знал, что придете голодные. Приготовил побольше.

Ашайта нетерпеливо махал руками, показывая, чтобы его тоже раздели. Через пару минут все четверо уже ели: Фирхайф — спокойно, Тави — жадно, быстрее всех, Хинта — медленно, одну ложку себе, другую брату.

— Очень большое спасибо, — откидываясь на спинку стула, поблагодарил Тави.

— Считай, что это было за знакомство. В следующий раз ты меня будешь угощать, и миска будет в два раза больше. Я так считаю: что ты людям — то и они тебе. А когда способствуешь молодым, обеспечиваешь себя на тридцать лет вперед.

Тави улыбнулся и слегка поклонился.

— А Вы не знаете, зачем тот необычный пассажир ехал в Шарту?

— Какой пассажир?

— Парень в скафандре как у меня. Мы его видели, когда мимо нас проехал конец поезда.

— А, этот. Нелюдимый романтик. Он, похоже, останется здесь жить.

— Но он потеряет гражданство, — удивился Хинта.

Фирхайф пожал плечами.

— Я выспрашивал у него, когда он собирается назад, но он ответил, что не поедет. Вот и вся история.

Когда они снова вышли на улицу, солнце давно перевалило зенит. Несколько рабочих пеномашинками мыли перрон от фрата, остальные сидели на горах разгруженного товара, отдыхали и смеялись чьей-то шутке; вокруг, списывая номера прибывших ящиков, суетился техник-логист. Хинта разбудил Иджи. Фирхайф подкатил к ослику предпогрузочную тележку, включил весы.

— Там ровно сто тридцать шесть кило, можете не тратить на это время.

— Хинхан, мне так положено, и неважно, что я думаю о твоей честности.

Иджи послушно опрокинул свой кузов в тележку Фирхайфа. Тави столкнул руками последние, застрявшие ломти губки и устался на табло тележки.

— Стало на два кило больше? Два кило фрата приросли по дороге?

— Такого не бывает, — прищурился Фирхайф. — Думаю, семейству Фойта стоит слегка перекалибровать свое четвероное.

— Вовсе нет, — задето ответил Хинта. — С Иджи все в полном порядке. Просто магниты шалют рядом с Экватором.

— А-а, так вы оценивали улов прямо там, на тропе? Ну, тогда твой Иджи просто чудо. Взвешивая центнер в ста метрах от Экватора, ошибся на ничтожные пару кило. — Фирхайф покатил тележку к оставшемуся неполным погрузочному слоту. — Семь кило сейчас стоят один гал, значит...

— Девятнадцать галов, — посчитал складской логист.

— А мне кажется, чуть больше, — тоже посчитал Тави.

— По правилам компании-перевозчика, — ехидно заметил логист, — цена относительно веса товара округляется в пользу покупателя. Так что если Фир-старина заплатит вам двадцать галов, последний он отдаст из своего кармана.

— Вот видишь, — усмехнулся Фирхайф. — Для тебя, Тави, те же правила, что и для Листы Джифоя.

— Да, только он продает тысячи тонн, а я — что? Но лад-

но.

Они подкатили тележку к поезду, и она, подняв свой контейнер вверх, высыпала фрат на платформу. Все, что собирали ребята, стало лишь краем огромной кучи. Подошедшие рабочие сразу начали накрывать погрузочный слот сеткой, чтобы фрат не разлетался по дороге. Фирхайф и Хинта достали карманные цифровые кошельки и развернули над ними гал-граммы. Девятнадцать галов отделились от одного кошелька и по воздуху поплыли к другому.

— Готово.

— Куш, куш, куш, — подпрыгивая от возбуждения, воскликнул Тави. — Мы идем в ламрайм!

Рабочие подтрунивали над мальчишками. Фирхайф черкнул подпись в документах логиста и вразвалку направился к локомотиву. Еще через минуту тихоходный отбыл в направлении города. Уезжая, старик прощально махнул рукой.

По пути в ламрайм Хинта завел Иджи в гараж своей семьи. Родителей он не встретил: мать была на легочных процедурах, отец еще не вернулся с работы. Там же, в гараже, он рассчитался с Тави. Когда они вошли в холл ламрайма, тот уже пребывал в полной эйфории.

— Девятнадцать галов... Я не думал, что мы заработаем так много. Это же целый день развлечений, причем для нас двоих!

— А ты еще хотел отжать у Фирхайфа лишний гал.

— Ну, гал лишним не бывает.

— Не трать все. Вот я на часть своей доли куплю инструменты и детали.

— Так то ты, — с влажными от счастья глазами ответил Тави, — а мне ничего такого не нужно. И удержаться от кутежа будет сложно. А то, — посерьезнев, добавил он, — я уже не могу, как раньше, просить у мамы деньги на маленькие радости.

Холл ламрайма был просторным, длинным и выгну-

тым. Вдоль него стояли круглые тумбы. Над большинством постаментов, красиво светясь, возвышались группы героев. Фигуры, все примерно в метр высотой, совсем как живые беззвучно разговаривали между собой, жестикулировали, сражались. Одна из сцен изображала воинов, печально склонившихся над телом павшего товарища. Под ногами фигур, по круглым дисплеям, бежали надписи с названиями и временем сеансов. Между тумб ходило с десятков разновозрастных посетителей. Выбрав лам, они подходили к тумбе, рисовали перед ней стандартный знак контакта, и тогда фигуры героев исчезали, сменяясь трехмерной проекцией лам-зала. Посетители резервировали себе свободные места и уходили — кто в кафетерий, кто прямо на лам-сеанс. Тави, Хинта и Ашайта влились в разреженную толпу.

— Хороший сейчас сезон, — показывал Тави, — столько новых ламов! Еще дней десять назад половина тумб стояла пустая. А теперь вон новое, и вон там, и еще...

Хинта только и успевал, что вертеть головой. Наконец, его притянуло к яркому постаменту, над которым могучий мужчина в огромном экзоскелете с десятками механических рук, растущих от плечей и боков, крушил ледяную скалу. Спутники в костюмах поменьше помогали ему. Под фигурами разрушителей льдов крутилась надпись: «Соппротивление Притака — строители ледяного лабиринта». Хинта поймал бегущую надпись ладонью, заставляя ее развернуться в пояснительный текст.

— А я это фактически видел, — расстроился он. — Это ремейк «Семи крепостей Джифола».

— Нет, это не по ламу позапрошлого года. Это самостоятельная история по тому же мифу, но с упором на линию Бриты Мурата.

— А кто он? То есть, имя-то я помню...

— Сын Гвартаны Мурата, последнего из космолетчиков, кто после катастрофы сумел вернуться на Землю с Марса. Брита был воспитан отцом, вырос и стал механиком снежных буров. Он прославился, когда построил подо льдом пути сообщения под оборонительными линиями Джидана.

Хинта кивнул.

— Я помню, как в «Семи крепостях» выглядела его машина. Тысяча ледорубов на такой круглой штуке.

— Да, — увлеченной скороговоркой подтвердил Тави. — Там показывали его машину и его тоннели, потому что джиданцы пытались разрушить их ледороющими торпедами и потом отбивали вышедшую из-под льдов атаку Притака. Но сам Брита фактически не был показан — он ведь там был лидером врагов. А здесь будет взгляд с совсем другой стороны: вся его жизнь в Притаке с детства и до исчезновения во льдах. Хотя не знаю, может, они придумали какой-то конкретный конец его истории.

— Открытый финал, — оценил Хинта. — Будет интересно. Пойдем на него?

— Давай не в этот раз. Он идет еще пятьдесят дней, а кое-что, чего ты еще не видел, скоро уже закончится.

— Твой Джилайси, — угадал Хинта.

— Да. Сходим на него. Я так хочу, чтобы ты это увидел! Туда.

Они пошли к дальнему постаменту. На нем была изображена сцена рукопашной борьбы — развитый юноша с красивым, немного даже женственным лицом, в разрушающемся скафандре-экзоскелете вырывался из сети пут, а на его плечах и ногах, пытаясь удержать, висели другие герои. Вокруг постамента бежала надпись: «Джилайси Аргнира — плачущий воин».

— Знаю, выглядит странно, но это самая лучшая часть самой потрясающей истории, которую я знаю. Один из тех случаев, когда лам-реклама хуже самого лама.

— Я видел уже два лама про Джилайси. Про него-мальчика, когда он побеждает своего жестокого отца и становится первым из героев Джидана...

— Меняет все в их стране, — закивал Тави.

— И второй, когда он уже ни на чьей стороне.

— Он всегда был на стороне справедливости. А это — середина его истории. — Тави ткнул в бегущую надпись и зачитал вслух. — Джилайси Аргнира — плачущий воин, за-

бывший, на чьей он стороне, и начавший битву за само добро против всех.

— Так вот как он перестал быть воином Джидана.

— Да. И это срастается на самом деле с легендой о семи крепостях. Потому что так сорвалась битва за крепости. Джилайси был оглушен — снайперы Притака всадили ему в лоб нанопулю, которая должна была сделать его берсеркером, бьющимся на их стороне. Но он каким-то образом переборол наниты и стал еще светлее в душе, чем был прежде. Он забыл, кто он такой и зачем идет война. А когда очнулся, не помня себя, то рыдал и требовал от всех, чтобы они прекратили битву. Он начал спасать раненых со всех сторон, выносил их из боя и поражал тех, кто пытался добивать слабых.

— Не рассказывай. Лучше я увижу сам.

— В общем, так появился тайный союз — люди, воевавшие против всех ради завершения самой войны. Но даже им не удалось спасти Джидан. Война закончилась лишь после того, как Притак и Лимпа окончательного его уничтожили. А жаль.

Тави начертил знак контакта, и фигуры героев исчезли, сменившись изображением зала. Тот был круглый, места спиралью спускались к расположенной в центре проекционной арене.

— Я знаю, ты любишь первые ряды, но с нами Ашайта. Давай возьмем у стены.

— Конечно. Вот здесь. Там рядом установка одного из проекторов, а сбоку от сиденья не проход, а просто пустое место. Твой брат сможет сколько угодно махать руками и никому не помешает.

Хинта благодарно улыбнулся и запустил сразу тремя пальцами в три соседних куба на голограмме. Они с красного изменили цвет на голубой, а из центра тумбы вылезла губка накожного принтера. Тави наклонился и с размаху впечатался в губку лбом.

— Я знал, что ты сейчас это сделаешь, — фыркнул Хинта. Сам он приложил к губке тыльную сторону ладони, а потом поймал Ашайту за руку и сделал с ним то же. Теперь на

их коже светились номера мест — «97», «98», «99» — набранные традиционной литской числицей, причем перевернутый боком знак числа сиял у Тави прямо над переносицей.

— До возвращения домой краска испарится, — легкомысленно отмахнулся он.

В кафетерии Хинта купил для Ашайты сладкую ленту лиавы, и они пошли в зал.

Воздух дрожал в лучах проекторов, извергающих в зал потоки неосязаемого огня и льда. Джилайси Аргнира действительно плакал, когда выносил из битвы своих израненных врагов, а те, обезумев, кричали ему: «что ты делаешь, убей нас». И наконец, поняв, что резню невозможно остановить, Джилайси начал сражаться против всех. Как демон, в огненно-стальном облачении, с окровавленным, но все еще прекрасным лицом, он носился посреди битвы, поражая и тех, и других. И вот наступило мгновение, когда уже все, с обеих сторон, перестали сражаться друг с другом и пытались уничтожить лишь его одного. Но он был неуязвим. Какая-то сила светлого горя окружала его непроницаемым щитом, и он ускользал, прыгая меж перекрещенных лучей смерти. Пораженные его подвигом, две огромные армии сдались и отступили, оставив его одного стенать посреди рухнувших бастioned, брошенного оружия, разбитых машин и тонущих в расплавленном льду мертвецов.

На середине сеанса зашторенные двери всколыхнулись, впусив в зал лучик света и кучку новых зрителей. А потом Хинта почувствовал, что Тави наклоняется к нему и легонько пихает локтем в бок. До сих пор он думал, что только стобалльное землетрясение может отвлечь Тави от деяний Джилайси. Но сейчас толчков вроде не было, а Тави все-таки отвлекся.

— Что? — негромко спросил Хинта. На них никто не оглянулся — мощно наплывающая музыка глушила своим рокотом голоса.

— Посмотри, — громким шепотом сказал Тави, — вон

тот человек.

Хинта перевел взгляд с героев на трибуны по ту сторону арены. В алых вспышках от клинка Джилайси было видно ряды смутно белеющих лиц. Хинта смотрел долго, пока, наконец, не выделил из массы зрителей мужчину, на которого указывал Тави.

— Он пошел в ламрайм? Он не по делам сюда приехал и даже не посмотреть на нашу жизнь? Он приехал и пошел в ламрайм?

Через час и двадцать минут лам был прерван антрактом. Хинта повел Ашайту прогуляться, а Тави взял на себя бремя покупки сладостей. Он шел через толпу с тайной мыслью о возможности встречи, и внезапно его желание исполнилось: он заметил чужака и вошел в кафетерий прямо вслед за ним. Они друг за другом встали в очередь к автоматической навамешалке.

— Пта, — осторожно сказал в спину незнакомцу Тави, — Вы приехали сегодня, на тихоходном поезде?

Мужчина полуобернулся и через плечо глянул на мальчика. Лицо его было чистым и приятным, губы — неяркими, глаза — ясными, блестящими. Тави неуверенно улыбнулся ему.

— Как ты узнал?

— Мы видели Вас на спирали у Экватора.

— А, так это был ты, — улыбнулся мужчина. — И твои друзья?

Он перевел взгляд куда-то дальше. Тави посмотрел в ту же сторону. Хинта стоял у самого выхода из зала и придерживал Ашайту за руку, чтобы тот не начал танцевать среди людей.

— Да, это они. Пта, — снова рискнул Тави, — Вы же из Литтаплампа, так? Думаю, там есть ламраймы побольше и получше нашего. Неужели Вы приехали сюда только за этим?

— А-а, так вот что не дает тебе покоя? Просто правление поселка еще не подготовило мне жилье. Сказали подождать

три часа. Не буду же я сидеть у них в офисе все это время. И вот я здесь.

— Значит, Вы останетесь в Шарту?

Мужчина чуть кивнул.

— А далеко идет та тропа? — неожиданно поинтересовался он.

— До самого моря, пта, — удивленно ответил Тави. — До старого Шарту, который был смыт цунами. На его месте теперь мемориал. Тропа выходит прямо к мемориалу. Но по ней не проехать, а для пешей прогулки это слишком далеко.

— Спасибо, — сказал чужак. — Это мне пригодится.

Его заказ был уже готов. Он подхватил свой кулек с навой, подмигнул Тави и пошел обратно в зал. Тави пялился ему вслед, пока очередь у него за спиной не начала возмущаться.

Возвращался назад он с четырьмя огромными, холодными, сладко пахнущими кулками разноцветной мелкорубленой навой. Антракт закончился, и они снова расселись по местам. Джилайси Аргнира говорил речь среди способных слушать раненных, и те склонялись, обессиленные войной, понимающие правоту его слов. Хинта решился оторвать Тави от зрелища.

— Я видел, ты с ним говорил. Узнал что-нибудь?

— Не знаю, — с непонятной радостью пожал плечами Тави. — Просто поздоровался. И убедился, что это очень необычный человек.

— Как?

— Не знаю. Не могу пока толком объяснить, но это точно так. Он как будто моложе всех остальных взрослых. Он живой, Хинта, он не гаснет, как наши с тобой родители, он очень ярко горит внутри. И ему как будто совсем ничего не нужно от мира вокруг. Как будто он и здесь, и больше, чем здесь.

Хинта не нашелся с ответом, и они снова обратили взгляды на арену. Им предстояло еще полтора часа зрелища.

Когда лам закончился, и они вышли на улицу, небо уже переливалось всеми цветами заката. Солнце тонуло за горизонтом, стреляя зелеными и алыми сполохами последнего света. Расходиться не хотелось. Тави вышел на радиосвязь с матерью, сказал, что гуляет с Хинтой, и выпросил у нее еще два часа. Хинта отвел Ашайту домой, передал его в распоряжение родителей, а сам вернулся назад, во двор.

Они обсуждали лам так долго, что наступила ночь. Когда дома поселка утонули в густых сумерках, а окна загорелись, ребята легли на землю и стали смотреть в небо. Два маленьких полумесяца, то сходясь, то расходясь, медленно танцевали друг вокруг друга. По большей части они были бледно-желтыми, но оконечность одного из них перечеркивалась черной сеткой крошечных линий.

— Ты когда-нибудь видел, как древние рисовали Луну? — спросил Тави.

— Просто круг. Будто ночное солнце.

— Даже не верится, что она была такой, да?

— На ней был город древних. Огромный космический порт. Он полностью погиб. Когда я был совсем маленький, мать говорила, что по небу летают два бумеранга, а на конце одного из них сидит паучок. Как город, полный людей, мог превратиться в черную зазубрину на осколке планеты?

— Я думаю, вблизи он все еще выглядит как город. С башнями из металла и стекла, с рудниками для добычи льда и гелия, с протянувшимися вдаль дорогами, с огромными кораблями древних, мертвыми и порушенными, стоящими в своих взлетных шахтах.

— Да, так может быть. Я даже думаю, часть машин там еще жива. Спят в темноте без людей, ждут чего-то. Я слышал, некоторые машины древних еще работают в космосе. Если настроиться на их частоту, то можно поймать какой-то сигнал. Но никто больше не умеет его понимать. Возможно, и этот город на осколках Луны все еще о чем-то говорит, пере-

дает какое-то сообщение, просьбу о помощи.

— А вдруг там кто-то еще живет?

Хинта качнул головой.

— Там совсем нет атмосферы. Нечего есть и нечем дышать. Удар, расколовший Луну, должен был нарушить целостность всех построек. Весь их воздух ушел в космос. Прости, Тави. Там только пыль, мрак и дремлющая сталь. И так, наверное, останется уже навсегда.

Тави смотрел в сияющее звездами небо.

— Это очень грустно.

— Может, и нет. Это след, который по меркам одной человеческой жизни просуществует почти вечно. След чьей-то мысли, чьей-то борьбы. Я бы хотел оставить после себя не меньше. Представляешь, мы сейчас и отсюда видим то, что было построено почти тысячу лет назад. Какое же оно должно быть огромное там, на другой планете, раз мы видим его даже без бинокля? Какие же великие это были люди!

— Жаль, что про древних пишут мало историй. Почти все наши легенды посвящены войнам эпохи восстановления.

— Напиши про них сам.

— Думаешь, у меня получится?

— Напиши историю про то, как погибла Луна.

— Лучше я напишу про то, как на ней основали город. Это более вдохновляющий момент. И герои для этого нужны ничуть не меньше, чем для сцены всеобщей гибели.

— Как скажешь. Главное, напиши.

Они лежали под звездами, пока в динамиках Тави не зазвучал голос матери. Она сказала, что прошло уже больше чем два часа, что ужин остыл и что сын ее разочаровывает.

Тот день, хотя формально он был лишь одним из множества свободных каникулярных дней, запомнился им обоим надолго. Хинта иногда вспоминал про встречу с незнакомцем и начинал беспокоиться, что Тави все еще о ней думает. Но со временем это отошло в сторону: на Шарту обрушились новые события, достаточно яркие, страшные и всеобщие, чтобы на-

---

долго отвлечь на себя почти все их внимание.

ГЛАВА 2

ВРЕМЯ БЫТЬ ГЕРОЕМ

Когда началась тревожная рассылка, Хинта и Атипа вместе работали на площадке перед гаражом. В кузове Иджи лежала куча старых микросхем. Отец и сын перебирали медно-кремниевый лом, пытаясь определить, что здесь еще годится для ремонта. Они совершенно ушли в работу, и оба вздрогнули, когда в динамиках их шлемов зазвучал чужой, официальный женский голос.

— ЖИТЕЛИ ШАРТУ, ЖИТЕЛИ ШАРТУ, ЖИТЕЛИ ШАРТУ, ПРОШУ МИНУТУ ВАШЕГО ВНИМАНИЯ.

— Что это? — только и успел спросить Хинта.

— ЭТО СООБЩЕНИЕ БУДЕТ ТРАНСЛИРОВАНО ПОВСЕМЕСТНО НА ОБЩИХ АВАРИЙНЫХ РАДИОЧАСТОТАХ ШАРТУ И В АТМОСФЕРНОМ ВЕЩАНИИ ПО ВСЕМУ ПОСЕЛКУ. СООБЩЕНИЕ БУДЕТ ПОВТОРЯТЬСЯ КАЖДЫЕ ПЯТЬДЕСЯТ МИНУТ. ЕСЛИ ВЫ НЕ ОТНОСИТЕСЬ К ЮРИСДИКЦИИ ШАРТУ, НО УСЛЫШАЛИ СООБЩЕНИЕ — МЫ ПРИНОСИМ ИЗВИНЕНИЯ ЗА ТО, ЧТО ЗАНЯЛИ ЧАСТОТУ.

По улицам тек прозрачный тендра-туман. В вышине за тонкими облаками желтело солнце. Матово блестели стены домов. Оставалось около двух недель до начала учебного года. Если бы не этот голос, была бы середина совершенно обычного выходного дня.

— Что-то случилось, — сказал Атипа.

— СЕОДНЯ В ДВАДЦАТЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА В ГЛАВНОМ ЗАЛЕ ГУМПРАЙМА СОСТОИТСЯ ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ. НА

НЕМ БУДУТ ОБЪЯВЛЕНЫ ВАЖНЫЕ НОВОСТИ И БУДУТ ОБСУЖДАТЬСЯ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ. РЕШЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ СОБРАНИЕМ, КОСНУТСЯ ВСЕХ, КТО ОТНОСИТСЯ К ЮРИСДИКЦИИ ШАРТУ.

Треск эфира. Атипа каким-то безнадежным жестом бросил в кузов Иджи недомытую плату. Она грузно звякнула радиатором.

— ПОЭТОМУ МЫ ПРОСИМ ЯВИТЬСЯ ВСЕХ, ВКЛЮЧАЯ ОТДЕЛЬНО ЖИВУЩИХ ХУТОРЯН С ВОСТОКА И С ЮГА. ЕСЛИ ВЫ НЕ МОЖЕТЕ ЯВИТЬСЯ ЛИЧНО, ПОСТАРАЙТЕСЬ ОБЕСПЕЧИТЬ ВИДЕО-ПРИСУТСТВИЕ. КОДЫ КАНАЛА ОДИН, ОДИН, ДВА, ОДИН, ОДИН, ТРИ. ПОВТОРЯЮ. ОДИН. ОДИН. ДВА. ОДИН. ОДИН. ТРИ.

— Думаешь, правда придут все? — спросил Хинта. Атипа молча кивнул, протянул руку и тяжело похлопал сына по плечу.

— КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ. СООБЩЕНИЕ БУДЕТ ПОВТОРЕНО ЧЕРЕЗ ПЯТЬДЕСЯТ МИНУТ.

В прошлый раз, когда зазвучало оповещение, Хинта был в школе. Тогда голос был мужским. Он сказал, что в основной воздухоочистной системе Шарту поселилась колония болезнетворных грибков. Началась паника, все одели скафандры и высыпали на улицу. Но тревогу подняли слишком поздно — четверть жителей уже была заражена пневмонией. Следующие два месяца весь поселок кашлял, помещения пришлось продувать азотом, а двенадцать человек не пережили болезнь. Хинта хорошо запомнил то время потому, что его мать, с ее обожженными легкими, болела тяжелее других. Они с отцом много дней боялись, что она станет тринадцатой.

— Ладно, — медленно произнес Атипа, — работа есть работа. Давай все равно переберем платы.

Но ни один из них не сдвинулся с места.

— Что могло случиться? — спросил Хинта.

— Ну, к примеру, предсказали приближение худшего землетрясения века. Или у нас отказывает реактор электростанции. Да тысячу вещей это может означать. Ясно только,

что жизнь в любом случае станет хуже.

— Я хотел пойти к Тави пообедать. Можно?

— Поешь дома, Хинхан. Давай побудем все вместе, пока не прояснится, что там случилось. Позвоню Лике.

По позе отца Хинта видел, как тот говорит с матерью. Его родители обрушивали друг на друга потоки пессимизма и безнадежности, считали свои горькие шансы на выживание, жаловались и прогнозировали дурную судьбу. Не в силах находиться рядом с Фойтой-старшим, Хинта ушел вглубь гаража. Здесь было лучше: отовсюду смотрели морды-интерфейсы родных машин, вздымались до потолка стеллажи, полные полезного старья. В ванне для отмывки плат бурлила серая жидкость, светился зеленым светом и истекал медленными струйками дыма стержень лазерного паяльника. На верстаке лежала интересная платка — отец хотел ее выбросить, но Хинта думал, что это еще способный к работе стимометр или гетвопстер. Мальчик сел за верстак, провел пальцами по узорам неопознанных микросхем, пригладил выпуклые ряды тиристоров, успокоился и осознал, что тоже должен позвонить — сказать Тави, что не придет. Однако он на секунду опоздал — входящий звонок от того сам прорезался в его шлеме.

— Ты опередил меня на мгновение, — сказал Хинта. — Тоже слышал?

— Да. Мама уже в полной панике. Пытается дозвониться до Джифоя. Уверена, он знает, в чем дело.

— А будет здорово, если она выяснит. Слушай, отец меня не отпустит.

— А почему? Не землетрясение же.

— Ты знаешь моих родителей. Они всего боятся. Отец решил, так будет безопаснее.

— Жалко. Я думал, мама успокоится, если придешь ты. Она при посторонних лучше держит себя в руках.

— Прости.

— Да ладно, ты же не виноват.

Хинта промолчал, глядя на угрюмую фигуру отца, застывшую у входа в гараж. Тави был вроде как прав. И все же

Хинта ощущал призрак вины. Он мог начать перечить отцу, но не сделал этого — как будто на самом деле был согласен с этим решением, как будто тонул в страхах и унынии своей семьи.

— Хотя, может, поговоришь с ним? — словно уловив его мысли, попросил Тави. — Случись что по-настоящему страшное, никто бы уже не успел собраться вечером. Помнишь общее собрание, которое было пять лет назад — я тогда только приехал в Шарту и удивлялся всему? Тогда в самый сезон забастовали сборщики фрата. Ничего серьезного не случилось, просто весь поселок переругался, а потом так же успокоился.

— Да, наверное, какая-то ерунда. Но я уже не стал с ним спорить. Давай сделаем по-другому: я пообещаю с семьей, они слегка успокоятся, а потом я еще раз попрошу, чтоб меня отпустили.

— Да, давай. Сытые люди на все смотрят легче. И скажи родителям, что моя мама может узнать, в чем дело. Это их соблазнит.

— Ты гений, — обрадовался Хинта. — Так и сделаю. В поселке, кстати, все пока спокойно.

— Ты на улице?

— В гараже.

— Передавай привет Иджи.

Хинта фыркнул.

— Обязательно. Но вряд ли он ответит тебе тем же. Ладно, мне пора. Еще раз прости, что не приду к обеду.

— Думаю, мы все равно увидимся. Если не после обеда, то вечером, на общем собрании. Я оставлю тебе кусок маминного пирога.

Еще через час, после повторного оповещения, когда Атипа уже закрывал гараж, к ним подошел Риройф Кахта. Этот высокий нескладный человек с сутулыми плечами и низко опущенной головой всю жизнь проработал сборщиком фрата, но так и не дослужился до командира бригады. Его жена много лет назад уехала учиться в Литтаплам —

тогда это еще было возможно — а позже не пожелала возвращаться. Риройф соображал медленно — лишь через три года после ее решения он перестал посылать ей деньги. Теперь он был одиноким и угрюмым, как старый ржавый транспорт, брошенный в пустошах среди ужасов и песков. Между ним и Атипой существовало что-то вроде зыбкой рабочей дружбы: их гаражи стояли рядом, и иногда они помогали друг другу, а иногда вместе пили кувак.

Риройф знаком показал, чтобы Атипа создал для них канал связи.

— А мне можно? — быстро попросился Хинта. Отец соединил их втроем.

— Дела, ага, — без предисловий начал Риройф. — Может, знаешь чего, Атипа?

— Да мы только услышали сообщение.

— И я мало знаю. Но был слух — еще ранним утром... — Риройф постоял, неуклюже повел плечами.

— Так и что? — спросил Атипа, набирая защитный код на панели гаража. Риройфа надо было торопить, иначе он мог тянуть слова часами.

— А-а, — как бы возвращаясь из полузабытья, откликнулся тот. — Ребят ночью будили, из молодых. Отряд человек в тридцать собрали, ага. — Гараж был закрыт, и все трое двинулись через улицу. — И отряд этот уехал куда-то на юг, далеко в поля. Вроде как дали им срочную работу, и Джифой обещал за нее заплатить. Но что за работа — никому не скажали.

— Человек тридцать? — переспросил Атипа.

— Ага. — В тоне Риройфа прозвучало явное удовольствие от того, что он знает чуть больше остальных.

— А каких специальностей? — спросил Хинта.

— Да всех. Главное, чтоб молодые были и сильные. Мне это бригадир наш рассказал. И секретность какая-то вокруг этого сбора была. Никому не хотели прямо сразу говорить, что за работа. Приходи — и на месте, мол, объяснят, а позже заплатят.

— Может, что-то с системой орошения полей? — предпо-

ложил Атипа. — Если там большие трубы прорвало, то могли такую толпу послать перекидывать и сушить фрат. Машины этого сами не сделают.

— А не знает никто, что там у них случилось. Рано уехали, никто даже не видел, кто ими командует. Только ясно — оповещение и отряд этот друг с другом связаны. Ну, давайте, а я к себе.

Они разошлись. Уже на пороге дома Хинта тронул отца за локоть.

— Стали бы из-за прорванной трубы делать оповещение?

Атипа посмотрел на сына, покачал головой. И Хинта понял, что отец суеверно не хочет говорить о тех плохих вещах, которые в действительности пришли ему на ум.

Отдельной столовой у них не было — ели на большой кухне. Обязанность кормить Ашайту переходила по кругу: Лика влила в больного сына суп, Атипа помог ему съесть несколько ложек каши с овощами, а Хинта порадовал брата скромными сладостями.

Мать Хинты была не женственного сложения — у нее на всю жизнь осталась фигура подростка, лишь чуточку шире после рождения сыновей стали бедра. Стриглась она коротко, маленькое круглое лицо с годами ссохлось, но осталось милым. Радужка ее глаз имела безумный синий цвет — эту черту она передала детям. По мере того, как Хинта выросл, его рост выравнивался с ростом матери, и сейчас она была немногим выше его, примерно как Тави. Каждым делом — готовкой, уборкой, кормлением Ашайты, лечением — она занималась медленно и старательно. Дважды в день, рано утром и поздно вечером, она ходила на птицефабрику Сабада Джапа, чтобы проконтролировать работу кормо-раздающих минидронов. По ее приходам и уходам можно было отмерять часы — она никогда не торопилась и никогда не опаздывала. Хозяин был от нее в восторге.

В ее движениях была особая неуверенность, свойствен-

ная болезненным людям, говорила она тихим, хрипловатым голосом — ей не хватало воздуха, чтобы от души смеяться или кричать, и приходилось постоянно носить с собой кислород в удобном баллоне-фляге на бедре. По всему дому были устроены специальные места, в которые она складывала свои лекарства: в ванной — утренние таблетки и ингалятор с нанинами; в спальне — целая тумба ночных релаксантов, антидепрессантов, карамелек, смягчающих дыхание, спреев для воздуха; на кухне — отдельный шкафчик, набитый витаминами и ампулами базового курса. Когда малознакомые люди спрашивали о состоянии ее здоровья, она обычно отвечала, что вкус смерти навсегда остался на ее губах, и это не было преувеличением: тендра-газ, принятый в околосмертельной дозе, навсегда изменял вкусовые рецепторы.

Отец Хинты был жилистым и сильным. Но сила не придавала ему ни осанки, ни уверенности в себе. Он накачал мышцы, перекидывая сотни лопат фрата, корчуя треупсы, таская тяжелые детали. Его плечи без правильной физической подготовки стали сутулыми и покатыми — в этом они с Риройфом походили друг на друга. Поза отца всегда выглядела усталой, при каждой возможности он стремился сесть, опустить руки, прислониться к стене. Как и у многих черно-рабочих, у него часто болела спина — тогда он закидывал в рот таблетки обезболивающего и на несколько дней становился еще более угрюмым и необщительным, чем обычно. На лице его выделялся крупный нос, глаза — темные, волосы — черная смоль с первой проседью; их цвет достался Хинте и отчасти Ашайте.

Почти все свое время Атипа посвящал трудоемкой деятельности. Кроме работы на Джифоя, у него было собственное маленькое хозяйство в четыре теплицы, так что зачастую он мотался между полями, своим участком и гаражом, а домой возвращался лишь для того, чтобы поесть и поспать. Но если вдруг все основные дела заканчивались, и он на час или два оказывался предоставлен самому себе, то и в своем доме он находил поводы для тяжких истерических забот — чинил все, что можно, экономил, выкручивался, строил что-то из

хлама и украденных у работодателя полезных мелочей. Лишь раз в несколько месяцев ритм его жизни разрывался паузой отдыха, когда он позволял себе провести время с другими работягами, выпить, а потом убить следующий день на похмельное безделье. Иногда, в особо мрачные минуты, Хинта начинал думать, что единственная цель отца — не оставаться наедине с Ашайтой, и ради этого и были придуманы все дела — бесконечные, иногда совершенно бесполезные, но очень утомительные и требующие огромного времени.

Разговор за обедом шел рваный, нервный, все то и дело поглядывали за окно, будто в захватившей улицу реке зеленатоватого тумана можно было увидеть картину грядущих бед.

— Поля большие, — выслушав пересказ слов Риройфа, сказала Лика, — наверное, кто-то потерялся... А тридцать человек — это обычный поисковый отряд. Такой же собирали, когда младшая дочь Джифоя закатила истерику и убежала из дома.

— Будь это одна девчонка, не стал бы никто делать оповещение по аварийной связи.

— И что ты думаешь?

Хинта в этот момент пошел мыть кружку брата, и родителям, наверное, казалось, что он их не слышит.

— Думаю о смертях, — понизив голос, ответил Атипа. — Да, может, кто-то и пропал. Но тогда не один человек, а десять сразу. Потому они и решили не говорить, что случилось. Думают — тревога и неуверенность сейчас лучше, чем горе и паника.

— Именами сестер-жриц Лимпы заклинаю, чтобы ты был не прав, — взмолилась Лика. — Не надо нам такого.

Хинта выключил воду и пошел обратно за стол.

— А вечером, — уже громче договорил Атипа, — когда народ соберется и будет готов слушать, они вывалят на нас правду. Чтобы никто ни о чем не думал заранее, не перекипал внутри. Но даже если никто не пострадал, есть очень плохие варианты. К примеру, пожар на фратовых полях. Если выгорит сотня квадратов, убытки будут у всего поселка, и следующий год станет голодным.

— Было бы много дыма, — сказал Хинта.

— Так за туманом ничего не видно. Может, половина тумана — это дым и есть. Разве отличишь?

— Ну, на самом деле отличишь, — сказала Лика. — Дым от фрата черный и густой.

— Ветер северный. Дым бы шел в сторону от нас. И туман скрыл бы все, что можно увидеть.

Хинта одной рукой скармливал Ашайте длинную радужную ленту лиавы, а другой вытирал с подбородка брата слюну.

— Можно, я все-таки схожу к Тави?

— Хин, — совсем сократил имя сына Атипа, — мы же договорились.

— Тут идти всего три минуты! На улицах спокойно. Эрника за мной присмотрит. Если бы нам что-то угрожало прямо здесь и сейчас, совет поселка не стал бы до вечера откладывать общий сбор! Уже была бы всеобщая паника, как два года назад.

— А если они ошиблись? Они же не всеведущие. Могли и недооценить угрозу.

— Тави сказал, что его мать сразу после оповещения созванивалась с Джифоем и с правлением. Она не простая, как мы. Ей наверняка выложат правду. Если она согласится, чтобы я к ним пришел, то, значит, прямой опасности нет. А я у нее выведаю, в чем дело.

— Вот так тебе приспичило? Это же глупо. Вы каждый день вместе.

— А знаешь что, — глядя на мужа, сказала Лика, — пусть идет. Но ты его проводи до их порога.

— Не хочу я туда ходить, — рассердился Атипа.

— Да ты вернешься раньше, чем домоется посуда. Тебе что, жалко?

— Я кое-чем хотел еще заняться, вытяжка в шлюзе не...

Они спорили ровно столько, сколько было идти до дома Тави. Когда Лика начала между репликами ловить ртом воздух, Атипа, грохнув стулом, поднялся и заявил, что сейчас сам позвонит Эрнике. Он говорил с матерью Тави не больше

минуты, а потом, источая пессимистическое торжество, сообщил, что та советует всем сидеть по домам. И Хинта с Ашайтой пошли к себе.

У братьев Фойта была общая спальня. Нижний ярус встроенной двухъярусной кровати, соединенной со шкафом, переполненным всяческим детским хламом, принадлежал Ашайте — там жили его любимые мягкие робо-игрушки, зверята-терриконы. Эти желтоглазые искусственные существа, покрытые лохматой фиолетовой шерстью, умели петь и говорить. Еще они, как Иджи, реагировали на руки младшего, и иногда он с их помощью исполнял свою странную музыку. У другой стены был рабочий стол и обучающие терминалы: один маленький, стандартный, для Хинты, и необычный, специально заказанный из города, для Ашайты. Над терминалами развернулся во всю стену детский шедевр Хинты — барельеф с изображением погибших в бою машин Притакка. Края композиции были оформлены полупрозрачными глыбами поддельного льда, а из ее центра выступали вперед тщательно вырезанные из пластика пушки, шестерни и молотилки. Выкрашенные в цвета стали и саж, они выглядели совсем как настоящие. Борта машин Хинта сделал красными, на них огнем горели знаки отличия и темнели прожженные с помощью фратовой мини-горелки пробоины.

Хинта снял терминал со стола, забрался в свое уютное гнездышко на верхний ярус кровати, и уже оттуда вызвал Тави. Тот ответил сразу, его лицо заполнило весь экран. Выглядел Тави взъерошенным, расстроенным и потерянным, глаза слегка покраснели. В комнате у него приглушенно играли стремительные танцевальные драйвы Джидана.

— Ты как? — спросил Хинта.

— На юго-восточной границе шестнадцать человек пропали за последние три дня. В том числе родители Дваны. — Это был одноклассник Тави — не близкий друг, но пару раз они все вместе ходили в ламрайм. — Я уже звонил ему. Он сидит с теткой и очень за них боится. А я... я не знал, как с ним говорить.

На короткое мгновение Хинта словно бы утратил клю-

чи от всего; слова скрылись, исчезли, их было не найти.

— А как, — наконец, выдавил он, — как они пропали?

— Они были в отряде из четырех человек, занимались разметкой нового поля — ну, знаешь, Джифой понемногу расширяет свои владения за счет пустошей. Они работали в полевых условиях, ночевали у семьи фермеров-крайняков. А потом в очередной раз ушли ставить метки — и просто исчезли. Три дня назад.

— И никто не поднял тревогу?

— Фермеры решили, что отряд закончил работу и перешел на новый участок. Никаких вещей они не оставляли, так что никто их не ждал. Беспокоиться начал Джифой, когда сутки спустя не смог выйти с ними на связь.

— А семьи?

— Не знаю. Но, видно, никто им не звонил.

— Наверное, они были за пределами нашей вышки, и все привыкли, что с ними нет обычной связи.

— Да, может быть. — Тави отстранился от камеры, и стало лучше видно его комнату: узорчатые панно и гирлянды крошечных разноцветных лампочек, свет от которых радужными треугольниками ложится на барельеф с двуликим Джилайси — правая половина его лица молодая и яростная, левая — мудрая и печальная, иссеченная морщинами и шрамами. — Джифой послал восемь человек на поиски. Те нашли только четырех охранных дронов и остатки полевого лагеря.

— Четыре дрона? Это же маленькая стальная крепость на гусеницах. Если к каждому из них был приставлен дрон... только безумец стал бы на них нападать. И что с дронами?

— Не знаю, мама про них не спросила. Отряд вышел на связь, рассказал про дронов, а после этого пропал сам.

— Весь?

— Да. Восемь человек. Семья фермеров, та самая, которая там была рядом, сообщила, что слышала в пустошах долгую перестрелку. Потом пропали и фермеры. Еще четыре человека. Их дом цел, ничего не тронuto.

— Я знаю, что сегодня утром туда ушел отряд в тридцать человек...

— Это только часть. Сейчас сам Джифой разбирается, что там случилось. И с ним целая армия, включая вооруженных фермеров-крайняков и группу наемников из Литтаплампа. Это могут быть омары, а может, и что-то еще. Мы ведь почти ничего не знаем о глубинах пустошей. Ни кто там, ни что там.

— Но я не понимаю, почему дроны остались, а люди исчезли. Должно быть, дроны подбиты. А может, это и не омары. Люди иногда тоже становятся убийцами. Вдруг кто-то из первого отряда сошел с ума и убивает всех вокруг?

— Тогда он бы ограбил фермеров — ему бы пришлось взять столько запасов, сколько можно унести. Но что бы это ни было, главного не изменить: те, кто пропал первыми, уже в любом случае должны быть мертвы — их кислород закончился примерно сегодня утром. Знаешь, когда будет можно, давай попробуем что-нибудь сделать. Хотя бы сходим к Дване.

— Я тоже подумал.

Дальше разговор не клеился. В итоге мальчики устали от спора догадок. Играть ни во что ни хотелось, говорить о чем-то другом было невозможно, и Хинта объявил, что пойдет сообщить новости семье. Они попрощались до вечера. Остаток времени прошел в подавленном настроении: Лика смотрела в окно, Атипа ругался, пытаясь почистить вентиляционную решетку шлюза, Хинта слонялся по комнатам дома и думал об осиротевшем Дване. Даже отрешенный от мира Ашайта притих и загрузил.

А потом наступил вечер.

Гумпрайм — дом общественных собраний — был вторым по величине зданием в Шарту после фратовых складов. В нем располагалось сразу несколько важных учреждений — офис правления, центр поддержки связи, представительства трех фермерских сообществ. Но настоящим сердцем гумпрайма являлся просторный прямоугольный зал, где избранные в групп могли выступить перед остальными жителя-

ми поселка.

Чаще всего гупп в неполном составе собирался из-за мелких преступлений и имущественных судов. На таких заседаниях зал оставался почти пустым — наблюдать за делом небольшой важности приходили лишь те, кого оно касалось напрямую. Куда больше народа приходило, если совершалось серьезное преступление или если множество работников затевали тяжбу с землевладельцем. До конца зал заполнялся лишь в тех редких случаях, когда гупп объявлял, что собирается принимать решение, касающееся всей жизни поселка.

На этот раз зал был забит до такой степени, что толпа выкатывалась из его дверей в смежные административные коридоры. Страхи и слухи заставили даже самых отпетых домоседов выползти из своих нор. Шорохи, дыхание, голоса сливались в пестрый шум улья. Большинство пришло семьями, хуторяне-крайняки — целыми кланами. Были слышны и стариковский кашель, и младенческий плач. Не было только смеха — почти все нервничало, а кого-то беда уже коснулась напрямую.

Хинта сидел между отцом и Риройфом, ощущая плечи взрослых мужчин. Лица усадила Ашайту себе на колени. Вытягивая шею, Хинта смог найти среди множества лиц Тави — тот с матерью был в административной ложе. Места ему не хватило, и он тоненькой фигуркой пристроился на стальном основании опорной ramпы. С его позиции был отлично виден весь зал, а вот на ораторов Тави мог смотреть лишь со спины.

Когда собрание уже должно было начаться, Хинта ненадолго закрыл глаза. Его восприятие как будто отделилось от тела, и он ощутил вокруг себя всех людей Шарту. Он слышал их молчание и шепот, внимал их запаху и теплу. Здесь были абсолютно все, кого он мог знать, встречаться, любить или не любить; в этом зале сконцентрировался весь доступный ему человеческий мир — большая, напряженная, родная толпа.

Из медитации Хинту вывел скрипучий фальцет председателя правления.

— Думаю, пора начинать.

Председатель правления в Шарту переизбирался каждые восемнадцать месяцев. Сейчас это был Юрана Варта — щуплый человек с редкими рыжими баками на осунувшемся лице. Говорили, что в юности он был почти гением: без подготовки сдал какие-то очень сложные экзамены и получил редкий грант на образование в Литтаплампе. Отучившись, он вернулся и стал главным инженером на электростанции Шарту. Однако со временем эта работа начала его убивать. За полгода до выборов у него нашли рак, и его уход в политику многие восприняли как своего рода почетную пенсию — способ побыть важной шишкой на закате жизни.

— Пте, друзья, сограждане, мы ждем, когда с юга вернется наш отряд. Его возглавляют Листа Джифой и Шедра Киртаса. У них должны быть самые свежие новости о том, что сейчас происходит на границе. Но суть я могу изложить уже в данный момент.

Хинта вспомнил, что имя «Шедра Киртаса» принадлежит шерифу поселка. Их семья вела достаточно пристойный образ жизни, поэтому про шерифа они лишь слышали, но никогда не сталкивались с ним по делу.

— Вот что произошло. Омары научились дистанционно выключать наших охранных дронов. Раньше...

Договорить Юрана не смог, его голос потонул в захлестывающей реакции зала.

— Вот-те на, — сказал Риройф и потянулся мимо Хинты, чтобы встретиться взглядом с Атипой. — Значит, мы теперь с неприкрытой задницей?

Председатель поднял руки, пытаясь успокоить толпу.

— Дайте ему договорить! — гаркнул кто-то из крайняков. Шум немного спал.

— Раньше дроны создавали мобильный заслон по периметру юго-восточной границы, присутствовали на полях, чтобы предотвратить хищение фрата и, в качестве охраны, сопровождали людей, когда тем нужно было зайти в пустоши. У нас есть четыре типа дронов. «Витаба» — самые новые, с большой огневой мощью — частично принадлежат Джифою,

частично администрации поселка. Соответственно, у них два центра управления и разные задания, но обе системы дополняли друг друга: по договоренности с Джифом, он оборонял свои поля сам, а мы выставляли наших на те направления, где он не ставил своих. Вместе получался почти сплошной щит. Дроны патрулировали периметр то хаотически, то небольшими рассеянными цепями, и омары очень рисковали, если заходили хоть немного вглубь наших земель.

Юрана перевел дыхание, поправил микрофон. Продолжал плакать чей-то младенец.

— За последние дни было около четырех случаев, когда омары на время выводили «Витаба» из строя. Итого у нас перестало функционировать порядка тридцати роботов. Это примерно...

В зале снова поднялся шум.

— А почему центр управления сразу не принял меры?

— Дайте мне договорить.

Стало тихо.

— Это примерно шестая часть нашего парка «витаба». То есть, можно говорить о прорыве целой секции. Теперь отвечаю на вопрос. Дроны не были повреждены. Они продолжали передавать сигнал, свидетельствующий, что они работают и выполняют программу. Омары ничего с ними не делали: не похитили ни одной машины, не пытались снять с них аккумуляторы или боезапас — ничего. Более того, когда омары отходили, дроны снова начинали функционировать, как будто ничего и не произошло. Упреждая следующие вопросы, скажу, что случаев с дронами могло быть и намного больше. Мы не знаем, когда омары научились это делать. Они могли бы по ночам проходить на нашу территорию, в глубину нашей оборонительной линии, и мы бы ничего об этом не знали.

Люди снова загалдели.

— Почему тогда они напали с краю? Могли ведь и на центр Шарту.

Юрана вытер рот платком.

— Мы не знаем. Возможно, именно это они и плани-

ровали, но наткнулись на отряд людей, и это их выдало. Следующий важный пункт состоит в том, что у нас пока не было замечено случаев отключения дронов других типов. На внутренних полях Джифой использует новые маломощные дроны типа «Джамбата», оснащенные нелетальным оружием. Они малопригодны для серьезного боя, но исправно ловят жуликов и докладывают обо всех проникновениях. Этих дронов у него достаточно, и Джифой уже выразил согласие усилить с их помощью границы Шарту. Что еще лучше, хозяйства многих приграничных фермеров вооружены устаревшими, но вполне боеспособными моделями «Приграва» и «Иджимба». Нам не известно ни одного случая, когда они без боя выходили бы из строя или предавали своих хозяев. Три недели назад был случай, когда дрон типа «Приграва» открыл огонь и доложил о проникновении...

— Это был мой дрон! — громко, хрипло похвастался один из стоящих в проходе мужиков. — Отделал ублюдков! А зовут меня Габда!

— На трибуну его, — потребовал кто-то из крайняков.

— ...тогда этот инцидент вызвал удивление, так как было непонятно, как омары прошли до посевных земель Габды через заслон «Витаба». Теперь есть основания полагать, что они уже тогда умели отключать наши основные дроны и делали вылазки, но старались не попадаться на глаза людям и не создавать инцидентов.

Фермеру уступили дорогу, и он протиснулся к подножию трибуны. На нем был старый костюм, который, очевидно, использовался на подобных собраниях многими поколениями его семьи. Шагал он с привычной хромотой — левая нога была короче правой.

— А как говорить-то? — добравшись до микрофонов, спросил он. Это вызвало недолгий подъем настроения — кое-где даже раздались отдельные смешки. Но улыбки гасли, едва успев появиться.

— Пта, расскажите, как все было, — подсказал Юрана.

— Ночью они пришли. Нас разбудила домашняя тревога — поднял ее дрон. Мы послали двух других ему на подмогу.

Но пока они доехали, там уже все закончилось. Омары — они быстрые, когда им пятки подпалят. — И фермер замолчал, теряясь под взглядами толпы. Юрана начал его выручать.

— Видеозапись, к сожалению, оказалась почти бесполезной, так как дрон стрелял в темноте, сквозь поросли багряного брача. Но утром по следам крови и нанопены удалось установить, что он серьезно ранил как минимум двух омаров, и те отступили в пустоши. Возможно, он даже убил кого-то, но, в таком случае, омары успели забрать своего мертвеца. В общем, ничего, кроме пятен на земле, не осталось, и инциденту не придали значения. Признаю, это было нашей ошибкой. Следовало уже тогда устроить настоящее расследование.

Фермер поднял руку, приветствуя кого-то из знакомых, неуклюже помялся и отошел назад, на нижнюю ступень трибуны. В зале становилось душно, и Хинта уже несколько раз вытирал рукой взмокший лоб.

— Теперь о жертвах. Пострадало около двадцати человек. Девять пропали без вести. Мы считаем, что омары увели их к себе, далеко в пустоши. И, скорее всего, убили.

Не стало слышно даже дыхания.

— Тела еще пятерых нам удалось найти и вернуть. Остальные — члены поисковых отрядов — ранены в стычках с омарами и сейчас находятся в больнице Шарту. Их родные отдельно оповещены. Думаю, их нет сейчас в зале.

— Имена! Назови имена!

— Сейчас назову, но сначала от лица всей общины хочу поклясться, что мы окажем семьям пострадавших всю возможную моральную и материальную поддержку. Теперь список имен.

Юрана развернул голограмму, начал читать. Слушали в почтительной тишине, и имени на третьем все, кто сидел, поднялись с мест. Хинта тоже встал. Он ждал имен родителей Дваны, и вот они прозвучали — в списке тех, кого не нашли.

— ...Виджра Лакойф, Имара Лакойф...

Хинте показалось, что среди звуков толпы он расслышал плач Дваны — хотя, может, это был кто-то еще, чьи родные и любимые погибли в пустошах. В горле у него встал

комков. Вроде бы он и знал, что так будет, но сейчас, когда имена прозвучали в зале глумрайма, смерть этих людей вдруг стала окончательной реальностью. Список был прочитан, а толпа все стояла, почти не шевелясь. Вытягиваясь на цыпочках, Хинта смог разок увидеть трибуны: Тави, видимо, тоже плакал и поэтому прятал лицо за рукой, а Юрана Варта, низко опустив голову, стоял перед микрофонами и молчал. Это длилось с минуту. Потом по залу поползли шорохи; закашлял старик; мать Хинты позволила себе сесть и снова подняла Ашайту на колени. Но большая часть людей продолжала стоять.

— Память, — выдохнул Риройф.

— Память, — осипшим голосом повторил Хинта.

— Память, — сказал Атипа. И так пошло по рядам. Кажалось, это может продолжаться вечно, но ритуал был грубо прерван.

— Дорогу! Дорогу охотникам! — донеслось из коридоров, смежных с залом. Толпа оскорблено зашевелилась, но Юрана успокоил ее.

— Думаю, это наш отряд.

Вновь прибывшие, человек двадцать, не сняли скафандров и бесцеремонно проталкивались сквозь толпу, распространяя неприятные запахи атмосферы, фрата и чего-то еще.

— Расступитесь, пожалуйста, расступитесь! — крикнула из ложи женщина-администратор.

— Мы боялись, что вы не успеете, — сказал Юрана, — но вы здесь и несете нам самые свежие новости. Трибуну Джифою и Киртасе.

Казалось, толпа уже достигла предела плотности, но клин мужчин каким-то образом раздвинул ее, потеснил — люди стали забиваться в проходы, садиться друг другу на колени, и очень скоро люди в скафандрах оказались у подножия трибуны. В центре отряда ровным шагом двигался робоослик — более мощный брат Иджи — в его кузове бесформенной кучей лежало что-то, накрытое белой парашастиковой тканью.

Хинта сумел разглядеть Листу Джифоя. Землевладе-

лец был мощным немолодым человеком, его тяжелое лицо «украшала» зло всклокоченная бородка, лоб, переходящий в залысину, вспотел от долгого пребывания в скафандре. Узнать его было легко: его переносицу надсекал глубокий, кривой шрам-рубец — след от удара лопатой, оставшийся еще с тех времен, когда Листа был управляющим на фратовых полях отца. Он вел тогда слишком жесткую политику, и один из рабочих в яростном покушении на убийство проломил ему шлем. У Джифоя было достаточно денег, чтобы удалить дефект с лица, но он не стал этого делать — шрам был наглядной памяткой недругам и визитной карточкой в деловых контактах с опасными людьми. Сейчас на местном фратовом короле был черный полускафандр с золотистыми броненакладками на корпусе. Поднимаясь на трибуну, он вскинул вверх кулак.

— Охотники возвращаются с добычей! Когда кто-то посягает на наших людей и нашу землю, пусть знает, что его ждет смерть!

Толпа загудела. Люди вытягивали головы, пытаясь понять, что за груз лежит на ослике.

— Покажи им, — обращаясь к кому-то из своих, потребовал Джифой. Тот сдернул полотнище с кузова робо-ослика. Хинта был далеко, но все же он увидел достаточно, чтобы этот миг запомнился ему навсегда.

Весь кузов был в крови и нано-пене. А посреди этого омерзительного болота полулежал жуткий мертвец. Черные трубки прошивали его белесую, влажно блестящую, расползающуюся на лоскуты кожу. Голова была измененной формы, маленький рот чернел ощеренной зубастой дыркой, а глаза — мертвые, карие, человеческие — наоборот, казались очень большими. Разрушенный нос существа был заменен черной кибер-вставкой, искусственные ноздри трепетали — двигатель продолжал качать воздух в уже неживое тело, поднимая и опуская осклизлую грудь, выпуская через рану бордовые и белые пузыри. Живота будто не было, открытые кишки переплетались все с теми же трубками. Положить плоско этот труп было невозможно — из его спины торчал сросшийся с

лопатками регенерирующий нано-ранец, откуда по большей части и текло. Еще Хинта запомнил руки твари — они напоминали клешни, ребро ладони и большой палец были сращены с подобием костных ножниц. Из предплечий выступали оплетенные жилами дула пулеметов-имплантов. Одежды на мертвеце не было — лишь жалкое подобие набедренной повязки, насквозь промокшей от крови.

Толпа всколыхнулась. Все, кто до этого сидел, повскакивали с мест. Между головами стоящих впереди людей Хинта увидел на мгновение лицо Тави — неестественно бледное, в цвет кожи омара.

— Пусть знает, что мы придем к нему, на его землю, и сделаем там то же, что он сделал на нашей земле! Пусть знает, что мы будем так же жестоки, так же свирепы, так же вооружены, как он сам! — Джифой перегнулся через трибуну и смачно плюнул вниз. — Получи, убийца!

Женщина, случайно оказавшаяся в центре группы новоприбывших, первой повторила его жест. Она стояла близко и смогла плюнуть прямо в широко раскрытые глаза омара.

— Получи, тварь! — крикнула она. Этого ей показалось мало, и она, шагнув вперед, ударила мертвеца в пластиковый нос. Раздался омерзительный хрустко-склизкий звук. Одновременно в мертвеца полетели плевки остальных. Толпа начала спазмировать, люди хаотическим водоворотом потянулись к своей окровавленной жертве. Они плевали, били, швыряли мусор. Кто уже удовлетворил свою ненависть, отходил назад, подступали другие. Поднялся общий гам.

— Не ходи, задавят, — сказал Атипа сыну, хотя Хинта и сам не двигался с места.

Теперь в зале был хаос. Кто-то стоял, кто-то шел по проходам, наступая на чужие ноги. В дверях возникла давка: некоторые, особенно те, кто был с маленькими детьми, потянулись прочь, но на их место спешили другие. В какой-то момент хаос достиг апогея, а потом Хинта услышал крик и, к своему ужасу, увидел Двану. Он узнал его даже со спины. Тот, рыдая, лез в кузов робоослика. Мальчика никто не успел, или не захотел, остановить. Он прыгнул сверху на мертвого ома-

ра и чем-то острым начал бить ему в лицо. Из груди его вырывались рыдания, похожие одновременно на смех и на лай. Когда его, наконец, оттащили, у него на руках были ожоги от ядовитой кожи твари, а у омара больше не было ни носа, ни глаз — лишь провалы на изуродованном лице. После этого толпа немного остыла. Кто-то из мужчин подхватил бьющегося, рыдающего мальчика под руки и потащил его за пределы зала. Двана что-то говорил, но слов было не понять, все захлебывалось в рваном дыхании истерики. Джифой темным взглядом, странным и страшным, следил с трибун за этой сценой.

— Так и надо, — негромко сказал он. — Кровь за кровь. Кто погиб у этого малыша?

Юрана что-то ответил ему, а потом наклонился к микрофонам.

— Мне только что сообщили, что в Шарту прибыли люди из «Джиликон Сомос» с предложением помощи. Я думаю, нашим победителям нужно отдохнуть и переодеться, а потом мы вместе выслушаем городских и обсудим, как дальше оборонять наши границы. На этом пока все. Собирайтесь обратно в зал по сигналу.

Объявив перерыв, он отключил микрофоны, чтобы то, о чем говорят на трибуне, не становилось общим достоянием. Толпа рассеялась. Те, кто устал сидеть, встали побродить, робоослика увели прочь, а рядом с трибуной собрались группы обсуждающих.

Хинта и Тави нашли друг друга в холле.

— Мама готовила из расчета, что ты к нам придешь, — сказал Тави, — так что вот. Это руши, очень вкусные.

Хинта кивнул и взял кулек.

— Ашайта, кажется, никогда их не пробовал. Думаю, он будет в восторге.

— Беда в том, что их нельзя съесть много. — На мгновение Тави стал самим собой, таким, каким был до сегодняшнего дня. Потом его улыбка увяла. Хинта хотел заговорить о

дронах, но Тави развернул беседу в своем направлении.

— Что значит быть чудовищем? Мы, люди, вытащили мертвое тело и любовались на него, кричали, били, плевали! И то же самое, должно быть, происходило там, в пустошах, когда омары приволокли тела наших убитых в свой город.

— Думаю, мы платим друг другу одной и той же монетой. Наверное, это справедливо. А что бы ты делал, если бы они убили твою маму? Не чувствовал бы ты то же самое, что чувствует сейчас Двана? Ту же ненависть?

— Герои Притака и Лимпы глумились над телами убитых врагов. Даже джиданцы не хоронили погибших другой стороны, а сжигали их. И только Джилайси никогда не делал ничего подобного, плакал над всеми. Нет, Хинта, мне было бы очень больно, так больно, что я просто не могу себе этого представить, но я не стал бы пинать мертвого чужака и бросаться в него банками из-под шипучки.

Хинта отвел взгляд.

— Знаешь, — сказал Тави, — я думаю, с этим миром что-то абсолютно не так. Человечество существует безмерно долго. И за всю его историю было лишь одно столетие без войн — незадолго до катастрофы. За это столетие люди сделали больше, чем за все прежние времена — построили города на Луне и Марсе, полетели к дальним телам Солнечной Системы. Потом — снова война, и город на Марсе погиб. И все распалось. Уже никто не был готов защитить Землю от удара из космоса. И случилась катастрофа. А после нее — выжившие так ничего и не поняли. И начали новую войну. И так раз за разом.

— Думаешь, мы должны были плакать над омаром? Как Джилайси?

— Мы не можем. В этом и проблема. По крайней мере, большинство из нас — не может. А они не могут плакать над нами. Поэтому мы не перестанем друг друга убивать. Я не знаю, что мы должны. Да и какая разница, что мы были бы должны, если мы просто не можем быть другими. Я не хочу никого судить и осуждать, я просто очень растерян.

Лицо Хинты болезненно дернулось.

— Ты очень хороший человек, ты знаешь об этом? Возможно, слишком хороший для Шарту.

Тави серьезно посмотрел на него.

— Не бывает слишком хороших людей. Но бывают те, кто вызывает в остальных чувство невыносимой вины. Их избегают или даже пытаются убить — как много раз пытались убить Джилайси, как много раз пытались убить всех тех, кто хоть в чем-то был более вменяемым, чем его обезумевший народ.

Договорить они не смогли: их прервал сигнал, означающий возобновление собрания. Толкучки в проходах больше не было — работники администрации подсуетились и расставили по залу две сотни дополнительных стульев. Для тех, кому не хватило мест, в холле глумпрайма установили голопроектор, отображающий уменьшенную копию трибуны.

Возвращаясь на свое место, к родным, Хинта ощутил, как его захлестывает странная паника. В глубине души он был готов к любому ужасу и любым невзгодам, которые могут обрушиться на Шарту. Да, он печалился, тревожился, боялся — но при этом был готов. Как и его родители, и все вокруг, он с раннего детства знал, что ему придется оплакивать мертвых, возделывать суровую землю и защищать ее с оружием в руках, держать удары судьбы и волочь тяжкую ношу жизни на своих сгорбленных плечах. Все это вошло в его кровь, срослось с основой его существа. Но что делать со словами друга, он не знал. Будь Хинта немного старше или хуже, он, возможно, отмахнулся бы от Тави, посмеялся над его нездешней наивностью. Но в свои тринадцать Хинта еще не закоsnел, и Тави смог что-то сделать с ним, перевернул что-то у него внутри. Тошнотворная сцена с омаром теперь стояла у Хинты перед глазами и стала даже более реальной и четкой, чем когда он непосредственно ее наблюдал. Вместе с паникой пришел защитный страх за самого себя. «Я не смогу с этим жить, — с необычайной уверенностью подумал он, — если все вокруг будут думать одно, а я другое. Я не вынесу, если мне надо будет драться за себя и за наш поселок, а в сердце у меня будет жалость к омарам». Все еще пребывая в

смятенных чувствах, он вернулся в свой ряд.

Когда он подошел, отец с соседом мрачно обсуждали итог вооруженной вылазки.

— Какая победа? — говорил Риройф. — Это не победа. Джифой с ума сошел. Один мертвый омар против дюжины наших. При этом, пока его загоняли, было ранено несколько бойцов. Если мы так будем воевать, у нас люди в этой земле кончатся раньше, чем омары.

— Ублюдков тяжело завалить, — сказал Атипа. — Я слышал, некоторые из них бегают даже с дыркой в голове. И боли они не ощущают. Хотя Джифой, да, перегнул...

С появлением Хинты разговор увял, мужчины устали на трибуну, куда только что поднялись прибывшие из города переговорщики. Все они были в фирменной одежде «Джилликон Сомос», на плечах — нашивки с эмблемой компании: красное трепещущее пламя внутри серебряного кружка.

Слова отца пересеклись со словами Тави, и Хинта задался вопросом, что вообще известно про омаров. На самом деле Атипа и Риройф говорили о том, чего не могли знать. Не было никаких явных свидетельств, что омары не испытывают боли. Да, раненые, они продолжали убегать и сражаться. Но ведь и люди, когда их кровь переполнит адреналин, не всегда замечают, что в них попала пуля, и сражаются раненые, когда на кону их жизнь. С другой стороны, сложно было представить, какие муки переживет способное испытывать боль существо, если станет резать свое тело и загонять в него сотни трубок, проводков и грубых металлических вставок.

Никто толком не представлял, ни сколько омаров в пустошах, ни как они там живут. Может, их было ничтожно мало, и они двумя или тремя разрозненными скоплениями кочевали вдоль прижавшихся к экватору аграрных поселков — а может быть, они заселили собой уже полмира. Достоверно известно было лишь то, что около ста лет назад они выдвинулись с дальнего юга, преодолели руины древнего Акиджайса и объявились на границах литской ойкумены. До

их появления эта территория считалась полностью непроходимой. Акиджайс, бывший когда-то одним из трех больших подледных городов Джидана, после войны превратился в безжизненное место — на протяжении веков по его заболоченным и занесенным ядерной пылью улицам скитались лишь отряды обезумевших боевых роботов, настроенных убивать любую движущуюся цель.

Среди селян бытовал рассказ, что шестьдесят лет назад, когда поселок еще стоял у моря, к одному из пожилых фермеров-крайняков вернулся его похищенный омарами сын. Существо якобы поведало, какую жуткую жизнь вело в пустошах, как было рабом, как другие омары унижали, мучили и насильственно изменяли его. А затем, не справившись со своими чувствами и уродством, подросток-омар бросился со скал в море. Единственным, кто пересказывал слова страдальца, был его отец, полубезумный отшельник. Он сам не мог точно сказать, привиделось ему все это или случилось взаправду. Но его рассказ продолжал передаваться — просто потому, что больше никто и ничего не мог сообщить об омарах. С его слов следовало, что те живут кочевыми лагерями, то ли внутри брошенных древними ледо-тоннельных машин, то ли в тянущихся вдаль от Акиджайса джиданских катакомбах. Самым привольным местом для них была некая затерянная в пустошах «черная долина», где они возделывали поля съедобных хвощей, разводили рептилий, производили оружие и изменяли свои тела. Также он говорил о том, что лишь некоторые омары способны к продолжению рода, остальные же пополняют свою популяцию за счет украденных человеческих женщин и детей. Сам народ омаров описывался им как племена, банды или стаи, не способные составить никакого централизованного общества и живущие в вечной вражде друг с другом. Однако даже малочисленные омары были чрезвычайно опасны. Чтобы выживать, они смешивали свою плоть с нанитами, изменяли каждый свой орган и самую химию своего организма. Чтобы защищаться от других племен, они срачивали свое тело с оружием. Они передвигались куда быстрее людей, и обычному человеку было невозможно одо-

леть их в рукопашном бою. В чем-то они были киборгами, в чем-то животными, но сохраняли разум и даже были способны к речи. От пленников они переняли корни из литских языков, но еще до этого у них был собственный сленг — упрощенная и огрубевшая версия общего наречия Древнего При-така.

Отчасти слова фермера-крайняка подтвердились, когда несколько лет спустя большого нашествия омаров пять окраинных поселков, среди которых не было Шарту, решили нанести тем ответный удар. Тогда вооруженные люди, соединившись в цепь с дронами, два дня шли вглубь пустошей. Им удалось убить множество омаров, а остальных погнать прочь от человеческих земель. Те, отступая, бросали стоянки, в которых не оставалось ничего, кроме длинных белых корост застывшей нанопены, костей, кострищ, странных изогнутых ям и дырявых шатров. Люди не нашли ни «черной долины», ни входов в джиданские катакомбы. Однако на исходе второго дня наступления, когда прогретые солнцем пыль и туман превратились в прозрачное марево, члены некоторых отрядов видели на горизонте захватывающий мираж — разбросанные среди красных скал десятки огромных, сверкающих сталью цилиндров, покосившихся или упавших. Кто-то принял их за кладбище древних машин, а кто-то за руины пригородов самого Акиджайса.

Но все это было слишком давно. За последующие десятилетия жизнь омаров наверняка должна была измениться. Однако никто их не изучал. Фермеры, расселившиеся за Экватором, были вынуждены ограничиваться оборонительной тактикой, так как не имели ни машин, пригодных для дальних путешествий по бездорожью, ни людей, подготовленных для долгих экспедиций в пустыню. А Литтапламп, у которого имелось все, включая автономные летающие дроны, ни с кем не спешил делиться ресурсами. Официальная позиция метрополии гласила, что любые люди и существа, живущие за Экватором — недостойные помощи бунтари-анархисты, а освоение южных территорий экономически невыгодно.

Пока Хинта перебирал в уме все эти вещи, работники

администрации развернули за трибуной голограмму с картой самопровозглашенной юрисдикции Шарту, а к микрофону вышел один из мужчин, появившихся в зале вместе с Джифоем — лет пятидесяти, сероглазый, рано поседевший, с небрежной щетиной на бледных щеках. Его лоб покрывала сеть ранних морщин, а на груди блестела золотая звездочка — древний символ стражей порядка. Новый оратор не считал нужным представиться, но Хинта и так понял, что это Шедра Киртаса, шериф.

— Юрана попросил меня доложить о вылазке в пустоши, — без обиняков начал тот. — Вопреки Джифою, скажу, что у нас не было пока цели мстить омарам. Мы ставили перед собой лишь две задачи: оценить ситуацию и найти тела наших погибших. И то, и другое было отчасти выполнено, а отчасти нет.

Он провел пальцем по маленькой голограмме перед собой, и кривой красный овал высветился на большой карте у него за спиной.

— Это приблизительно та зона, где омары проявляли активность в последние дни.

Хинта потянулся вперед, чтобы лучше видеть карту. Территория, которую поселок считал своей, являла собой почти ровный квадрат; с севера его идеальной прямой отчеркивал Экватор, с востока и юго-востока раскинулся океан. Карта отмечала мемориал на месте старого поселка и мелкие прибрежные острова, где за годы после цунами приморские хуторяне сумели отстроиться и даже наладить кое-какой промысел. На северо-западе была обозначена параллельная Экватору, но опасная из-за омаров дорога, по которой за день можно было доехать до Чидру — ближайшего соседнего поселка. А на юго-западе не было ничего, кроме волнистых полос рельефа. Красный овал охватывал всю южную границу поселка от юго-западного угла и до воды.

— Здесь, — поставил зеленую точку Киртаса, — пропали четверо землемеров: чета Лакойф, Кибда Фоха и Тави Чибдай. Здесь, — капнул он чуть севернее синим, — находится фермерское хозяйство семьи Супладжа. Эти фермеры пер-

выми заподозрили, что дроны бездействуют против омаров, бросили свой дом и бежали на брачевый хутор у девятой широты. Однако по дороге им не повезло — они наткнулись на омара-одиночку, и чета Супладжа погибла, защищая своих детей. Дети, к счастью добрались до хутора. Тела четы Супладжа — одни из тех, что мы нашли первыми. Перестрелку они вели достойно, омара серьезно ранили. Он отступал по дуге, поливая землю кровью отсюда и до десятой широты.

На карте появилась еще одна линия — изогнутая, желтая. Шериф говорил громко и четко, но будто бы не обращаясь к залу и не отрывая взгляда от голограммы.

— Потом след омара оборвался, очевидно, потому, что его раны затянулись. Заживает у них все очень быстро. Здесь же, — он ткнул в зеленую точку, она стала жирнее и перекрасилась в фиолетовый, — принял бой поисковый отряд, отправленный за землемерами. Омары окружили их и оттеснили в глубину пустошей. Перестрелка была долгой и шумной — ее слышали вдоль всей границы. От боя осталось множество следов: гильзы, брошенные вещи, кровь омаров и людей.

Шериф провел еще одну черту — пунктир, уходящий в глубину пустошей.

— Теперь собственно о нашей вылазке. Нам мешал туман, но мы смогли пойти по следам боя и нашли еще двух мертвецов. Тела принадлежали Прани Клай и Атипе Когаста. Омары сорвали с них маски. По степени повреждения кожи от тендра-газа можно было судить, что смерть наступила более восьми часов назад.

Кто-то в зале выкрикнул проклятье, но шериф даже не шелохнулся. Хинта задался вопросом, что сам этот человек думает про омаров. Может, по своим взглядам он был ближе к Тави? Но как он тогда воевал? Прежнее смятение снова захлестнуло его.

— Это ясно означало, что, с учетом скорости движения омаров, мы уже катастрофически опоздали. Поэтому я настоял на прекращении преследования по кровавым следам и повел отряд сюда. — Новая точка, на этот раз кислотно-оранже-

вая, появилась на карте в глубине пустошей. — Это вершина сопки Кему, где в эпоху первых стычек, еще до распространения в поселках охранных дронов, люди установили наблюдательный пост. Мы до сих пор поддерживаем там тайник с радиостанцией, способной держать связь с Шарту. С горы открывается обзор на восток до моря и на запад до ущелья Шакта. При этом другая сторона ущелья просматривается, но по его дну можно пройти, не попав на глаза наблюдателю.

Люди слушали и тянули головы, чтобы лучше видеть карту. В зале снова становилась душно. Сидящие на трибуне агенты «Джиликон Сомос» скучали и вытирали потные лбы салфетками.

— На сопку мы поднимались в тумане и там неожиданно наткнулись на лагерь омаров. Наше счастье, что они труслили и бежали вместо того, чтобы устроить нам засаду. Лагерь их был развернут недавно, и они спешно оставили его, когда заметили наше приближение. У нас есть трофей, который, на мой взгляд, важнее мертвого омара. Это оптическая установка омаров. Они, очевидно, использовали ее для наблюдения за приграничной зоной Шарту. Она вполне подходит и для людей, поэтому мы оставили ее там, где она стояла, а на месте лагеря омаров разбили свой. В ближайшие дни там постоянно будут находиться тридцать человек. Сегодня туман. Но в хорошую погоду мы выясним, насколько далеко и подробно они могли видеть нас и схему движения наших дронов.

Зал зашумел, когда до людей с небольшим опозданием дошел смысл слов шерифа. Тогда он впервые поднял взгляд на слушателей.

— Да, омары проявляют к нам больший интерес, чем мы к ним. И знают они про нас куда больше, чем мы про них. Нам придется считаться с их осведомленностью. Возможно, они готовили очень серьезное нападение на Шарту.

Поднялся ропот, но все замолчали, как только Киртаса продолжил.

— На сопке мы всем составом пробыли около часа. Я развернул там свое оборудование и сквозь туман обнаружил группировку омаров между нами и морем. После чего, как

выражается Джифой, у нас была «удачная охота». Надо понимать, что это были не те омары, которых мы преследовали изначально, и не те, которые отступили из лагеря. Однако эти омары двигались в направлении Шарту и, возможно, имели враждебные намерения. Мы атаковали их, когда они этого не ожидали. Одного омара в самом начале боя расстреляли на месте, насмерть — именно его тело здесь представлено — остальных ранили. Трое прорвались на юг, четверо, уже сильно побитые, когда у них закончился боекомплект, предпочли броситься с обрыва в море. Из них два точно погибли, но у нас не было сил доставать их из-под скал.

— А, так, значит, троих завалили, — кровожадно одобрил Риройф. Хинта поежился.

— Мы поднимем их позже. Отныне мы будем обыскивать и даже препарировать тела всех убитых омаров, чтобы понять, нет ли при них или внутри них устройства, которым они выключают наших дронов. Если такое устройство удастся найти, то мы, возможно, сумеем вернуть на боевую службу всех дронов. А это полностью решило бы проблему.

Шериф свернул голограмму и еще раз окинул зал взглядом.

— На этом все. Вопросы?

Никто ни о чем не спросил. Казалось, тысяча взбудораженных дыханий собирается над залом в прозрачного демона, пахнущего потом, тревогой и войной.

— Мое следующее выступление будет таким же конкретным, и будет посвящено мерам противодействия, которые мы можем предпринять в нынешней ситуации. Кимура Брахайф, ты будешь мне нужен. Подойди в помещение за трибуной. — Киртаса сошел с ораторского подиума и скрылся где-то в административной ложе.

— Кто такой этот Кимура? — шепотом спросил Хинта.

— Кажется, программист, — ответил Атипа. — Когда ты еще был маленьким, он делал перепрошивку осликов. А потом приподнялся и ушел работать в правление поселка. Кажется, это он создавал сеть боевых дронов. Он в этом дока.

На подиум вернулся Юрана Варта.

— Фактически ситуация обрисована. Вы все теперь знаете то же, что знают штаб шерифа, гумпрайм и правление поселка. Осталось решить, что мы будем делать в ближайшие дни, чтобы в изменившейся ситуации, когда мы обнаружили, что у нас нет прежней оборонительной линии, защитить себя, свои семьи и имущество от возможного нападения. Поскольку это решение огромной важности, оно будет обсуждаться на общем открытом голосовании. Сейчас по залу раздадут портативные терминалы для голосования. Будет примерно один терминал на ряд. В то же время мы заслушаем позиции сторон. Думаю, основных будет две — одну изложат агенты «Джиликон Сомос», другую представит Киртаса. Если кто-то в зале имеет свои дельные решения, он может подойти к административной ложе и попросить слова. По мере изложения позиций они будут отображаться на экранах терминалов. Вы можете голосовать сразу, однако я настоятельно рекомендую выслушать все, что будет сказано с трибуны, и лишь потом фиксировать свое решение в терминал. Итак, пока шериф готовится, первыми слово получают «Джиликон Сомос».

Он обернулся, вежливым жестом приглашая агентов на подиум. В ответ поднялся невысокий поджарый мужчина с бледным лицом, бритой головой и бесцветными глазами. Корпоративный костюм сидел на нем так, будто он в нем родился. Хинта подумал, что этот человек мог бы выиграть на конкурсе безликих.

— Мое имя Димора Сайда, и в этот нелегкий час я приветствую народ Шарту.

Агент сделал расчетливую паузу, дожидаясь, когда к нему повернутся все лица и сфокусируется все внимание.

— Я смотрю на вас, и вижу сильных, мужественных, гордых, достойных огромного уважения людей. История вашего поселка полна примеров героизма и самопожертвования, перед которыми мы, городские жители, должны преклоняться. В отличие от вас, мы привыкли к уюту и безопасности. Наша жизнь непростительно легка в сравнении с вашей. И это положение дел не может считаться оправданным и справедли-

вым.

Это была лесть — неприкрытая, горько-сладкая, почти всем понятная — и все же люди таяли, поддавались чарам. Честь была слабым местом селян, и профессиональный оратор с мастерством опытного игрока использовал это.

— Я знаю, что люди, живущие к югу от Экватора, долгие годы чувствуют себя брошенными, полагаются только на свои силы, выживают почти без всякой помощи извне. Однако это не ваш выбор. Решение о вашей изоляции было принято всего лишь двумя десятками персон, провозгласившими себя элитой элит Литтаплампа. Именно это меньшинство отвергло вас, именно они не оказывали вам помощи все эти годы — даже тогда, когда ваш поселок был сметен цунами. Но их, этих представителей элиты элит, совсем немного, и они — не весь народ Лита.

— Все-то он про нас знает, — пробурчал Атипа.

— Наша делегация принесла добрую весть. Настроение литчан меняется. С каждым годом — а сейчас уже и с каждым месяцем — появляется все больше людей, которым противна нынешняя политика, которые ощущают свой долг перед окраинами ойкумены, перед всеми теми, кто в своей борьбе не дает воинственным дикарям и чудовищам обрушиться прямоком на границы государства. Даже в самом Литтаплампе все больше граждан видят в вас не повстанцев, угрожающих границе, не отщепенцев и сепаратистов, а щит, хранящий границу.

Кто-то в административной ложе одобрительно зауhal — как на удачной премьере в ламрайме. По части зала прокатилась волна таких же звуков. Однако Сайда, ощутив, что поддержка будет жидкой, сразу продолжил.

— Нынешнее руководство «Джиликон Сомос» не ассоциирует себя с элитой Литтаплампа. Мы простые люди. Наша корпорация всегда поддерживала в себе социальные лифты, чтобы простой рабочий через череду обучающих курсов мог подняться до профессионала высшего звена и даже до начальника над другими начальниками. Среди управляющих есть те, кто родился бедняком. И они шли вверх, чтобы,

в конце концов, получить ту власть, которая поможет народной справедливости восторжествовать над самоуправством элит.

Аплодисменты всколыхнулись и заглохли, но чувствовалось, что это уже не из-за сомнений, а из уважения к оратору.

— Я не снимаю с нас вины. Нет. Мы могли бы и раньше протянуть вам руку помощи, потому что вся ваша жизнь — это сплошные, затянувшиеся трудные времена. Но так вышло, что мы пришли именно сегодня. И я думаю, это хороший день, подходящий час — ведь именно в данный момент на вас обрушилась опасность, равной которой вы не встречали на протяжении целого ряда лет.

Сайда отступил от трибуны и сбавил запал.

— У «Джиликон Сомос» есть ресурсы, чтобы противостоять омарам. Это не дроны, а профессиональные солдаты-наемники, обученные сражаться внутри мощных боевых экзоскелетов. Они могут до шести дней дышать, есть и спать, не снимая скафандра. Они умеют многое — бегать быстрее омаров, прыгать выше домов, видеть и ночью, и сквозь туман; их броня непробиваема для обычного оружия; они не промахиваются, даже когда им приходится вести огонь по множеству очень быстрых и активных целей. Мы можем прислать сюда до двух сотен этих парней, и они, уж простите за каламбур, опустошат пустоши. А затем часть из них останется в Шарту на постоянное базирование и будет патрулировать границы полей.

Из административной ложи снова раздалось одобрительное ухание, но на этот раз его поддержали слабее.

— Вы, наверное, думаете, как такое возможно. Кто из профессиональных солдат согласится потерять литское гражданство ради жизни в маленьком поселке на краю ойкумены? Я объясню. На данный момент у «Джиликон Сомос» есть уникальная правительственная лицензия, которая позволяет корпорации создавать свои базы за пределами государственных границ и вывозить туда своих сотрудников без потери теми гражданства. То есть, для решения вопроса

будет достаточно формального объявления Шарту аграрной базой нашей корпорации.

Он замолчал, ожидая реакции зала. Но ее не последовало. Повисла странная, встревоженная тишина, которую разорвал лишь кашель одного старика.

— Теперь скажу, — абсолютно невозмутимо продолжил Сайда, — о том, что для этого понадобится, и какие дополнительные выгоды получит поселок. Для организации базы будут нужны всего несколько новых зданий, включая сомос-офис, новые фратовые склады, отстроенные с соблюдением всех корпоративных нормативов, здание для проживания гражданских сотрудников, казармы для гарнизона — ну, и территория под несколько фратовых полей, которые будут находиться в нашем непосредственном владении. Кстати, на эти поля будет завезен генно-модифицированный фрат, который растет быстрее и продается дороже вашего нынешнего.

Он сделал паузу, хотя, казалось, его дыхание совершенно не сбивается во время долгих монологов.

— Мы слышали о неполадках на электростанции Шарту, так что она и некоторые системы жизнеобеспечения, вероятно, будут значительно улучшены. Это уже начало бонусов и выгод. Также можно с уверенностью сказать, что жизнь поселка в целом станет богаче. Мы готовы нанимать людей на наши поля. То есть, появятся дополнительные — и притом высокооплачиваемые — рабочие места. Молодежь получит возможность высшего образования. А в долгосрочной перспективе, возможно, даже удастся натурализовать жителей до статуса легальных неграждан. То есть, у вас появится возможность ездить в торговые, развлекательные, научные и медицинские центры Литтаплампа.

Хинта оглянулся на отца, чтобы понять, как стоит реагировать на все эти посулы. Но выражение лица Атипы в эту минуту было слишком сложным: и смешанная с надеждой алчность, и недоумение, и недоверие, и даже явный страх.

— Со мной в команде, — закончил Сайда, — еще четыре специалиста: военный, экономист, агроном, социолог. Вы

можете задать нам любые вопросы. Мы постараемся на них ответить.

Зал зашевелился, выходя из оцепенения. Первым на речь агента отреагировал Джифой. Мощной фигурой он поднялся из административной ложи и мимо Тави прошел на трибуну.

— Не обязательно было вставать, — сказал Сайда.

— Нет, обязательно. Потому что у меня вопросов на маленькую речь, и я хочу, чтобы их четко слышали все.

Сайде пришлось отступить от микрофона.

— Да, я знаю, — отмахнувшись в направлении ложи, сказал Листа, — я не регистрировал свое выступление. Но мне можно.

В зале послышались смешки, которые, впрочем, тут же растаяли, стоило раздастся громкому голосу Джифоя.

— Рука помощи. Да, вы, парни — само добро. Только вот мне показалось, что вы хотите нас съесть. Здесь будет ваша армия. Здесь будут ваши здания. Здесь будут ваши роботы. Здесь будет ваше начальство. Здесь будут ваши поля. Что же останется от прежнего Шарту?

Джифой стоял перед микрофонами, словно человек-скала, его надсеченное шрамом лицо багровело в свете ламп. Они с прежним оратором, оба — наделенные властью лицемеры, казались, при всей схожести своих положений, до бесконечности разными.

— Зачем будут нужны наши специалисты, инженеры, агрономы, хозяйственники, если «Джиликон Сомос» привезут своих? А они привезут, уж поверьте. У нас кто что умеет, тот тем и занят. А в их мире больших решений совсем другие стандарты. Там нужно высшее литтаплампское образование иметь. А зачем Шарту будет нужна администрация, если «Джиликон Сомос» привезет свой офис? Те, кто не знает, пусть знают — их выездные штабы это весьма самодостаточная вещь. Одного их офиса хватит, чтобы управлять тремя такими поселками, как Шарту. И я уверен, что, прибыв сюда, они быстренько расширят территории полей в три раза, а вовсе не ограничатся тем скромным запросом, который сфор-

мулировал сейчас этот человек.

Зал понимающе возроптал. Ухмылка Джифоя стала больше, острее, хищнее.

— А зачем Шарту буду нужен я? Не буду скрывать, их предложение мне не по нраву, потому что я имею здесь личный интерес. Мне принадлежит шестьдесят семь процентов плодородных земель вокруг Шарту, и девяносто четыре процента добычи фрата приходится на мои поля. А фрат — это основа нашей экономики, это единственное, что мы можем продавать миру. Так что от меня косвенно зависит вся торговля в Шарту. Это большая власть, большие деньги. Что останется от моей власти и моего богатства, когда «Джилликон Сомос» развернет здесь свое огромное хозяйство? А не больше, чем от администрации и наших специалистов. Стану я не нужен. И мой фрат они смогут не покупать, так как будут здесь производить свой фрат.

Его голос расходился по всему залу.

— Да, я землевладелец. Да, я богач. Да, многие считают, что я их обидел или разорил. Но я ваш богач. — Он поднял руку и дважды, размеренно, ударил себя в грудь. — Я такой же изгой для Лита, как и вы все. Я живу за Стеной. И я не живу здесь с оговорочками, как начнут жить их люди и их армия — я живу здесь без всякого шанса на то, что мои дети поедут учиться в город! Все, что у меня есть — здесь! И я не глуп! Я знаю, что на власти и деньгах одного человека не держатся земли. Только с вами вместе, только с согласия большинства я могу достичь чего-то. Мы повязаны очень крепкой веревочкой. И если мы будем терять, то вместе! Если попадем в беду, то попадем в нее все! Когда волна смысла прежний Шарту, мои отец и дед уже были богаче всех остальных, но они оказались в той же воде, что и все, и спасали других, как и все, у кого были силы спасать.

Он тяжело перевел дух.

— Знаю, каждый второй в этом зале думает, что я, Листа Джифой, слишком шикарно живу. Но не забывайте, что я тоже работаю, работаю, как и вы все. Кто-то должен быть на том месте, которое занял я — планировать поля, распре-

делять ресурсы, покупать у города большие машины, организовывать людей, чтобы их деятельность принесла больше пользы. Все это делаю я. Каждый день я бываю то здесь, то там, каждый день я что-то решаю, что-то выдумываю для всех нас. А думать и управлять — это тоже работа. И если сюда придет «Джиликон Сомос», то всем, чем я занимаюсь с душой, станут заниматься их городские серые человечки.

— А может, они отлично тебя заменят? — грубо выкрикнул кто-то из первых рядов. — Нам-то, полевым батракам, какая разница, на кого гнуть спину?

Зал от этого вопроса загудел, как улей. Димора Сайда прищурился, наблюдая за оппонентом.

— Без сомнения, — выпалил Джифой, — они отлично меня заменят! О том и речь. Вопрос в том, не заменят ли они всех нас, как и меня! Слушайте, слушайте их посулы, люди. Я говорил пока про нашу элиту — про умные головы, администрацию и себя-богатея. Но посмотрим на другой край. Будет ли «Джиликон Сомос» считаться с фермерами-крайняками, когда через пару лет захочет уплотнить свои поля? Клянусь вам, что нет — вас всех сгонят с земли. А если вы не пожелаете уходить, то для решения вопроса здесь будут наготове их суперсолдаты.

Теперь в зале стоял постоянный гул, но голос Джифоя все равно перекрывал все остальные.

— И вот картина Шарту через несколько лет. Я, фермеры-крайняки, администрация, умники — все станут нищими и пополнят ряды тех, кто батрачит на полях. А корпорации это и надо. Им нужна рабочая сила, чтобы возделывать бесконечные плантации фрата. Мы все станем одинаковыми. Казалось бы, то, что я описал, убивает всех, кроме собственно работяг-батраков. Те-то сейчас, наверное, потирают руки и мечтают о том, как старый Листа будет вровень с ними гнуть спину!

Он захлебнулся гневом; изо рта летели брызги слюны, бородака тряслась.

— Но не обольщайтесь, работники. Когда мы все станем одинаковыми, они смогут понизить нам зарплату или даже

вовсе не платить. Мы будем рабами на их полях. И мы ничего не сможем с ними сделать, потому что здесь будут их суперсолдаты. Думаете, кто-то оставит вам, люди, право голоса? Думаете, здесь по-прежнему будет собираться глум? Нет. В этом зале будут проводить свои конференции их агрономы. А мы все будем гнить в скафандрах, подрезая треуны по шестнадцать часов в день. И даже если в городе есть оппозиция, никто из них просто не узнает о нашей судьбе, чтобы возмутиться действиями «Джиликон Сомос». Если в этом зале найдется больше половины идиотов, которые проголосуют за их план, то помяните мои слова — через несколько лет вы будете не смеяться над тем, как неловко я, старик, держу лопату, а уважать меня за то, что я сейчас сказал. Вы будете подходить ко мне и говорить, что я был прав в каждом своем слове. И вы будете плакать.

Он отвалился от микрофонов, еще более багровый, чем был вначале. На освободившееся место, сохраняя непроницаемое спокойствие, шагнул Сайда. Он не пытался перекричать гвалт, а заговорил тихо и ровно — и это сработало: люди притихли, чтобы услышать его ответ.

— Воистину, то была речь, исполненная неоправданной и необъяснимой враждебности. Пта Джиной в любом случае ошибается, если считает себя единственным продающим фрат богачом. Есть и другие поселки. У некоторых из них полей больше, чем у Шарту. А «Джиликон Сомос» производит собственный фрат и при этом продолжает скупать фрат селян. Пта Джиной существует не в локальной экономике одного поселка, а в глобальной экономике всего региона. Корпорация, будучи единственным скупщиком фрата, в любом случае сама назначает за него цену. То есть, если бы мы были извергами и хотели уморить людей голодом, мы бы это сделали, начав покупать фрат за бесценок. Для этого не нужно оккупировать Шарту с помощью суперсолдат.

— Теперь он нам угрожает! — рявкнул из-за плеча Сайды Джиной. Его голос прекрасно долетел до микрофонов. По залу прошел ропот — мнения людей расходились.

— Конечно, нет, — возмутился Сайда. — Я всего лишь

пытаюсь показать, какими нелепыми являются эти обвинения. Пта Джифой боится, что мы прогоним его с его полей. Но это глупо — зачем разрушать отстроенное хозяйство? Будем ли мы расширять свои поля? Да. Понадобится ли нам кого-то лишать земли? Нет! Это бессмысленно, когда можно осваивать пустоши, вытесняя из них омаров. Скажу больше: пта Джифой сам не понимает своей выгоды. Сейчас он платит транспортной компании за то, чтобы его фрат добрался до «Джиликон Сомос». Теперь корпорация будет прямо у его порога, и он сможет продавать нам свой фрат прямо с полей — выиграет в цене. Что же касается жизни поселка — заметьте, мы сейчас, в этом зале, обсуждаем все очень демократически. Я уверен, это не изменится с прибытием сюда сомос-офиса.

Он замолчал и снова отступил от микрофона, представляя Джифою возможность делать и говорить все, что угодно.

— «Джиликон Сомос» лжет, — просто сказал тот. — Любое общество строится вокруг тех, у кого военная сила. Пока здесь правим мы: мужчины Шарту с оружием в руках. Я с моими дронами, администрация с ее дронами, фермеры-крайняки с их дронами — мы все равны. Мы не можем добровольно пустить к себе тех, кто легко справится и с нами, и с нашими дронами. Они завтра же начнут диктовать нам условия. Это мое мнение. Но решать общине.

И он ушел назад в ложу.

— Еще вопросы и сомнения? — предположил Сайда.

Из крайних рядов у самой двери поднялся какой-то фермер.

— Если вы такие хорошие, — смешным пьяненьким голосом проорал он, — то дайте нам экзоскелеты и скафандры этих ваших солдат! Мы сами их оденем, сами омаров прогоним, а с вами будем просто дружить. Может, и не так мы будем хороши, как эти солдаты. Но думается мне, без брони там то же мясо.

Он красноречиво развел руками.

— К сожалению, — ответил Сайда, — как и с размеще-

нием базы, это вопрос специальной государственной лицензии. Эти вооружения не являются товаром, который можно просто купить. Мы нанимаем лицензированных солдат и используем их в соответствии с правилами.

Мужик снова развел руками.

— А-а, ну тогда все понятно. Значит, вы плохие. Значит, и правда поработить нас хотите.

Кое-где в зале раздалась смешки. И именно этот момент, а не выступление Джифоя, стал настоящим крахом для переговорщиков корпорации.

— Я уже говорил, что мы не изверги, — впервые растерявшись, запротестовал Сайда. — Никому не нужны рабы, когда все можно организовать на условиях взаимного согласия...

Мужик отмахнулся от него и плюхнулся на свое место.

— Еще вопросы? — спросил Сайда.

— Какие еще вопросы? — крикнул кто-то из центра зала. — Все уже всё поняли.

— Ну что ж, жители Шарту, если вы проголосуете против нашего предложения, мы уйдем, поскольку никто не собирався на вас давить. Знайте, что наша добрая воля по-прежнему с вами и этот план можно будет осуществить в любой момент, когда вы пожелаете. Если вам удастся самим решить проблему с врагом из пустошей, мы будем только рады, и наши отношения сохранятся в прежнем виде. Если же нет, если будут новые жертвы и народ Шарту поймет, что ему не удастся защитить себя, то «Джиликон Сомос» всегда готовы к сотрудничеству.

Он сошел с трибуны и присоединился к своим коллегам, которым никто так и не задал ни одного специального вопроса. К микрофонам сразу вернулся Киртаса.

— Кратко отвечая на произошедшие здесь прения, напомним всем, что мы не знаем ни количества омаров, ни качества их вооружений, ни, что самое главное, мотива их действий. А в этом контексте все заявления «Джиликон Сомос» кажутся мне голословными. Чтобы показать это, рассмотрим для начала два крайних сценария. — Он раскрыл перед со-

бой голограмму. — Сценарий первый. Допустим, что прямо сейчас омары готовят в пустошах армию, чтобы этой же ночью обрушить ее на нас. Тогда предложение «Джиликон Сомос» нас не спасет — корпорация просто не успеет развернуть здесь свой контингент. Зато, если мы подпишем договор с ней, она всегда будет иметь право занять своими силами то, что останется от разоренного врагами Шарту.

Никому еще не приходило в голову, что все может так повернуться. Это был новый, неожиданный выпад против «Джиликон Сомос», и люди отреагировали на него возмущенными возгласами. Димора Сайда поднялся, чтобы ответить, но шериф не стал уступать место у микрофона.

— Сценарий второй. Предположим, что у омаров нет никакой организации и никаких специальных устройств, что мы имеем дело лишь с сетью небольших группировок, которые каким-то случайным образом открыли всегда существовавшее слабое место наших дронов и воспользовались этим, чтобы воровать у окраинных фермеров припасы. Тогда никакой войны не будет, и дополнительная армия нам просто не нужна.

Договорить он не смог. Его гипотеза звучала слишком хорошо для того, чтобы оказаться правдой, но селяне уже истосковались по надежде и теперь возликовали. Зал отреагировал столь бурно, что Киртасе пришлось постучать в микрофон. Только этот громкий сухой звук заставил людей немного утомиться.

— Кроме того, я не поверю в возможности их суперсолдат, пока не увижу тех в реальном бою с омарами.

— Как он их приложил, — пробормотал Риройф. Кто-то в зале одобрительно заухал.

— Тишину... — попросил Киртаса. — Пожалуйста, тишину. Здесь не ламрайм, и мы не на шоу. Мы ищем способ выжить, и нет ни одного повода проявлять восторг. Кроме того, сейчас уже поздний час, а если община одобрит мой план, то у нас у всех будет очень много работы этой ночью. Позвольте мне договорить.

Он медленно провел взглядом по рядам, и в зале стало

так же тихо, как в момент поминания мертвых.

— У любых солдат, даже у облаченных в самый совершенный боевой скафандр, будет проблема, которой у омаров нет: солдаты не способны дышать атмосферным воздухом. Если пробить шлем или баллоны с кислородом — солдат не боец. И как бы хороши ни были военные скафандры, если омары очень захотят, они найдут против них тактику. Для любителей ухать скажу, что это не повод смеяться над «Джилликон Сомос» — это повод лишний раз подумать над тем, как мы намерены воевать с таким сильным врагом.

Хинта с интересом оглянулся на Риройфа. Тот пристыжено засопел. Киртаса провел пальцами по своей голограмме, и над трибуной, как и полтора часа назад, возникла карта поселка.

— Теперь к делу. Я создал план обороны Шарту, исходя из того, что сила противника неизвестна, а время его нападения непредсказуемо. У нас нет прежней оборонительной линии, а значит, все наши владения уже сейчас могут быть под фактическим контролем омаров.

На карту из пустошей потекла красная волна. Она разлилась вдоль южной и восточной границ поселка, а потом хлынула вверх и, заливая квадраты фратовых полей, раскатилась повсюду. Это было так красноречиво, что Хинта почти физически ощутил, как вокруг их маленького человеческого мира смыкается кольцо смерти. Минуту назад казалось, что в зале очень тихо, но теперь настала абсолютная тишина — ни шороха, ни вдоха.

— Мой план затрагивает три следующих дня, потому что у нас нет роскоши загадывать дальше. За эти три дня мы попытаемся создать вокруг поселка оборонительную линию. Потом, если наша новая защита будет работать, мы сможем вздохнуть чуть более спокойно.

Красный цвет схлынул с карты, а сам поселок вырос и приблизился так, что стало можно различить отдельные дома.

— Следующие три дня все, кто не способен держать оружие в руках, должны оставаться здесь, в Шарту. Для фер-

меров-крайняков и их семей будут приготовлены спальные места. Остальные — это почти тысяча здоровых взрослых мужчин и женщин — будут разбиты на несколько отрядов и смен, каждая из которых получит свою задачу. Значительную часть людей я намерен поставить на защиту самого поселка. — Карта Шарту оцетинилась штрихами черных пунктиров и цифр. — Десять человек будут патрулировать каждую улицу. Итого — семьдесят бойцов на улицах поселка. Им понадобятся три смены. То есть, на охране улиц Шарту будут задействованы двести десять человек. Они не допустят омаров внутрь поселка. Еще двадцать бойцов мы поставим на охрану электростанции. Другие двадцать будут сторожить продовольственные склады. И еще двадцать будут держать под контролем кислород и очистные сооружения. Плюс десять человек с приборами дальнего видения займут позиции на вышках связи и на скалах у Экватора. Это еще семьдесят бойцов. Им также понадобятся три смены. Всего на охране Шарту будет задействовано чуть больше четырех сотен человек. Все дроны устаревших моделей, которые есть у фермеров, я предлагаю собрать в маленький заградительный периметр вокруг поселка.

Карта снова изменилась: поверх черных штрихов вспыхнули зеленые дуги — периметр дронов. Тишина взорвалась множеством голосов.

— А как же наши дома?

— А поля? Позволим им спалить наше богатство?

— Дослушайте план, — отрезал Киртаса. — Я гарантирую, что ни один отдельный омар не подойдет сюда незамеченным и ни один отдельный отряд омаров не прорвется на наши улицы. Если же их будет целая армия, то я обещаю, что мы заставим их очень дорого заплатить за уничтожение Шарту. При этом у наших выживших останется шанс уехать отсюда на тихоходном или бежать на запад, в направлении Чидру.

Зал вновь напряженно притих. Возможно, многие из присутствующих только сейчас осознали, насколько серьезная ситуация и как непривычно будет выглядеть жизнь в

осажденном Шарту. Атипа, словно в нервном тике, тер подбородок ладонью.

— Итак, я описал оборону самого поселка. На ней будут заняты четыреста человек. Еще шестьсот человек понадобятся нам для других дел. — Карта снова отделилась, поселок превратился в небольшое пятно, и стало видно всю территорию юрисдикции Шарту и часть пустошей. — Чтобы знать о приближении групп омаров, мы построим постоянный лагерь на сопке Кему. Мне понадобится там постоянный контингент в пятьдесят человек. Двадцать будут смотреть по сторонам, тридцать — копать. Работа будет тяжелая и не прекратится, пока мы не возведем бруствер и дзоты. Работаем в три смены. То есть, всего на Кему будет занято сто пятьдесят человек.

Шериф поставил на карте еще одно пятно. Оно оказалось почти строго к юго-западу от поселка.

— Такой же маленький форпост мы построим здесь, на возгорке у западной стороны ущелья Шакта. Там никогда не было наших укреплений, потому что территория прежнего Шарту была куда меньше, чем территория нынешнего. Но теперь укрепления там нужны. Около ущелья Шакта будут заняты еще полторы сотни бойцов и работников.

— А кто будет возделывать фрат? — крикнул Джифой. — И кто будет делать все остальное, если каждого ты поставишь на оборону?

Шериф его проигнорировал.

— Третий форпост мы разместим на скале Пикаджа, — поместил он новую точку на западе, совсем близко к Экватору. — Там работа будет особенно трудной: сначала придется строить защищенный лагерь под скалой, а затем прорубать тропу на вершину скалы. Однако, когда эта задача будет выполнена, мы получим неприступный форпост с обзором на всю западную границу. Туда нужно столько же людей, сколько и в два других места.

Киртаса разметил карту широкими пунктирными овалами, обозначив, насколько далеко сможет видеть каждый форпост.

— Теперь я могу ответить на вопросы. Дома фермеров никто не будет охранять. Сейчас попросту опасно находиться в них или посещать их в одиночку. Однако, поскольку многие хозяйства могут разориться, оставшись без присмотра, мы сформируем специальные отряды по шестьдесят-восемьдесят человек в каждом. Отряды будут в две смены ездить от хозяйства к хозяйству, кормить животных, поливать растения и делать другую необходимую рутинную работу.

По залу прокатился понимающий шепот.

— Кроме того, не забывайте про форпосты. Они оповестят нас о появлении омаров, и мы сможем выдвинуться для контратаки. То есть, в случае малой атаки мы сможем защитить ваши дома. А в случае большой атаки мы успеем стянуть все силы к поселку и будем защищать уже не наше имущество, а самих себя. Что касается систем жизнеобеспечения Шарту, охранять их будут те же люди, которые сейчас на них работают. Поэтому все сможет функционировать, как раньше. Что касается фрата — нам придется оставить его на произвол судьбы. Но я повторяю, этот план затрагивает лишь следующие три дня. Они будут самыми тяжелыми. Если за эти три дня на нас нападут — мы должны суметь отбиться. Если же нас не тронут, то мы успеем построить часть укреплений и сможем сократить число рабочих, чтобы те смогли вернуться к своим обычным делам.

На этот раз Джифой ничего не сказал. Терминал, который передавали вдоль по ряду, дошел до Лики, и та передала его Атипе. Вся семья склонилась к экрану. У «Джиликон Сомос» было семьдесят шесть голосов, у шерифа — уже под две сотни, и они на глазах продолжали расти.

— Ну что? — спросил Хинта.

— Да не знаю я, — сказал Атипа. — Плохая жизнь будет и так, и эдак. — Ничего не выбрав, он мимо сына протянул терминал Риройфу. Тот отдал свой голос за план Киртасы, и терминал уплыл дальше по реке человеческих рук.

— И последнее, о порядке этих мероприятий. Ни у скалы Пикаджа, ни около ущелья Шакта сейчас нет никого из наших. Посылать туда людей под вечер нельзя, поэтому мы

займемся созданием форпостов там только завтра утром. А значит, никто этой ночью не присматривает за западными окраинами поселка. Эта ночь может оказаться самой опасной. Я считаю, что мы должны выставить по всему Шарту двойную охрану и что уже сейчас никому из крайняков не следует возвращаться в свои дома — даже чтобы забрать оттуда предметы первой необходимости. Проживете эту ночь без тапочек и полосканий для рта. А завтра пойдете с вооруженным отрядом и заберете все, в чем нуждаетесь.

— Это при условии, что завтра дома будут целы!

— Омары до сих пор никогда особо не заботились разрушать брошенные людьми постройки. Даже если они нападут, я не думаю, что они станут последовательно жечь и крушить все на своем пути. А если станут, то лучше вам выжить и построить новый дом, чем умереть, защищая старый.

— Здорово сказал, — с тяжелым вздохом прокомментировал Атипа.

— Еще вопросы?

Поднялся гвалт. Кто-то уже сейчас хотел распределяться в смены; кто-то не был уверен, что на всех хватит оружия; кто-то просто проклинал омаров и сетовал на судьбу. Киртаса молчал, будучи не в силах вычленить вопрос из криков толпы. Чтобы спасти шерифа, к микрофону торопливо вышел Юрана Варта.

— Напоминаю, что голосование еще не завершено! Не задавайте организационные вопросы с мест — они все будут позже решены в частном порядке. Задавайте вопросы по существу.

К своему удивлению, Хинта вдруг заметил, что вслед за председателем на трибуну спустился Тави. Тонкий, неуверенный, он остановился в двух шагах за спиной взрослого и, видимо, ждал возможности задать какой-то вопрос. Эрника замахала сыну из административной ложи, чтобы тот шел назад, но Тави остался там, где был. В зале между тем стало тише. Юрана отступил от микрофонов, возвращая место шерифу.

— Задавайте вопросы по одному, — попросил тот.

Из первых рядов, опираясь на трость, поднялся какой-то старик.

— Не будет ли атака множества омаров обозначать верную гибель для той полсотни храбрецов, которая выйдет держать форпост?

— Нет, при условии, что они вовремя заметят атаку. И тем более нет, если они успеют отстроить укрепления. Тем не менее, я не обещаю, что среди бойцов не будет жертв. Мы в состоянии войны.

Старик рухнул обратно в кресло. Зал негромко шумел сотнями тихих разговоров и шепотов. А Тави все еще стоял за спинами взрослых. Его мать начала пробираться по рядам ложи, чтобы забрать сына с трибуны.

— Еще вопросы? — поторопил Киртаса. — Или все?

— Есть, — раздался негромкий, но звонкий голос. Шериф и председатель оба разом оглянулись и увидели Тави. Тот в мгновение ока оказался под ударом сотен взглядов и, испуганно вжав голову в плечи, шагнул к микрофону. Он выглядел как человек, в сорванной маске пытающийся добежать до шлюза своего дома.

Хинта вцепился пальцами в подлокотники кресла. Он вдруг понял — или почувствовал — что сейчас произойдет: догадался, что Тави собирается высказать свои мысли, и что те, наверное, будут публичным самоубийством. Его сердце сжалось от мгновенного спазма, он ощутил страшную слабость. Одна его часть тянулась вперед и вверх, чтобы лучше видеть Тави, другая обессилено падала на спинку кресла и сползала вниз, а третья — самая маленькая — пыталась понять, как Тави может быть таким смелым, как ему удастся стоять там, рядом с главными людьми Шарту? Но куда бы Хинта ни стремился, как бы ни разрывался, он уже ничего не мог сделать.

— Мой вопрос, пта, — стараясь сдержать дрожь в голосе, произнес Тави, — как вы видите дальнейшую стратегию Шарту в случае, если мы переживем эту ночь и следующий день? Что мы будем делать, кроме сооружения трех форпостов и изучения тел убитых омаров?

Он сделал вежливый шагок назад, но шериф не стал наклоняться к микрофону.

— Не совсем понимаю, что еще... — его голос, не направленный к залу, прозвучал очень тихо, остаток фразы утонул в помехах. По лицу председателя Хинта понял, что тот в ужасе. А шериф вдруг приобнял мальчика за плечи и подтолкнул того прочь с трибуны. Возникла заминка. Тави еще что-то сказал.

— А почему мы... — долетело до зала слабое эхо его голоса. Потом он, понурившись, пошел назад к административной ложе, у входа в которую мать встретила его пощечиной. Тави от этого удара будто совсем надломился. Зал отреагировал на сцену угрюмым оживлением. Хинта сидел, вжавшись в кресло, с отчаянно бьющимся сердцем, и понимал, что только что чуть не произошло что-то непоправимое, после чего он, наверное, не смог бы дружить с Тави, а сам Тави не смог бы жить в Шарту.

— Это твой друг, что ли? — спросил Атипа.

— Да, — еле выдавил Хинта.

— Чего это он? — подивился Риройф. — Полез, мелкота городская, с умной речью. Вот чудной.

— Кроме руки помощи от «Джиликон Сомос» и плана Киртасы, у нас не было ни одного значимого предложения, — обернувшись к микрофонам, подытожил Юрана Варта, — поэтому сейчас я объявляю голосование и перерыв. Те, кто еще не проголосовал или хочет воздержаться, могут выйти из зала. Остальных прошу как можно быстрее зафиксировать свое решение в терминалах. Через пять минут мы соберем все данные и объявим результаты референдума.

Голограмма над трибуной переключилась и начала показывать результаты голосования. У «Джиликон Сомос» все еще было около ста фанатов, а очки в пользу плана шерифа продолжали набегать и уже стремились к тысяче. Хинта хотел пойти поискать Тави, но отец ему не позволил.

— Исход ясен. Проголосуем и мы за Киртасу, чтобы со всеми. — И семейство Фойта осталось сидеть на своих местах, в ожидании, когда к ним в руки вернется терминал. Это заня-

ло несколько долгих минут, после чего идти к Тави стало уже слишком поздно.

Когда голосование закончилось, зал охватила новая суэта. Большие шишки отправились провожать делегацию «Джиликон Сомос». Тави с матерью совсем скрылись из виду. Голограмма над трибуной превратилась в наспех составленный график с наименованиями отрядов и смен. К микрофонам, заменяя Юрану Варту, вышли две женщины-организатора и начали переключку с распределением ролей. Она длилась долго и регулярно усложнялась прениями, когда кто-то из трусости или по объективным причинам начинал требовать, чтобы ему дали более легкий наряд. Риройф, не пытавшийся качать права, честно распределился в отряд у скалы Пикаджа. На эту ночь он был освобожден от повинности, а утром ему предстояла поездка в пустоши навстречу неизвестности. Лика предъявила документы о своей болезни. Атипа, напуганный тем, что может разделить судьбу Риройфа, заявил, что должен присматривать за больной семьей, и упросил комиссию назначить его в команду по обороне самого Шарту. В патруль своей улицы он не попал — все места были уже выбиты, зато сумел получить место в отряде наблюдателей — это означало, что до утра ему предстоит сидеть в засаде на скалах.

Когда они вышли из гумпрайма, уже наступила ночь. Туман рассеялся, но звезд не было видно — так ярко сиял всеми своими огнями Шарту. Горели все базовые, запасные и аварийные прожектора. На центральной площади царила суэта — от складов прибыли машины и робоходы с оружием, пайками, спальными комплектами и скафандрами военного образца, и все это раздавали прямо с кузовов в толпу. Мужчины, которым предстояло идти в патрули, неуклюже сбивались в отряды и на ходу пытались разобраться с устройством винтовок. Кто-то истерично обнимал родных, будто тем суждено было погибнуть в первом же дозоре.

Хинта, смертельно усталый и эмоционально измо-

танный, застыл посреди всего этого движения, как во сне. Прожектора били в глаза, ветер гнал по ослепительно освещенной красной земле прозрачную рухлядь разорванных упаковок. Всюду, сверкая и пестрея разношерстными скафандрами, шли и толпились люди. Многие были уже в военной экипировке. Отсвечивали синим борта грузовых машин. Кто-то пытался упорядочить толпу и кричал на всех по громкой связи — команды-окрики сливались с ревом моторов и шелестом трепещущих на ветру пакетов.

— Светло, как днем, и людно, как в бедствие, — забыв, что дети слышат ее, сказала Лика. Вместе с Атипой они встали в очередь к машине, с которой раздавали оружие. Потом к ним подошел Риройф — за плечами у него уже висела винтовка, а на поясе был закреплен ремень с боезапасом и раскладным энерго-щитом. Он словно переродился этой суматошной ночью: оружие странно шло ему, как будто всегда было недостающей частью его неуклюжей фигуры. Его сутулые плечи и длинное тело обозначали теперь принадлежность не к работягам, а к солдатам. Он походил на какого-то нездешнего персонажа — на повстанца запада, сошедшего со старых агитационных голограмм, которые когда-то доходили до Шарту.

Лика, как только узнала, что ей оружия не дадут, попросила Риройфа заночевать у них. Тот согласился. Атипа получил экипировку и из общей очереди отошел к своему отряду — там многие, как и он, еще стояли с семьями. Прощание затянулось. Лика села на какой-то контейнер, Ашайта на время задремал у нее на руках. Хинта стоял рядом с примолкшими мужчинами и с усталым интересом разглядывал оружие отца — щита тому не выдали, зато винтовку украшал снайперский прицел с системой ночного видения. Они расстались под звуки военных команд, когда шериф самолично увел отряд наблюдателей с пустеющей площади.

Путь домой показался Хинте долгим и странным. Всюду было слишком много света. Ашайта обессилено вис на руках. Посреди их улицы рассеянной толпой слонялось десять бойцов, которым не объяснили, какие позиции занять.

Придя домой, Хинта кое-как раздел и уложил брата, после чего чуть ли не час просидел на кухне — в тишине, в лакуне усталости и покоя. За окном был туман, прожектора, отряды вооруженных людей, страх и ожидание войны. А здесь горел маленький свет, и можно было выпить несколько стаканов сладкого сока.

У Хинты дрожали руки. Он чувствовал, что стены комнаты, где он сейчас сидит, похожи на тонкую скорлупу. Пройдет мгновение, и кто-то очень большой опустит вниз свою тяжелую ладонь, и место уюта исчезнет. Все казалось Хинте временным, ничтожным, почти утраченным и нереальным. Но он все равно не мог отсюда уйти — не прямо сейчас, ведь можно было выпить еще один успокаивающий стакан сока, и еще один после него.

Потом был Риройф, засыпающий на диванчике в коридоре. А потом Хинта забрался на верхний ярус их койки и упал лицом в подушку. Ему казалось, что он тут же уснет, но этого не произошло — вместо желанного покоя пришли слезы, и он ревел, сотрясаясь всем телом, зажимая лицо, мучительно осознавая и переваривая свою трусость, и трусость своего отца, и опасаясь, что разбудит младшего. Но тот тоже не спал.

— Э... ла... — услышал Хинта. Он оторвал лицо от подушки и сквозь слезы увидел залитое непривычным светом окно.

— Нэ... ла... — повторил Ашайта, — е... ла-е... нта?

— Я не знаю, почему, — хрипло ответил Хинта. Он почувствовал, что брат снизу тянется к нему, и опустил навстречу свою руку. Так они и лежали почти до рассвета, сцепившись пальцами, и Хинта в усталом полубреду думал о том, что Ашайта что-то делает с ним, защищает его, как брат и должен защищать брата; возвращает ему совесть и покой; спасает его для дружбы с Тави. И уже под конец, проваливаясь в забытие, но по-прежнему сжимая руку младшего, Хинта придумал слова, которые он должен будет сказать своему лучшему другу после всего, что сегодня произошло.

— Я хочу, чтобы мы оба были как Шедра Киртаса, —

шептал он, — разумными и точными, сильными и не лгущими ни в одном слове.

Ему приснился странный сон, в котором он, Хинта, стоял на трибуне посреди пустого зала гумпрайма, а от дверей прямо к нему, медленно, с печальной торжественностью, шел Тави, неся окровавленного младенца-омара на руках. И это длилось, длилось... И свет ламп на потолке зала был совсем как свет прожекторов в окне.

Когда Хинта проснулся, отец уже был дома, Риройф ушел, а поселок за окнами стремительно менял свой облик — люди ходили в военной одежде и с оружием, стены домов обшивались сталью, у каждого крыльца росли редуты из контейнеров с песком.

ГЛАВА 3

УКРАДЕШЬ ДУШИ

Новая занятость отца мгновенно обрушила на плечи Хинты дополнительные заботы.

— Если все удастся, мы даже заработаем на этой напасти, — за завтраком объявила ему мать. — Я возьму на себя сверхурочную работу в птичнике, Атипа найдет шесть часов в день, чтобы батрачить на Джифоя, и нам обоим заплатят большие надбавки. Но ты должен почти полностью взять на себя хозяйство.

— И младшего, — утрюмо добавил Хинта.

— Он никогда тебе не в тягость. Да и выбора нет.

Так Хинта против своей воли получил в безраздельное пользование ключи от гаража и четырех теплиц, а в придачу — дополнительный счет в кошельке, специально для закупок с продовольственной базы.

— Главное, ни в коем случае не выходи за пределы поселка, — на прощание наказала ему Лика. — Возвращайся домой до темноты и старайся держаться рядом с вооруженными людьми — благо они на каждой улице.

— Я не дурак, — ответил Хинта. Однако, забрав Иджи из гаража, пошел не напрямик в теплицы, а повернул в центр Шарту, к административному комплексу, где жили Тави с матерью. Позвонить другу Хинта долго не решался, так что сделал вызов лишь, когда оказался на соседней улице.

— Привет. Ты как?

— Привет, — эхом отозвался Тави. — Не знаю. Не могу

понять. — В его голосе появилась какая-то мертвая интонация, которая немного напугала Хинту: выбитый из колеи, он на время забыл все слова, которые готовил. — А ты как?

— Нормально. Нет, плохо. Я вчера хотел тебя найти, но отец не позволил. Я как будто бросил тебя одного, и мне от этого не по себе.

— Ты не бросал. А искать было бесполезно — мама увела меня домой до конца голосования.

— Ты помирился с ней?

— Это нельзя так назвать. Скорее, я заключил с ней соглашение о мире... ну, или лучше сказать — соглашение о вооруженном паритете. Похоже, прежним все уже не будет.

— Ты под домашним арестом или что-то вроде того? — расстроено и растерянно предположил Хинта.

— Нет, — снова с какой-то странной интонацией возразил Тави. — Она не наказывала меня раньше и тем более не будет теперь.

— Тогда что делаешь?

— Не допрашивай, а? — устало осадил его Тави. Несколько секунд они молчали — слишком долго, и Хинта начал чувствовать, как падает в пропасть тихой паники, но Тави все-таки ответил. — Ничего я не делаю. Пытаюсь убраться в своей комнате.

— Она дома?

— Нет. У нее завал работы. Почти все ее лаборанты теперь в патрулях, а на их месте должен кто-то быть.

— Просто я с братом подхожу к центру Шарту, и очень хотел к тебе зайти. Потом у нас куча дел, но полчаса есть. А может быть, ты пойдешь с нами.

Тави почему-то замялся.

— Ладно, — наконец, согласился он. — Я, наверное, даже хочу, чтобы ты это увидел — меньше придется объяснять.

— Увидел что?

Но Тави резко оборвал вызов — чего раньше не делал вообще никогда. Хинта, подгоняемый необъяснимой тревогой, пошел быстрее.

Тави открыл ему сразу. Стоя внутри шлюза, Хинта сквозь прозрачное оконце увидел его лицо: отсутствие улыбки, взъерошенные волосы, заметная полоса красноты под левым глазом — след вчерашней пощечины. Это был незнакомый Тави, очень красивый, печальный и повзрослевший. Глядя на него, Хинта вспомнил, как вчера оружие изменило Риройфа, и подумал, что война создает в Шарту новые лица. Потом внутренние двери шлюза открылись, и Хинта подтолкнул Ашайту, чтобы тот шел вперед. Младший протанцевал в глубину прихожей — она была длинная, с двумя выходами: один, через который вошли Хинта и Ашайта, вел на улицу, другой, лишенный шлюза, открывался во внутренние коридоры административного центра.

— Рад тебя видеть, — стягивая маску, улыбнулся Хинта.

— И я, — ответил Тави. Он был в красивой кофте с эластичной напёнкой — мягкий неглубокий барельеф у него на груди изображал шесть величайших героев Джидана. Джилайси Аргнира получил свое место с левой стороны композиции, прямо над сердцем мальчика.

Хинта привычно шагнул вслед за братом и потянулся к застегкам у того на скафандре, но Тави его остановил.

— Знаешь, не раздевай его. Я сейчас понял, что хочу уйти отсюда. Я ведь тебе и твоим делам не помешаю?

— Отец в патрулях, а меня сослали работать в теплицах. Так что, если ты готов там со мной сидеть, то... — Хинта не сказал «это будет здорово», потому что эти слова не слишком подходили к обстоятельствам.

— Готов. Где угодно, только не здесь. Но сначала ты посмотришь на мою комнату.

— Ладно, — удивленно согласился Хинта. Они прошли немного вглубь квартиры, и он замер на пороге спальни друга. Пол был усыпан обломками сбитых с потолка пластин полупрозрачного пластика. Среди пестрого крошева катались шарики сорванных лампочек; некоторые из них до сих пор

светились — догорающие искорки убитой красоты. Так же выглядело и все остальное — сметенные стеллажи, сбитые с подвесок барельефы. Только центральная композиция с двуликим Джилайси стояла нетронутой, и обе половины его лица-лика с безмолвной яростью и горем взирали на разруху.

— Это она сделала? — пораженно спросил Хинта.

— Мама это начала. А потом мы крушили мою комнату вместе.

— Но зачем? В смысле, если она — от злости, то зачем ты сам?

— Пойдем отсюда, ладно? — Уголок рта Тави слегка дернулся. — Не хочу сегодня это убирать. Может быть, я вообще не стану это убирать. Буду так жить.

— Ладно.

— Мне надо переодеться, и мы уйдем. Ты можешь пока зайти на кухню. Там на столе недоеденные руши и стакан детского кифа. Мама оставила мне к завтраку — но я его не пил... — Заканчивая говорить, Тави через голову стянул свою кофту и, спотыкаясь, осторожно пошел по хрустящим обломкам к платяному шкафу.

— Ладно, — автоматически повторил Хинта. Мгновение он смотрел на тонкую белокожую спину друга — конопушки у Тави были не только на лице, но и по всему телу, особенно много над лопатками и на пояснице — а потом направился на кухню, где обнаружил руши: несколько маленьких сладких колечек на большом формовочном подносе. Хинта вспомнил, что так и не угостил ими Ашайту — пакет, который ему вчера подарил Тави, позже забрала мать, и он, забытый, остался лежать в вакуум-консервной камере у них дома. Вместо того чтобы съесть сладости, Хинта завернул их в бытовой пакет и упрятал в карман скафандра. Их с Тави разговор по-настоящему продолжился уже на улице.

— Странно, — запирая шлюз, объяснил тот, — но вчера я стал крушить свои любимые вещи, потому что у меня не осталось другого способа достучаться до мамы. Я никогда не видел ее такой. Она кричала, покраснела, стала некрасивой. Мне не удавалось вставить ни слова. И тогда я вместе с ней

начал все швырять и бить.

— И это помогло?

— Да. Когда я начал все ломать, она почти перестала это делать и начала слышать, что я ей говорю.

— У тебя раньше было очень хорошо, — с горечью сказал Хинта. — У нас дома никогда так не было.

— Знаешь, ведь это были не только мои вещи, не только мой труд — мы с мамой делали все это вместе. Лампочки на потолке появились сразу после переезда в Шарту. Подвесные панно мы вырезали еще несколько лет. Мама увлекалась вместе со мной. Это было такое счастливое время. Я очень ее любил. Мне казалось, мы с ней особенные, и никогда в моей жизни не будет другого такого удивительного человека, как она. Но я ошибался. Все меняется. Люди меняются. Одни приходят на место других. Но так жаль, что какие-то вещи в этот момент теряют смысл.

Хинта смутно заподозрил в его словах какой-то тайный намек.

— О чем ты? Кто приходит на смену кому?

— Люди — одни на смену других. Я не о ком-то конкретном. Я о том, как это вообще бывает. Я очень расстроен и, наверное, поэтому излагаю все бессвязно. Помнишь, ты утверждал, что я могу зажигать людей и спасу свою маму от этого омертвения, в которое погружаются взрослые? Вчера я все это ей сказал. О взрослых, о насилии, о людях вообще. — Голос Тави слегка дрогнул. — Я в лицо ей кричал, что она умерла внутри, иначе бы не стала вести себя так, как ведет сейчас. Я сказал ей, что она лицемерка и что она ничего не поняла из тех легенд, которые сама же читала и рассказывала маленькому мне. В конце концов, когда мы сломали уже почти все мои вещи, до нее что-то дошло. Она стала плакать, попыталась меня обнять, но я ей не позволил и убежал.

— От нее или вообще из дома?

— И от нее, и из квартиры. Долго бродил по всему административному комплексу, прятался. Вернулся домой только в начале утра.

Хинта почувствовал себя абсолютно ужасно. Он тогда

бросил Тави. Тави мог этого не признавать, но так оно и было.

— Здесь, наверное, была суматоха, — предположил он, борясь с неловкостью и чувством вины. — Я имею в виду, не из-за тебя, а из-за приезжих крайняков.

— Уже нет. Когда я мимо них проходил, они ложились спать. Все было очень тихо. Люди вели себя вежливо.

Они дошли до перекрестка, где рабочие строили укрепления из бочек и валунов.

— У всех оружие, — оглядываясь, сказал Тави. — Скоро поселок будет сам на себя не похож. После вчерашнего мне кажется, что любой человек, даже тот, который не способен взять в руки ружье, внутренне создан для жизни в обстановке войны. Интересно, может, омары затем и приживляют пулеметы прямо к самим себе — для них это своего рода вершина постижения человеческой природы?

— Да, я тоже заметил, что некоторых оружие дополняет, будто им всегда его не доставало. Но омары-то не люди.

— А люди это люди? До вчерашнего дня я думал, что мама вообще никогда меня не ударит. Я даже представить себе не мог, с какой тупостью, с каким равнодушием она на самом деле смотрит на мир. И я бы никогда раньше не поверил, что она беспрекословно и подобострастно подчиняется этому недалекому негодяю Джифою.

— Она же на него работает.

— Я раньше думал, что она за свою большую зарплату улучшает ему прирост фрата, а вчера оказалось, что он ей нравится. Я имею в виду, не как работодатель, а вообще. Я не понимаю, что между ними, но я это видел. — Тави передернуло, его голос снова повело в слезы. — На него работают все. Но большинство его сотрудников от него не в восторге, а она ест у него с руки.

— Они что...,

— Я не знаю. И не очень хочу знать. Просто это так странно и страшно — чувствовать, что у близкого тебе человека есть сторона жизни, которая от тебя скрыта. Да и человек этот, возможно, не был тебе близким, а просто носил маску. Она думала, что я ребенок, и все было замечательно, так

как можно было не принимать всерьез наши слова и игры. Но вот я вырос с верой в эти слова и игры, и оказалось, что весь мой мир состоит из них. А ее мир всегда состоял из чего-то другого. И получилось, что она вырастила чужого себе человека — то есть меня. Но как можно было так сделать? Это что, такая особенная глупость? Или взрослые просто не понимают смысла легенд и не придают им значения, притом что сами, должно быть, на них росли?

— Я правда верил в то, что ты найдешь с ней общий язык. И тоже не мог себе представить, чтобы она тебя ударила. Она вроде всегда была другая, не такая, как местные.

— Вот и возникает вопрос: кто такие люди? Посмотри на нашу историю. Одна цивилизация — Джидан — была более последовательной, чем две другие. Ее уничтожили. Один человек — Джилайси Аргнира — был еще более последовательным, чем даже его народ. В ответ его изгнали отовсюду, преследовали и хотели убить. На мой взгляд, Джилайси и, в меньшей степени, его народ, были людьми. Они развивали в себе идею того, как жить и быть человеком в духе легенд о добре. Если они были людьми, то мы — почти такие же нелюди, как омары. А если права противоположная сторона, которая верит, что человек — это воин, борец, захватчик и насильник, то тогда омары — это еще какие люди, а все остальные, включая нас, лишь подтягиваются к идеалу.

— Знаешь, — сказал Хинта, — я вчера вечером и ночью, не переставая, думал над твоими словами. Мы совсем не похожи на героев. Моя семья — напуганные трусы, делающие все, чтобы считаться своими, но при этом ускользнуть от ответственности. Я не пошел за тобой после твоего выхода на трибуну, так как отец решил, что мы должны голосовать после всех.

— Почему?

— Чтобы совпасть с общим мнением.

— Но это бессмысленно. Если нет своего мнения, нужно воздержаться.

— Это не бессмысленно. Это трусливо. И мне очень стыдно. Мне стыдно, что отец попросился в охрану поселка —

он думает, здесь у него больше шансов уцелеть. Мне стыдно за трусливые разговоры, за то, что я не пришел к тебе днем. И еще мне стыдно, что я, наверное, похож на них — на всю свою семью. Я боялся вчера весь день. А хуже всего было после собрания. Ты ведь не был вчера на площади, когда оружие раздавали? Было не так, как сейчас. Прожектора, толпа, машины и ощущение, что все прощаются друг с другом навсегда. Казалось, омары нападут ночью, и мы кого-нибудь потеряем, или вообще все умрем. Это было в глазах людей.

— Ты не знаешь, трус ты или нет. Ты просто еще ни разу не был в такой ситуации, когда становится видно, как поведет себя человек. И мне кажется, стыдно не бояться и трусить, а быть таким, как Джифой: орать, командовать, бредить мстостью, выдавать случайную стычку за победу, чужие заслуги — за свои, трястись над своим богатством.

Некоторое время они шагали молча. Из-за окраинных домов уже показались теплицы — большие голубовато-белые купола из полупрозрачного пластика. Между ними петляла грунтовая дорога. На шлюзах висели таблички с номерами и фамилиями владельцев.

— Но вчера Джифой неплохо говорил против «Джилликон Сомос», — заметил Хинта. — Может, он и урод, но в тот момент он был честен.

— Я, кстати, голосовал за план корпорации, — ошарашил его Тави.

— Почему?

— Потому что Шарту слишком маленький. Я не знаю, хочет корпорация плохого или хорошего, но их приход мог бы означать, что здесь станет больше выходов в большой мир. Прости, Хинта, я знаю, как ты любишь свой поселок, я знаю, как ты воспитан. И здесь действительно бывает очень красиво и хорошо. Но лучше, даже теряя многое, стать человеком всей литской ойкумены, чем оставаться запертым в одной общине, без всякого выбора.

— А наши прежние разговоры про «Джилликон»? Что, если они действительно хотят разрушения Экватора и всеобщей гибели? Ты бы стал на них работать?

— А изолированный от мира Шарту, который в любом случае продает им свой брат — как он может им помешать? Нет, Хинта. Джифой, твой отец, моя мама, весь Шарту — глупцы. Они не умеют и не хотят вести переговоры. Они видят повсюду врагов и не допускают в мыслях, что хоть кто-то вокруг может быть для них полезен. При этом они забывают, что все, что у них есть — дома, скафандры, генераторы, машины, лекарства, половина продуктов, героические ламы, книги, музыка — все это едет сюда с той стороны Экватора.

Хинта сердито засопел.

— Только сблизившись с большим миром, мы могли бы что-то изменить. Чтобы изменить «Джиликон Сомос», надо стать ее частью. Бойкотируя их переговорщиков, селяне просто загоняют себя в угол, из которого однажды уже не будет выхода. И тогда кто-то — какая-нибудь сила оттуда или отсюда — уничтожит это место. А я не думаю, что надо умирать за фратовые поля и за эти маленькие домики, собранные для нас в другой стране.

Они остановились перед участком семьи Фойта, и Хинта отвлекся, отключая охранную систему. По местным меркам теплицы его отца были не очень большими — всего около восьми метров в диаметре — но в них можно было ходить в полный рост, а шлюзы были изготовлены по грузовым стандартам, так что Ашайта мог свободно въехать внутрь на ослике. Когда они всей командой остановились внутри шлюза, Хинта вновь повернулся к Тави.

— Атмосфера здесь нормализуется медленно, — предупредил он, а потом без перехода продолжил, — так ты это хотел сказать на собрании? Что нам следует принять предложение корпорации? Или ты собирался предложить мир с омарами? Ты не думаешь, что мать спасала тебя от ярости толпы? И шериф? Ты мог вот такой глупой речью изуродовать всю свою жизнь!

Тави молча стянул с головы шлем и остался в одной маске. Его волосы взъерошило потоком обновляющегося воздуха.

— Да, и поэтому мама ударила меня уже после моего

выхода на трибуну, а потом кричала на меня и ломала мои вещи. Это был такой способ меня спасти.

— Я не это имел в виду.

— Это. Но у меня в любом случае нет больше никого, кроме тебя. Поэтому давай говорить, давай высказывать друг другу свои мысли без ссор, хорошо? Да, я собирался сказать, что люди должны допускать возможность сотрудничества. Но я не глуп и не наивен. Поэтому мое предложение началось с идеи, что мы должны взять в плен хотя бы одного живого омара.

Шлюз открылся. Хинта удивленно посмотрел на Тави и пропустил того вперед. Они вошли в душный растительный лабиринт. Солнечный свет, рассеянный куполом, утрачивал здесь свою режущую яркость. Вьющиеся побеги харута ползли вверх по натянутым в воздухе струнам. Между листьев мягкими оранжево-красными мешочками висели крупные плоды, их тонкая шкурка потела от сока. Тави стянул с себя маску и с удовольствием втянул носом пряный, травянисто-сладкий запах. Хинта приказал Иджи лечь на земляной пол и помог брату спуститься с ослика.

— Думаешь, омар рассказал бы нам об их планах?

— Нет. Для начала кто-то должен был бы общаться с ним день и ночь, учить его язык. А то сейчас получается, что омары нас понимают, а мы их — нет. Потом человек попытался бы подружиться с этим омаром и дать ему то, что тот готов взять от людей. А в самом конце человек отпустил бы его назад в пустоши с подарками и предложением мира.

Хинта расстегнул верхнюю часть своего скафандра, потом начал раздевать брата.

— Прости меня, — сказал он. — Это совсем не глупо. Но это долго, сложно и требует согласия всей общины, которого она никогда не даст. Это почти невозможно.

— Укт.. не!.. — вытягивая руки вверх, перебил их Ашай-та.

— Нет, они еще не вкусные. И с веток их нельзя есть, надо готовить. Но у меня есть для тебя подарок. — Хинта вытянул из-за пазухи пакетик с рушами. Брат замурлыкал от

удовольствия, пустил на подбородок слюну и тут же прикрыл рот руками, испугавшись, что выронит лакомство.

— Я рад, что ему нравится, — тепло сказал Тави. Они переглянулись. Хинта отвел взгляд первым.

— И есть еще проблема, — без нажима вернулся он. — Омары предпочитают убивать себя, а не сдаваться в плен. Чтобы взять кого-то из них живьем, придется пожертвовать людьми.

— Я знаю. Но это был бы выход.

Хинта сел на бочку, притянул брата к себе и начал вытирать ему подбородок.

— Это может не сработать.

Тави всплеснул руками.

— Но ведь мы даже не знаем, что им от нас нужно! Все понимают, что это главная проблема, но никто ничего не делает. Омары взломали дронов, а потом ходили сюда неделями, может быть, месяцами — и никого не тронули, пока однажды не напали. Они не напали на Шарту ночью, хотя знают, что их раскрыли. С каждым часом якобы существующий зловещий план омаров утрачивает свой смысл. Они ничего не делают — может, потому, что ничего и не собирались делать? Я вот думаю: кто начал стрелять первым? Что, если все не так, как кажется? Что, если они искали способ поговорить с нами? Но стоило им встретить человека, как тот поднял оружие.

— Или все ровно наоборот, и эти хитрые твари собирались с силами и строили план идеальной атаки.

— Может, они есть хотят, может, у них там своя экологическая катастрофа или болезнь. Никто же ничего не знает. Может, они стали бы работать с нами за плату. Только представь, сколько они могли бы сделать, если бы направили свою энергию в мирное русло! Им не нужен очищенный воздух. Они не только идеальные солдаты — они жители этого мира, способные быть в нем постоянно, без скафандров и другой защиты, без развернутых баз. Они могут работать, а не убивать. Они могли бы всю пустошь возделывать отсюда и до Акиджайса.

— Но до этого ты справедливо заметил, что они вшивают оружие в самих себя. Это не мирный народ. И он уже никогда не будет мирным. Они погибли для мира, процесс необратим. Они такие, какие есть, и их не изменить. Ну да, действительно, ты был прав на все сто: зачем наша рука заканчивается пальцами, которыми можно сделать так много разных вещей, а не дулом оружия, с помощью которого можно сделать только одну вещь? Джилайси Аргнира носил оружие, а не приделывал его к себе. Он мог снять свой боевой экзоскелет, бросить свой энергетический меч и стать кем-то новым.

— И он стал. А с омаром это так просто не получится. Но ведь никто не пробовал сделать с ними вообще хоть что-то. Их только убивают.

— Я знаю. Но ты видишь, есть много причин, почему это так. Больше нету, — показывая брату пустой пакетик, сказал Хинта. — Остальные лежат дома. Они будут твои, но не сейчас, а ближе к вечеру.

— Атно... — огорченно согласился Ашайта. Но печаль его не была долгой. — Иджи, ка, найтжитика-тика?

— Конечно, — разрешил Хинта, и младший радостно затанцевал к ослику. Некоторое время они молчали. Было слышно, как шумит система вентиляции, как водный конденсат капля за каплей падает на дно сборника. Затем, вплетаясь в эти мерные звуки, в помещении раздался негромкий голос Иджи. Руки Ашайты танцевали в воздухе, и робоослик, подчиняясь их движениям, играл очередную странную, рвущуюся мелодию.

— Знаешь, мне кажется, я схожу с ума от того, чем вдруг стал мир вокруг меня, — сказал Тави. — Слишком много событий. А здесь хорошо. Спасибо, что пригласил с собой.

Хинта взглянул на друга и увидел, что тот сидит с закрытыми глазами. Его лицо с рассыпавшимися в стороны от носа конопушками в этот момент выглядело совсем детским — казалось, Тави ждет подарка, или чуда, как в праздник элла.

— Я тоже хочу, чтобы мы были вместе, — сказал Хинта.

Тави промолчал, но слегка улыбнулся. Они сидели так еще довольно долго, пропитываясь запахом плодов харута и чувством вернувшейся, спасенной дружбы. Потом Хинта начал делать свою работу, а Тави помогал. Они обрезали гибнущие ветви, собирали поспевающие плоды и слушали, как Ашайта играет с Иджи.

Когда они перешли во вторую теплицу, разговор описал полный круг и вернулся к ссоре Тави с матерью.

— И что ты будешь теперь делать? — спросил Хинта. — Попытаешься еще раз помириться с ней по-настоящему?

Тави покачал головой, вытер со лба пот. Вторая теплица была более заросшей и душной, чем первая — здесь культивировались сразу два вида растений. Линии опорных рамп сходились под вершиной купола в форме шестиконечной звезды, под ними висело множество мелких яйцевидных горшочков с прорезями, сквозь которые, заслоня свет, пушился хаос ярко-зеленых побегов кича. Внизу, на узких грядках, уложенных в форме огромного круглого лабиринта, бурыми кустиками росла сурпайя. На ее стебельках ребята выискивали черные полипы и прыскали на них из баллончиков голубоватой дрянью, смертельной для вредителей.

— Нет, я не буду восстанавливать с ней отношения. Не буду больше ни в чем убеждать. И ничего не буду от нее ждать. Потому что в этом нет смысла.

— Твоя мать всегда была для меня... — Хинта замялся, — ну, примером того, чего у меня нет. Мне казалось, она любит тебя так, как моя мать любить не умеет. Я даже завидовал тебе до сегодня. Даже сейчас ты называешь ее мамой, а не матерью. Это так резало мне слух, когда мы познакомились. Тебя из-за этого считали в школе малышом. Когда я узнал тебя ближе, я понял, что это здорово и что это не делает тебя хуже других. Но сегодня все наоборот, и мне режет слух, когда ты называешь ее мамой. Это так неправильно. Она испугалась вчера за тебя и за себя — но она не герой, как и я, да и почти все в Шарту. Поэтому она себя так повела. Ты, кажется,

хочешь примирить огромные войны, но ее не можешь извинить за одну пощечину. Почему так?

— Дело не в моем желании. Это напрасный труд. Я весь последний год звал ее назад в наш с ней мир. И чем больше я звал, тем страшнее мы отдалялись.

— Я понимаю. Просто почему-то я очень хочу, чтобы у тебя все было как раньше.

— Мать не может быть с мальчиком вечно. Отношения с ней прекрасны и необходимы, но на ее место должен однажды вступить кто-то другой, кто-то, кто поведет дальше: отец или старший наставник, друг. — Это снова прозвучало очень взросло, непохоже на вчерашнего Тави. — Я слышал, так воспитывали в Джидане. Там, как и везде, были неполные семьи, но мальчики, если их не воспитывал отец, в двенадцать лет уходили в специальные отряды, где должны были встретить своего старшего.

— Откуда слышал?

— Не знаю, — вдруг потерял уверенность Тави. — Может, и не слышал, а где-то читал. Просто я половину ночи сидел на постели, засыпанной обломками того, что мы создали вместе с ней. И мне приходили мысли. — Он снова вытер пот со лба. — Мое время с ней кончилось, Хинта, в этом все дело. Я люблю ее — или, скорее, люблю то, какими мы с ней были когда-то. Она, кстати, тоже это любит. Просто по-своему. Но так получается, что мы больше не можем вернуться в ту точку, где наши любви сходились. Это закончилось, потому что я вырос. Она требовала от меня, чтобы я стал взрослым, и упустила то, как это произошло. Я уже взрослый. Но не такой взрослый, как она, а такой, который будет ходить в ламрайм всю свою жизнь.

— Но ты же говорил, что она услышала тебя в конце.

— Да. Или это был еще один ее трюк, чтобы приманить меня к себе. Я теперь понимаю, что половина ее лицемерия всегда была направлена именно на то, чтобы сохранить между нами мир. Но от этого мир становится ненастоящим. И вот вчера он лопнул как мыльный пузырь. Если я послушаю ее, то мы окажемся в западне благонамеренного надувательства

— в пародии на то, чем мы по-настоящему обладали, пока я был совсем маленьким. Это будет плохая жизнь, и я не согласен ее вести. Я не хочу изображать счастливую семью, когда это уже не так.

— А как получилось, что до ее пощечины ты не знал, за кого она собирается голосовать на гумпрайме? То есть, я понимаю, что ты сидел не вместе с ней, но вы наверняка чуть-чуть общались хотя бы в перерыв.

— Нет, все было не совсем так. Мы начали спорить за-долго до моего выхода на трибуну. Сначала я не собирался делать этого сам. Я просил ее выступить и от своего имени пересказать им мои мысли. Я знаю, ее послушал бы даже Джифой. Я очень на нее надеялся, но в этот момент вдруг окончательно выяснилось, насколько она меня не понимает. Тогда я сказал, что сделаю это сам. И вот тут мы по-настоящему поругались. Она хотела меня увести. А я возразил ей, что являюсь членом общины и что перед гумпраймом наши с ней права почти равны.

— Никогда не видел, чтобы выступали дети. Даже не слышал о таком. Хотя, наверное, дети выходят на трибуну, если оказываются свидетелями в суде — но это происходит раз в десять лет.

— И мама твердила о том же. Однако дети голосуют. И нет ни одного закона, который бы запрещал детям делать что-либо в гумпрайме. А раз закона нет, то ты, я и даже твой брат — полноправные члены общины. — Тави оглянулся на Ашайту, ходившего-танцевавшего по другой стороне теплицы. Тот тянулся руками к сферическим доньшкам горшков, но не касался их, а будто тек мимо ладонями.

— Отец говорил, — вспомнил Хинта, — что еще до моего рождения кто-то из семьи Джифоев пытался переписать законы Шарту. Там, среди прочего, было предложение ввести минимальный возраст голосования. Но против этого восстали крайняки: у многих из них многодетные семьи, и голоса их детей — часть их политической силы.

Тави кивнул.

— Тогда мама сказала, что голосовать я могу, как мне

вздумается, но из административной ложи выходить не должен. Я ничего ей не обещал. Просто дождался подходящего момента и сделал все по-своему.

— Страшно было решиться?

— Сначала — почти нет. Сначала я думал только о том, как сильно мы разошлись с мамой. И о том, что кто-то должен сказать эти слова. И что никто не скажет их кроме меня.

— А потом? Когда ты стоял перед всем Шарту?

— Да, страшно. Знаешь, любой встречный может тебя оттолкнуть и не принять. Но перед всем залом приходит мысль, что тебя сейчас оттолкнут сразу две тысячи. — Тави потряс свой баллончик, потом перестал опрыскивать растения и нахмурился, как человек, пытающийся вспомнить подробности дурного сна. — Я понимал, что я слишком маленький, что меня никто не примет всерьез и что я собираюсь сказать вещи, к которым почти никто здесь не готов. И это было тяжело, даже тяжелее, чем влезть в драку со старшими подростками. Ты заставляешь себя шагать вперед, а каждая клеточка твоего тела хочет убежать назад. — Он протянул Хинте свой баллончик. — Кстати, у меня кончился аэрозоль.

Хинта отдал ему свой распылитель, а сам пошел за новым — круглый шкаф-чулан с полками снаружи и бочкой внутри был устроен в самом центре теплицы, где сходились все дорожки лабиринта грядок.

— Тогда почему ты пошел? — вернувшись, спросил он.

В ответ Тави едва заметно пожал плечами.

— Я просто подумал о том, что на моем месте стал бы делать Джилайси. Если тот без оружия выходил против целых армий с криком «остановитесь», то неужели обычный человек вроде меня не может выйти против жителей одного мирного поселка? Мне показалось, что это пропорциональное сравнение: я настолько же меньше героя, насколько Шарту меньше ледовых дивизионов Притака.

— Ты не обычный.

— Почему?

— Обычный бы не вышел. На эту трибуну не выходят как ты. Она вроде бы для всех, но те, кто на нее поднимается

без приглашения, как правило, уже наделены властью — богаты, или выбраны на голосовании, или владеют специальной областью знаний, в которой все, кроме них, профаны.

— Я, в конце концов, и не вышел. Только подставился под мамину пощечину на глазах у всех.

— Нет, ты вышел. Просто шериф тебя развернул. — Тут Хинта вспомнил, как хотел отметить роль Шедры Киртасы во вчерашних событиях. — Кстати, что ты про него думаешь?

— Про кого?

— Про шерифа.

— Не знаю.

Хинта на мгновение озадаченно застыл.

— А мне показалось, что он говорил лучше всех. И не только это. Он как будто занимает среднюю позицию между тобой и такими, как Джифой. Я слушал его и думал, что он пример той золотой середины, на которой мы с тобой можем встретиться и остановиться. Я думал, что хочу быть на него похожим.

— Разве? В его плане была только война. Как будто ома-ры — стихия, а не живые существа. Да, шериф на самом деле презирает Джифоя, он даже говорил другим — не с трибуны, а тихо — что Листа губит дело и что его не надо больше пускать в бой.

— Да?

— Да. В административной ложе слышно много такого, что не звучит для всех. Но в остальном Киртаса похож на большинство людей в Шарту.

— Но он точный и спокойный. Он почти как герой — маленький герой для нас: знает, как надо воевать, спасает остальных, командует в бою. А как он смотрел на людей! Под его взглядом они переставали суетиться и кричать. Он совсем не похож на остальных.

— Ты путаешь «что» и «как». Киртаса знает свое дело. Это всегда здорово, когда человек в чем-то разбирается. Он действительно был вчера самым серьезным из всех ораторов, привел больше всего фактов и лучше всего объяснил свой взгляд. Но он стоит на тех же позициях, что и весь остальной

Шарту.

— Нет, — запротестовал Хинта, — не только это. Ты помнишь, чтобы он хоть раз обругал омаров?

Тави серьезно задумался.

— Не помню. И я ему за это благодарен. Но это не значит, что он ближе ко мне. Просто он профессионал в тех вопросах, в которых остальные — оголтелая толпа. Он знает про омаров больше, чем все мы. И, разумеется, так и должно быть: он — шериф окраинного поселка, и половина его работы — омары. Конечно, он не будет поносить их, как жаждущие мести простые мужики. Но он будет убивать их — по причинам и без причин.

Хинта покачал головой.

— Может, тебе стоило поговорить с ним до своего выступления? Или даже сейчас. Если кто и сумеет поймать омара, то он.

— Я фактически сделал это на трибуне. Если кто и слышал все, что я сказал, то это шериф.

— И что он сказал?

К щекам Тави прилил румянец.

— Иди к маме, мальчик. Это была его главная фраза, которую он повторил мне трижды. Иди к маме, мальчик. Ни у кого нет времени тебя слушать. Ты не будешь здесь выступать.

— И все? — разочаровался Хинта.

— Еще он сказал, что я бы не нес эту чушь, если бы видел хоть одного живого омара. И что зал — как бомба, а я — дурачок, пытающийся поджечь фитиль.

— Он тоже говорил про гнев толпы?

— Не знаю. Это ты и моя мама говорили про гнев толпы. А шериф как будто испугался чего-то большего. Как будто у них с председателем уже был план, а я мог его сломать. Как будто была какая-то еще опасность — опасность в людях, стоявших в пяти метрах от нас — которой они боялись больше, чем омаров... Это еще одна причина, по которой я со вчера не в себе, но до сих пор у меня не было времени об этом думать. Хинта, скажи, а в Шарту может начаться что-то вроде граж-

данской войны?

Хинта нахмурился.

— Мы не литская ойкумена. Невозможна война в таком маленьком месте, как один поселок. У нас буквально один воздух на всех. Если начать делить ресурсы с оружием в руках, все просто погибнут.

— Да, я понимаю. Но мне показалось, что они боятся вовсе не за меня. Им плевать было — ну, засмеяли бы меня люди. В самом крайнем и невероятном случае мама лишилась бы работы, и мы превратились бы в изгоев, перед которыми закрыты все двери. По крайней мере, она меня этим пугала — хотя и не представляю, кем бы Джифой мог ее заменить. Но там, на трибуне, было что-то другое. Как будто в поселке уже сформировалась некая третья сила. Хотя нет, «третья сила» это слишком конкретная гипотеза. А там не было ничего конкретного, лишь какое-то напряжение, какое-то настроение. И я не понимаю, что это, но оно меня тревожит.

— Может, вопреки твоим ожиданиям, они все-таки приняли тебя всерьез. Тогда они могли испугаться, что ты склонишь лишних сто человек в пользу «Джиликон Сомос».

— Да, наверное. Наверное, если все будет хорошо, мы никогда не узнаем, чего или кого нам следовало бояться.

— И я бы хотел не узнать. — Хинта перешел к следующей грядке, сходу наткнулся там на два черных полипа и начал тщательно заливать их ядом.

Так они работали и беседовали почти до самого вечера. На остаток месяца это стало традицией: Хинта, заменяя отца, трудился в теплицах, Тави составлял ему компанию. Они много разговаривали и спорили, но, в конечном счете, наслаждались свободой и тем, что могут побыть вдали от взрослых. Ашайта совершенствовал технику игры с Иджи. Поселок пребывал на осадном положении, но омары больше не нападали. Каникулы неуклонно подходили к своему концу. И только раз за все это время выдался день, который отличался от остальных — это был день погребальных обрядов, когда Шарту предал своих мертвецов льду и пламени.

Хинта и Тави заранее договорились, что перед погребальной церемонией зайдут к Дване. Но когда Хинта уже вышел из дома, Тави позвонил ему и сообщил, что опоздает.

— На меня обрушилось срочное дело, и я должен кое-куда зайти. Прости. Обещаю, это не займет и получаса.

Хинте осталось лишь обиженно согласиться. Они решили, что встретятся прямо перед домом Дваны. И вот, десять минут спустя, Хинта стоял там один, нервничая и досадуя на Тави.

День выдался пасмурный, небо клубилось серо-фиолетовыми тучами; мир погрузился в предгрозовые сумерки, но дождь еще не начался. Налетающий с востока ветер-буревестник гнал поземку красной пыли. На всей улице не было ни одного прохожего, лишь бойцы патруля сгорбленными тенями бродили у дальнего перекрестка.

На площадке перед домом были установлены саркофаги — мужской и женский — сглаженно повторявшие форму человеческих тел. Их изголовья были приподняты над землей, раздвижную крышку каждого украшал барельеф с изображением лица и фигуры, так что создавалось впечатление, будто недвижные тела полулежат, вкушая прелесть последнего отдыха, и грезят в ожидании вечности.

Литская ойкумена воспринимала себя как наследницу великой Лимпы, поэтому традиции всех официальных церемоний были связаны с лимпским мифологическим канонem. Ритуальных дел мастер обычно вырезал на саркофагах фигуры узнаваемых героев, а их лицам отчасти придавал черты умерших. Так эти изображения становились своеобразным льстивым смещением посмертной маски и величественного лика. В изображении на женском саркофаге Хинта узнал сразу двоих: это была и мать Дваны Имара, и героиня Крея. Мужской саркофаг изображал отца Дваны Виджру и, в то же время, героя Брадрика.

По легенде, Бадрик и Крея были гражданами Лимпы

и участвовали в ранних конфликтах между ней и Притаком. Им, необученным и юным, поручили делать вылазки в лагерь врага. Во время одного из заданий они попали в плен и погибли. Собственно, смерть и считалась их главным подвигом. Когда их схватили, Брадрик знал о военных планах своего командира. К нему применяли ужасные пыточные машины, но он не выдал тайну. Тогда на его глазах палачи Притака начали истязать Крею. Брадрик не смог вынести этого зрелища и сделал вид, что рассказывает им правду. Его слова привели врагов в западню. А он и его подруга нашли способ так сцепиться путами, что удушили друг друга.

Хинта сам от себя скрывал, что обычно избегает этой легенды, так как в ней его любимый технократический Притак предстал в предельно отвратительном свете. Однако сейчас он был вынужден признать, что сюжет выбран отлично. Гибель четы Лакойф в плену у омаров, должно быть, куда больше походила на мученическую смерть Бадрика и Креи, чем на любой из более привычных героических финалов.

Земля под постаментом была заботливо укрыта черным покрывалом. Ветер припорошил его песком, и от этого казалось, что оно лежит здесь давным-давно. По углам черного квадрата были воткнуты высокие ритуальные шесты, на концах которых трепетали изорванные лоскуты багровой ткани. Хинта слышал про них, что они символизируют войну и опустошение.

Он уже несколько раз в своей жизни становился свидетелем и даже участником погребальных церемоний, но никогда еще не оказывался, как сейчас, наедине с алтарем чужой смерти. Его заполнило незнакомое тянущее чувство. Оно было сродни страху или напряженному ожиданию, вот только он не смог бы объяснить, чего ждет и чего боится. Он хотел отойти или даже вовсе уйти, но вместо этого будто оцепенел. Так он стоял, вжав голову в плечи, не в силах сдвинуться с места, и разглядывал саркофаги. Он знал, что внутри они пусты — ведь родителей Дваны так и не нашли. Но от этого понимания почему-то делалось только хуже. Эта ритуальная сцена краха, гибели и запустения хранила допол-

нительную пустоту у себя внутри и была обречена навсегда остаться незавершенной. Ветер пел и шуршал в динамиках его скафандра, хлопала привязанная к шестам рваная ткань.

— Память, — как бы стараясь отгородиться от того, что видит, прошептал Хинта. Он простоял на месте уже минут пять и, наверное, стоял бы так еще долго-долго, но его единение с духом смерти было нарушено — шлюз дома Дваны открылся, на крыльцо вышла женщина. Невысокая, толстая, она носила скафандр под свою комплекцию. Хинта догадался, что это тетя Дваны. Ее шлем был повязан черно-красной траурной лентой; вторую такую же она несла в руках. С некоторым испугом Хинта осознал, что она идет прямо к нему. Вот она обошла вокруг ритуальных шестов, и они уже стоят лицом к лицу. Хинта положил руку на кнопки передатчика, чтобы включить громкую связь, но женщина пальцами показала ему «четыре-три». Хинта понял, что это приглашение к радиосвязи, и набрал канал.

— Простите, пта, я, наверное, не должен здесь стоять.

— Нет, все нормально. Это так и сделано, чтобы люди подходили. — Она протянула ему ленту. — Повяжи на шлем.

— Спасибо. Мне очень жаль, что они умерли. Вы ведь тетя Дваны?

— Я Кифа, сестра Имары. Увидела тебя в окно и решила, что приехал родственник из Литтаплампа. Но теперь понимаю, что ошиблась. Он, наверное, так и не приедет. Мы, наверное, для него уже никто.

Хинта оглянулся на дом. Окна в знак траура были заклеены специальной черной пленкой, которая создавал ощущение, будто внутри клубится вечная ночь.

— Это только отсюда кажется, что стекла стали непрозрачными, — перехватила взгляд мальчика Кифа, — а изнутри хорошо видно улицу. Так кто же ты?

— Я знаю Двану по школе. Не близкий друг, но решил, что должен прийти. Простите, я очень невежливо себя веду. Это от растерянности. Вы представились, а я — нет. Меня зовут Хинта Фойта. Рад знакомству.

— Если ты пришел к Дване, то заходи в дом.

Хинта мял в руках черную ленту.

— Я жду друга. Мы общались с Дваной вместе. Так что лучше мы зайдем вместе.

— Как скажешь. Но лучше вам поспешить. Людей приходит все больше. В доме уже много гостей. Через час там будет не протолкнуться.

— А как себя чувствует Двана?

— Как может себя чувствовать мальчик, родителей которого утащили омары? Обязательно повяжи ленту.

Она ушла назад в дом. Хинта долго возился с лентой, потом вновь застыл, глядя на саркофаги. Они были сформованы из специального черно-золотистого термодинамического металла. Черты героя и героини казались резкими, рубленными, невидящие глаза глядели в небо.

Плененный этой мрачной красотой, Хинта не заметил, как Тави подошел к нему, и вздрогнул, когда друг тронул его за плечо. В других обстоятельствах это было бы забавно, но сейчас ни один из них не улыбнулся. Хинта окинул Тави взглядом и увидел, что тот сжимает в одной руке какой-то металлический предмет. Свободной рукой Тави указал на свой радиопередатчик; мальчики включили связь.

— Пока тебя не было, тетя Дваны выходила из дома, дала мне черную ленту и сказала, чтобы мы поторопились, иначе не успеем с ним поговорить, — сказал Хинта. — Пойдем.

— Подожди. Я не просто так опоздал. Смотри.

Тави поднял блестящую вещицу на раскрытой ладони. Это оказалась стальная коробочка с крошечным кодовым замком на защелке. По желанию владельца она могла бы стать почти неприступным микро-сейфом, однако сейчас была просто захлопнута, и открылась, как только Тави сдвинул ее по бокам.

Внутри оказался небольшой золотой прибор. Его корпус был выполнен в форме диска с резными краями. В специальных выемках чернели непонятные узорчатые надписи. Между ними уместились три маленьких линзы, под каждой из которых медленно крутилась разноцветная стрелка. Это

устройство было до того красивым, что от одного его вида у Хинты перехватило дыхание. Тави позволил ему смотреть лишь мгновение, потом настороженно окинул взглядом улицу и закрыл футляр-сейф.

— Вечный Компас? — выдохнул Хинта.

До сих пор он видел такие штуки только в ламах и на голографических страницах учебников истории. Подобные компасы получили название «вечных», потому что умели рассчитать север вне зависимости от того, как менялось магнитное поле Земли. Их изобрели в первое десятилетие после катастрофы, когда все прежние навигационные приборы вышли из строя. Хотя снаружи компас выглядел примитивным, внутри у него должен был помещаться искусственный интеллект и батарея огромной мощности.

— Где ты его взял? И почему раньше не сказал?

— Я час назад еще не знал, что он у меня будет. Из-за этого и опоздал. Его захотел отдать один богатый человек из администрации поселка. Но сейчас это не важно. Это будет наш с тобой дар для Дваны.

— Пусть даже это роскошная вещь, разве уместно дарить в такой день?

— Уместно, если это вторая реплика компаса Тайрика Ладиджи. Это не просто дорогая игрушка, а символ надежды.

Хинта всем телом подался вперед, и они с Тави уперлись шлем в шлем.

— Не может быть, что он настоящий.

Тайрик был героем Джидана. Его знали за многие подвиги. По легенде, он и его отряд однажды были вынуждены с боем отступить из укрытия во льды. Превосходящие силы Лимпы гнали их в холодную пустыню, пока не началась буря. Тогда преследователи испугались и повернули назад, а Тайрик и его израненные люди остались под ударом стихии среди белых скал и торосов. У них не было с собой ни транспорта, ни провизии. Через неделю джиданцы признали своих друзей погибшими. Однако через двадцать два дня Тайрик со своими бойцами вышел из льдов и обрушился на тыл армии Лимпы там, где этого никто не мог ожидать. После ко-

роткого победоносного боя он и его воины отняли у врагов транспорт и вернулись на нем к своим.

Как они выжили, осталось загадкой. На все вопросы Тайрик отвечал, что его вел компас. С тех пор этот компас стал символом надежды для всех джиданцев. С него было сделано три тысячи первых реплик, и генералы Джидана на протяжении следующих двадцати лет войны выдавали их в качестве талисманов семьям пропавших без вести бойцов. Если Тави говорил правду, то у него в руке лежала вторая реплика — копия, сделанная с одной из первых реплик. Самых первых реплик фактически не осталось — почти все они были утрачены, когда пал Джидан. Остальные копии знаменитого компаса стали трофеями Лимпы и Притака. Но со временем исчезли и Лимпа, и Притак. На протяжении шести веков реплики ломались и терялись. В литской ойкумене их сохранилось всего несколько, и тогда с них начали делать вторые реплики. Вторых реплик было, конечно, больше, чем первых, но все равно эти вещицы оставались редкостью. Даже для съемок ламов, насколько знал Хинта, использовалась не настоящая копия компаса, а графическая подделка.

— Я не придумываю, — сказал Тави. Хинта посмотрел ему в глаза и увидел там правду. К тому же он знал, что Тави не стал бы шутить на такую тему.

— Покажи тыльную сторону. Если там спиральная надпись, как в ламе...

— ...о Риджи Птаха? Да, она там. — Тави снова нервно осмотрел улицу, раскрыл футляр и осторожно перевернул компас. Хинта увидел то, с чем не могло смириться его чувство здравого смысла — выгравированную на литом донце компаса спираль из слов на непонятном языке. Это послание — джиданские заклинания надежды — отсутствовало на компасе самого Тайрика, но было почти на всех первых репликах, а с них перешло на вторые.

— Как кто-то мог такое отдать? — спросил Хинта. Лам о Риджи Птаха они смотрели вдвоем с Дваной. Реплика была показана там в побочном сюжете. Ее вручили семье пропавшего героя. Через месяц тот так и не вернулся из льдов, и

было решено провести символическое погребение. Девочка, дочь героя, оставила компас среди других подарков, которые живые должны сделать мертвому. А на следующий день ее отец, как по волшебству, вернулся домой.

— Тетя Дваны ведь сказала, что мы опаздываем, — напомнил Тави. Они пошли к дому, но Хинта все еще не мог успокоиться

— И все-таки, как можно отдать то, что способно вернуть твоих близких, если те пропадут!?

— Люди отдают такие вещи по разным причинам. Иногда потому, что им самим уже некого ждать, а чужая боль им небезразлична. А иногда потому, что они считают такие вещи суеверием.

— А ты уверен, что это не подделка? Потому что я не знаю, как настоящая вторая реплика может попасть в руки мальчишки из Шарту!

— Я бы не хотел обманывать Двану даже случайно. Но нет, конечно, я не могу проверить это сам. Я просто верю человеку, который мне ее дал.

— Почему ты не можешь сказать, кто это?

Они уже были на первой ступеньке крыльца, и тут Тави с неожиданной силой схватил Хинту за локоть.

— Хорошо помнишь лам о Риджи Птаха?

Они опять оказались лицом к лицу.

— Вроде.

— Тогда ты помнишь, что этот талисман лучше работает, если остается тайной дарителя и того, кто дарит. Он не любит, когда про него говорят. Мы с тобой дарим — и имеем право знать. Двана тоже имеет право знать. Все остальные — нет. Даже его тетя не должна знать. И ты не можешь выпрашивать у меня имя того, кто дал эту вещь мне. Кроме того, это ужасно дорогой антиквариат, и в Шарту найдется сотня людей, которые пожертвуют своей совестью ради такой наживы. Просто представь, Хинта, что мы можем сделать что-то ради возвращения двух людей или, может быть, вообще всех похищенных! Разве ты не сохранишь ради этого тайну?

— А тот человек, который тебе это дал? Он ведь знает

про Двану?

— Нет. Он знает лишь, что я пойду на погребальную церемонию в семью, где два человека пропали без вести. Ему безразлично горе Шарту. А о Дване он знает не больше, чем все остальные. Поверь мне, Хинта, сейчас не имеет значения, кто этот благодетель. Он уже сделал свой выбор, и его участие в этой истории закончилось.

Хинту разрывало от любопытства, но он понял, что бесполезно задавать новые вопросы, и лишь вздохнул.

— Ладно, я не буду больше спрашивать. И от меня никто ничего не узнает. Клянусь здоровьем брата.

Тави отпустил его руку. Они поднялись на крыльцо и попросили Кифу открыть им шлюз. Уже там, стоя с Тави плечом к плечу, Хинта окончательно осознал, насколько невозможную вещь пытается сделать его друг. Если бы реплика досталась ему, Хинте, он бы не смог ее отдать никому. Она была бы предметом его тайной гордости, талисманом, темой осторожных игр и детских научных экспериментов. И потом, если бы он однажды решился ее продать, она стала бы его билетом в жизнь — ведь настоящая вторая реплика могла стоить столько же, сколько весь фрат, произведенный в Шарту за пару лет. Но Тави имел силу воли, чтобы нести эту вещь для другого. И это притом, что он несколько раз за последние дни с отвращением вспоминал о вспышке гнева, с которой Двана бросился на омара. Хинте даже казалось, что он не захочет больше видеть одноклассника. Но потом именно Тави настоял, чтобы они сюда пошли. И вот теперь Тави принес компас. На Хинту накатил прилив благодарности за то, что Тави сделал его участником этого благородного жеста.

— Да, ты прав, это чуть ли не единственный предмет, который уместно дарить по такому случаю. Спасибо большое, что позволил мне увидеть его, что сделал меня вторым дарителем.

Тави оглянулся на него и на мгновение сжал его руку.

— Жаль, не было времени завернуть.

Потом внутренние двери шлюза открылись, они оказались среди других людей, и разговор о компасе пришлось

прекратить.

В доме Дваны действительно было немало гостей. Почти во всех помещениях царили глубокие сумерки, лишь на кухне горел яркий свет. Его ромбовидный луч проникал в прихожую и отражался от блестящего пола; на лицах собравшихся бледнели блики-осколки. Люди стояли небольшими группками, переговаривались шепотом. Приглушенный гул их голосов напоминал тот звук, которым шумит зал за мгновение до начала премьеры в ламрайме. Но здесь не было праздника, и никто не собирался смотреть лам, а перешептывание двух десятков голосов все длилось и длилось.

Тави и Хинта тихо, стеснительно прошли вперед, между знакомых и незнакомых лиц. Многие из гостей так и не сняли скафандры — в раздевалке кончилось место. Взрослые, которых было в разы больше, чем детей, пили что-то из маленьких крученых рожков-бокалов. Какая-то женщина беззвучно плакала и не пыталась вытирать лицо — слезы на ее щеках блестели мокрыми дорожками.

Хинта уже бывал у Дваны и привык, что здесь просторно. Но теперь комнаты большого дома показались ему тесными и душными. В знак траура почти вся мебель была задрапирована черной тканью; ковры, пушистые сидушки, прочие приметы бытового уюта исчезли. Улица, как и сказала Кифа, виднелась сквозь заклеенные окна, однако мир за черным стеклом выглядел ненастоящим и плоским, будто изображение на тусклом экране.

— Как будто мы сами уже не на этом свете, — чуть слышно прокомментировал Тави. И Хинта вдруг с удивлением понял, что все еще помнит очень красивые слова, которые слышал на первой погребальной церемонии, куда его привели еще ребенком.

— Половину чувств своих ты отдашь, — тихо процитировал он, — половину лиц ты забудешь, и вполовину ослабишь дыхание свое, когда войдешь в вечную ночь смерти.

Тави оглянулся на друга.

— Послевоенный нерифмованный стих?

Хинта пожал плечами.

— Это читали на похоронах женщины, которая попала в аварию вместе с моей матерью.

Они прошли примерно половину коридора, когда их встретила Кифа.

— Мальчики, — показала она, — он там.

— Я Вам очень соболезную, — сказал Тави. Женщина признательно кивнула, но ничего не ответила, и друзья пошли дальше.

Двана был в своей комнате. Одетый в официальный костюм, он сидел на краю закрытой черными чехлами постели и безучастно смотрел в тусклое окно. Его руки безвольно свисали между колен, а сам он выглядел таким изможденным, будто в одиночку прошел пустоши до Акиджайса и обратно. Когда Тави и Хинта остановились на пороге комнаты, он не повернул к ним головы и вообще никак не отреагировал на их присутствие. Несколько долгих мгновений они созерцали его осунувшийся, обострившийся профиль. Потом Тави набрался решимости, подошел и тихо сел рядом с сиротой.

— Мы пришли тебя поддержать.

Двана медленно обернулся.

— Ну да, — каким-то странным, запавшим внутрь себя голосом, ответил он. — Привет.

— Привет, — сказал Хинта. Он остановился напротив, не решаясь сесть. Двана молчал и скоро снова отвернулся к окну.

— Помнишь лам о Риджи Птаха? — спросил Тави. — Мы смотрели его вместе.

В лице Дваны что-то болезненно шевельнулось, он пожал плечами.

— Помню. Но не понимаю, к чему это. Мою семью убили. Не думаю, что меня можно от этого отвлечь. Другие до вас уже пытались.

— Ты не знаешь, убили их или нет. Их не нашли.

Двана закрыл глаза. Его лицо в полутьме казалось маленьким, бледным, некрасивым. Хинта помнил его совер-

шенно другим: пухлощеким, бойким, с горящими глазами и вьющимися волосами редкого медно-каштанового цвета.

— А еще никто не нашел человека, упавшего в реку лавы во время землетрясения. И что же теперь, будем считать его пропавшим, а не мертвым?

— Люди выживали в условиях более жутких, чем пустоши. Во льдах, в воде, в космосе, на полях сражений, где все горело. И мы здесь только потому, что люди пережили все это. — Тави протянул Дване коробочку с компасом. — Это тебе. Посмотри.

Двана взглянул на стальной футляр, потом взял в руки. Его движения были неловкими, заторможенными, и у Хинты вдруг сердце ушло в пятки от мысли, что Двана в его состоянии может уронить компас или сделать с ним что-то еще.

— Никто не выживает в плену у омаров, — сказал Двана, держа бокс с компасом на ладони.

— Да, — согласился Тави, — никто раньше не выживал в плену у омаров. Но все когда-нибудь случается в первый раз.

Двана посмотрел на него долгим, странным, темным взглядом.

— Они мертвы, — сказал он, а потом без перехода спросил, — как это открыть?

Тави настороженно глянул на дверь, но там никого не было.

— По бокам.

Двана нажал, и маленький футляр-сейф беззвучно распахнулся. Компас был таким ярким, что будто засветился в темноте. На мгновение он стал единственной заметной вещью в этой комнате, полной тоски и черных драпировок.

— Вечный?

— Да.

Губы сироты тронула полуулыбка неприятной, скорбно-равнодушной иронии.

— Если бы мне это подарили две недели назад, я был бы самым счастливым ребенком в Шарту. Сейчас — не поможет.

— Это компас Тайрика Ладиджи, — сказал Хинта, когда Двана уже хотел небрежно захлопнуть футляр. — Вторая ре-

плика.

Двана какое-то время неподвижным взглядом смотрел на подарок, затем у него сбилось дыхание, а потом его начало трясти. Это началось с головы, перешло на плечи — и выглядело жутко, словно внутри у него разом треснули все кости. Он запрокинул голову, обнажил зубы в сардоническом подобии улыбки, а потом сквозь этот оскал прорвались тихие, похожие на смех всхлипы. Рука его так дрожала, что Хинта понял — компас сейчас упадет. Он не мог позволить этому случиться и заключил ладонь Дваны в свои. Тот резко вырвался. Компас остался у Хинты.

— Все в порядке, — испуганно прошептал Тави, — все нормально. — Он попытался обнять Двану за плечи, но тот вывернулся и обеими руками толкнул-ударил Тави в грудь. — Все в порядке, — обезоружено отстраняясь, повторил Тави.

Двана сжался в комок. В его измученном лице вдруг проступила пугающая эмоция демонической злобы.

— Не трогай меня, — всхлипнул-процедил он. Тави и Хинта, пораженные такой реакцией, молча смотрели на него. Двана, в спазме новой судороги, не вынес их взглядов и совсем сжался, спрятав голову между руками и коленями.

— Зачем? Зачем вы это сделали? Зачем вы со мной так? Это не смешно.

— Компас настоящий, — сказал Тави.

Двана несколько мгновений просто задыхался.

— Какая разница, — наконец, произнес он, и его судорога превратилась в горькие слезы. — Они не вернутся! — громко зарыдал он. — Это же понятно, что они не вернутся! Они мертвы.

Он поднял мокрое лицо, встретился взглядом с Хинтой, а потом, неожиданным выпадом, протянул руки вперед и вырвал компас. Хинта испугался, что Двана захочет уничтожить прекрасную вещь. Но тот, наоборот, прижал компас к себе и скорчился, продолжая плакать.

— Они мертвы. Они мертвы. Это ложная надежда. Не нужно было так.

— Тогда не надейся, — сказал Тави. — Сделай все как

нужно, положи компас среди даров мертвым. Но не надейся, ни на что.

— И не показывай его никому, — добавил Хинта. — Это должно быть тайной.

— Я помню, что с ним делать, я помню... — Двана снова захлебнулся в слезах. В этот момент в комнату вошла Кифа.

— Что вы с ним сделали? — всполошилась она. — Что вы ему сказали?

— Ничего, — ответил Тави.

— Как же ничего?

— Они... они ничего не сказали, — всхлипнул Двана, — я просто вспомнил... вспомнил... родителей.

Ярость Кифы мгновенно пропала, она бросилась на колени перед мальчиком, а он уткнулся лицом ей в плечо. Но Хинта видел, что одной рукой Двана тайно прижимает футляр с компасом к животу. Его истерика постепенно переходила в оцепенение. Хинта и Тави попрощались, высказали свои последние соболезнования и ушли.

На улице, когда они подходили к перекрестку, мимо них проехал кортеж из трех небольших пассажирских машин. Это были внедорожники-полуджипы, способные и ездить на колесах, и ходить на ногах. В черте поселка они держали свои суставчатые конечности сложенными и прижатыми к корпусу.

— Куда это они? — удивился Хинта. — Здесь неудобно выезжать из Шарту.

— Это Джифой. Я знаю его машины. Думаю, они туда, откуда мы.

— Даже не верится. — Мальчики замедлили шаг и оглянулись назад, чтобы увидеть, как полуджипы тормозят около дома Дваны.

— Ничего особенного. Они были его работниками. Хотя есть что-то неприятное в том, что, будь они живы, он бы никогда не посетил их дом. Мне кажется, он бы не пришел даже в том случае, если бы они умерли как-то иначе.

Дальше они шагали молча, не в силах обсуждать то, что сделали для Дваны. Погода окончательно испортилась, на-

чался дождь. Ветер бросал мелкие капли в стекла шлемов, среди темно-фиолетовых туч яростно-белыми разломами вспыхивали первые зарницы.

— Пойдешь на большую церемонию? — спросил Хинта, когда они добрались до площади, откуда надо было расходиться по домам.

Тави запрокинул голову, посмотрел на небо.

— Да. Я хочу жить с открытыми глазами, хочу видеть все, что происходит в Шарту. Не только хорошее, но и боль, и ненависть, и бурю; все, что в людях, и между людьми, и вокруг.

Хинта кивнул.

— Тогда после обеда увидимся снова. Церемония начнется на платформе. Там будет толкучка. Подходи к домику Фирхайфа.

— Договорились.

И они расстались на два часа.

Хинта пришел на церемонию вместе с отцом — Лика решила, что для нее это будет физически тяжело, и осталась дома присматривать за Ашайтой. Когда Хинта и Атипа поднялись на перрон тихоходного, тот был заполнен скорбящими. Стихия продолжала бушевать, но это не отпугнуло селян, желающих проводить мертвых в последний путь. Люди сбились в плотные группы, поворачивались спиной к ветру, держались за поручни. Погрузочный терминал отмыли от фрата, а что не смогли оттереть рабочие, домывал проливной дождь. Тихоходный, непривычно чистый, темной лентой тянулся вдоль погрузочной полосы. Часть его ячеек изменила цвет с синего на черный; в них были установлены саркофаги погибших и пропавших без вести. Над перекрашенными бортами хлопали мокрой тканью ритуальные флаги.

Атипа почти сразу встретил каких-то знакомых и остановился поговорить. Хинта пошел вдоль всей платформы к домику Фирхайфа. По пути он считал саркофаги: девять пропавших, пять убитых омарами, еще двое умерших в госпита-

ле Шарту от ран — итого шестнадцать. Лица полугероев-полулюдей под бурным небом. Мать и отец Дваны лежали последними. Сам Двана, в черном полускафандре с голубыми и золотистыми вставками, стоял у края перрона и смотрел на отлитые из металла лики родителей. Через плечо у него был перекинут небольшой вещевой мешок, и по напряженно-бережливой позе Дваны Хинта вдруг ясно понял, что компас там. Он думал подойти, но вокруг Дваны плотным кольцом стояли другие люди, включая Кифу, и Хинта решил, что будет лишним в этом кругу. Он прошел мимо, и уже через минуту обнаружил Тави: тот ждал у головного вагона рядом с Фирхайфом. Машинист угрюмо подбоченился, повернувшись в полкорпуса к ветру; его грузная фигура казалась несокрушимой, как скала, вокруг прозрачного шлема проф-скафандра непрерывной вертушкой мельтешили механические дворники, так что дождь не успевал заливать стекло. Он разговаривал с Тави на громкой связи.

— Я почти всех их помню. И все, кроме одного фермера, были моложе меня. А семерых я знал ребятками. Вот уж не думал, что повезу их сам из мира живых в мир мертвых... Привет, Хинхан. Как ты?

— И Вам привет, Фирхайф. — Хинта неловко тронул старика за плечо, и тот в сердцах притянул мальчика к себе. — Не так плохо. А Вы?

Фирхайф прищурился и отвернулся.

— Буря.

— Тяжело будет ехать? — спросил Тави.

— Поезду и мне — нет, а вот пассажирам придется стоять на грузовых платформах. Сильно потреплет ветром. Но тут уж ничего не поделаешь — народу много, а сидячих мест всего сорок шесть. — Он обратил неожиданно ставшее измученным и по-детски печальным лицо к небу. — Для мертвых это хорошо. Из-за молний весь Шарту полон теней и вспышек. Солнце скрылось, сумерки сгущаются средь бела дня. Вода пеленой застилает обзор. И это все означает, что двери в другой мир открыты очень широко.

— Религии прежних веков были такими разными, —

сказал Тави, — но все сходились на том, что мертвые любят особую темноту — темноту, полную огней, темноту, которая нужна затем, чтобы в ней что-то сияло. Молнии в грозу. Толща льда, сквозь которую пробиваются всполохи огня. Горящие площадки, плывущие по воде. В доме, где кто-то умирает, мы создаем искусственную ночь, но оставляем в одной комнате включенными все лампы.

— В Притаке делали то же самое, — вспомнил Хинта. — Они вообще не верили в жизнь души, но считали, что после смерти человека от него остается энергия, которую можно использовать для создания призрака. И он — этот призрак — выходил из света в темноту и там вселялся в тело особой машины, которую для него готовили жрецы.

— Да, может быть и такая темнота, с машиной внутри. С другой стороны, темнота, полная огней, вообще бывает очень разной. Звездная ночь — совсем не то же самое, что небо, закрытое черной грозовой тучей. В литской ойкумене осталась лишь принятая в Лимпе религия льда и огня. Гроза с ее водой и молниями отлично подходит этой религии. Но мне нравится думать, что, покидая тело, мы не остаемся здесь и не проваливаемся вниз, а уходим вверх по лучу.

— Так ты веришь в джиданский ветер мертвых? — уважительно спросил Фирхайф.

— Звездный ветер. Он не для мертвых, потому что он — само отрицание смерти. Он для всех живых существ. Приносящий нас сюда и уносящий нас отсюда, он обеспечивает странствие душ через миры. — Тави глубоко вздохнул. — И нет, я не верю в это по-настоящему. Ведь невозможно по-настоящему исповедовать религию, последнего прямого носителя которой расстреляли шесть веков назад. Просто мне нравится эта мертвая религия мертвого народа. По-моему, она лучше нашей.

Фирхайф не стал возражать.

— Все получают свое, — добродушно-печально обещал он, — вот увидишь. После бури будет звездная ночь.

Так они разговаривали еще около получаса. Хинта вставлял в разговор лишь отдельные реплики, но при этом

ощущал, что по-настоящему участвует в общении. Его сердце было кроваво разорвано и развернуто навстречу каждой истине, которую он слышал, и он снова ощущал благодарность: к Тави — за то, что тот своими словами делает смерть красивой, и за то, что они вместе подарили Дване компас; к Фирхайфу — за его стариковские слезы и за то, что тот поведет особый рейс тихоходного поезда.

Колумбарий был расположен за границами поселка — относительно прежнего Шарту он находился на западе, относительно нынешнего оказался на востоке, ровно на полпути между поселком и морем. Монорельс выписывал среди полей сложную петлю. Хинта и Тави были вынуждены расстаться с Фирхайфом. Все сидячие места заняли взрослые, и им пришлось искать себе место на одной из грузовых платформ. Они стояли, вцепившись руками в борт, удерживаясь под шквалом дождя. Поезд, сияя огнями, летел над темным болотом размокших фратовых полей. Когда поселок остался позади, монорельс начал делать плавный поворот, и Тави показал рукой на уплывающую вдаль светлую линию улиц.

— Какой маленький наш Шарту. Совсем крошечное место, а вокруг темнота.

Хинта протер ладонью экран шлема, тоже посмотрел на этот исчезающий вдали свет, и его вдруг поразила страшная в своей цельности мысль.

— Даже наши поля фрата для нас слишком велики, не говоря уже про пустоши. Не говоря уже про мир. Я не знаю, принадлежат ли души умерших звездному ветру, но думаю, что точно нет того отдельного ледового чертога, куда, как принято верить, уходят умершие.

— Почему?

— Потому что он не нужен. Теперь я это вижу. Мы возделываем отравленную землю. А она не прощает нам ни одной ошибки, калечит и убивает нас. Мы маленькие перед огромной хищной пустотой. Смерть всегда у нас на пороге. Все вокруг смерть. Все принадлежит смерти. Зачем отдель-

ный мир смерти и мертвых, когда наш мир и есть мир смерти и мертвых?

— Ты прав и не прав. Это игра слов. Мы живем в мире, где умрем, и в этом смысле мир смерти — здесь. А во всех религиях так называемый мир мертвых — это мир, заселенный мертвыми, мир вечной жизни, где уже никто не умрет. Ледовый чертог нужен, просто он называется неправильно.

Хинта задумался. Поезд летел вперед, и далекий свет становился все меньше. Ветер и дождь не могли проникнуть сквозь герметичный материал полускафандра, и все же было страшно в этой ревущей ночи уноситься в темноту и вдаль от дома.

— Тогда мир мертвых следовало бы называть миром живых, а мир живых — миром мертвых?

— По этой логике — да. Ну, или скорее, тот мир следует называть миром мертвых, а наш мир — миром смерти. Видишь, оба этих мира связаны со смертью, но по-разному. Наш мир — это мир смерти, но он точно не мир мертвых. Он вовсе не принадлежит мертвым. Они здесь ничто — просто разлагающиеся тела. Все, что с ними здесь происходит, все, что они будут означать — все это зависит от нас, живых. Это мы выбираем вести себя достойно или омерзительно. Мертвые не ропщут на нас. Они стерпят любое обращение, как стерпел плевки тот омар.

Поля неразличимой массой проносились вниз; лишь иногда их озарял белесый отсвет молнии. И было такое чувство, что поезд уже вырвался в жуткую даль, ушел далеко за пределы своего маршрута и просто летит во тьме — летит над самым океаном. А потом впереди и в стороне забрезжил новый источник света. Это был терминал колумбария.

— Я сейчас пытаюсь представить, каково быть одним из тех, кто уходит на юг и на запад, в охранные посты, — сказал Хинта. — Там ведь тоже дождь и тьма. А за ними могут быть омары.

— Страшно, — ответил Тави. Они замолчали, наблюдая, как растут огни. Несколько минут спустя тихходный подошел к терминалу. Толпа схлынула с поезда и по каменному

накату двинулась вниз с перрона. Мужчины подняли саркофаги на плечи — со стороны казалось, что те плывут по человеческому морю. Дождь продолжал лить. Горели софиты станции. Метались лучи ручных фонариков. Сверху долетал свет грозowych зарниц. Мокрые скафандры сотен людей блестя, как пестрая чешуя.

Последний, пеший путь было принято совершать в молчании, и мальчики не посмели нарушить это правило, хотя знали, что никто не услышит их радиоканал. Хинта не заговорил с Тави даже тогда, когда понял, что прямо впереди них идет Джифой вместе с матерью Тави и другими людьми из своей свиты.

Колумбарий был сооружен в просторной скальной каверне, вход в которую украшала галерея мощных нерукотворных арок из выветренного красного сланца. Они тянулись одна за другой, словно окаменевшие ребра огромного древнего животного, все разные — одни разрастались в темной вышине причудливыми соляными полипами, другие опускались над дорогой так низко, что высокий человек мог бы в прыжке тронуть их свод рукой, третьи обрушились во время прежних землетрясений, и об их форме можно было судить лишь по обломкам, сдвинутым на край дороги. Сама каверна представляла собой длинную широкую залу, наклонно уходящую в глубину. Полвека назад, в годы процветания прежнего Шарту, ее укрепили с помощью динамических гидро-распорных столбов. Со временем те срослись с соляными отложениями и стали выглядеть как причудливые деревья-сталагматы, увитые кривыми сосульками из ржавчины и белой слюды. Искусственный свет в пещере был почти не нужен — из земли выходил горючий газ, и в нескольких местах пол залы был покрыт сетью глубоких черных трещин, над которыми плясали язычки редкого, неугасающего пламени. Вокруг огней дрожал раскаленный воздух, но потоком сквозняка его мгновенно вытягивало наружу. Всего в десяти метрах от вечного огня начиналась зона аномального холода, где лежал ядовитый ледник. По преданию, этот лед таял и не мог растаять до конца с самой Столетней Зимы.

Вдоль стен колумбария, на металлических стеллажах, стояли сжатые саркофаги. Они были в три раза меньше своих изначальных размеров. Их устанавливали в четыре ряда, друг над другом, чтобы барельефы мертвых складывались в единый иконостас. Под каждым саркофагом была небольшая, закрытая от посторонних глаз ниша для даров. По центру зала шла лента шарнирного конвейера. Саркофаги от легкого толчка могли сами катиться по ней вниз и до самого конца зала. Под конвейером располагались зоны тепла и зоны холода. Местами сквозь механизм было видно танцующий огонь — языки пламени облизывали шарниры, но те не теряли своего ртутного блеска.

Вся толпа уместилась в первой половине зала, настолько большой та была. Началось медленное ритуальное движение: люди подходили к леднику, вставали на колени, клали руку на лед. Никто не торопился, давки не было.

— Что нужно делать? — спросил Тави, когда они с Хинтой оказались у края ледника.

— Скажи «льда, по которому ступали мои предки, касаюсь я».

Они прикоснулись к леднику и хором произнесли эти слова. Их ладони оставили в краю ледяной плиты истекающие паром отпечатки.

Пока скорбящие прикасались ко льду, мужчины, взявшие на себя функцию рабочих, установили саркофаги в ряд у начала конвейерной ленты. А у входа в пещеру на маленький каменный подиум поднялся специальный человек, которого называли «мортейра» — Забирающий. Поверх скафандра он носил ритуальный черный плащ, сколотый у ворота золотой брошью. В обязанности ему подобных входило почти все, что было связано с мертвыми: заказывать саркофаги, обмывать и укладывать тела, следить за состоянием колумбариев, кладбищ и дарохранилищ, вести погребальные церемонии.

— Память, память, память, — произнес мортейра. Динамики его скафандра были настроены так, что проходивший через них голос звучал низко и мягко, раскатываясь по пещере густым баюкающим эхом. Мортейра ждал, пока к нему не

повернутся все лица, а потом заговорил снова. По традиции, он должен был рассказать особую легенду-свидетельство — одну из тех, которые вспоминают только на подобных церемониях.

— Когда Мильпала, столица Лимпы, была охвачена огнем, когда рушились своды ее чертогов, а на улицах, некогда чистых, царили смерть и насилие — мальчик по имени Танрик успел надеть скафандр и бежать на поверхность в поисках спасения. Но там не было спасения — лишь ветер и снежная пыль. Два дня он пытался дойти до соседнего города, но когда в третий раз наткнулся на собственные следы, понял, что мучить себя бесполезно. Он лег и уснул, зная, что сон будет означать смерть.

Толпа слушала внимательно — мортейра выбрал редкий сюжет, который ни разу не слышали даже старики, побывавшие на десятках других погребальных церемоний.

— Он уснул. Его воздух кончался, холод пробирался в скафандр. Он потерял себя. А потом ему показалось, что он проснулся, проснулся бодрым и легким, и вдруг сразу понял, куда нужно идти. Он встал и пошел. Он шел несколько часов и оказался там, откуда вышел — у одного из надледных терминалов Мильпалы.

Забирающий сделал выразительную паузу, откинул в сторону плащ. Его лицо было скрыто маской, и присутствующим оставалось лишь следить за жестами его темной фигуры.

— И вот Танрик спустился в город. Там было тихо и чисто — он не увидел ни разрушений, ни мертвых тел. Ему показалось, что он все еще наблюдает отсвет пожарищ, однако тот был изменившимся, далеким, не способным обжечь. Этот неведомый свет проникал сквозь лед, и в городе царили огненные сумерки, каждое здание будто бы светилось изнутри. Всего несколько шагов сделал Танрик, и к нему вышли его родители. Они помолодели, стали счастливее, чем были раньше. Втроем они пошли по улицам, слушая тишину, внимая покою и созерцая счастье других.

— Кажется, я знаю, к чему он ведет, — шепнул Тави.

— Да, я тоже, — ответил Хинта. Но ни один из них не испытывал в этот момент разочарования, потому что такой и должна была быть эта легенда — ее суть заключалась не в интриге, а в надежде.

— Но чем дальше они шли, тем больше Танрик задумывался над тем, что видит. И вот он уже перестал верить, что это его город — слишком красивым, чистым и нетронутым тот был, слишком странно выглядели эти прекрасные сполохи огненного света, сверкающие сквозь толщу льда. «Почему стоят эти колонны?» — спрашивал Танрик отца. «Почему живы те люди?» — спрашивал он мать. Отец ответил ему, что колонны пали; а мать возразила, что люди мертвы. И тогда Танрик заплакал — но все же он хотел остаться в тех чертогах

Толпа шевельнулась: все получили то, чего ждали, и напряжение истории спало.

— Однако, ему суждено было очнуться во второй раз — уже не внутри смертного сна, а от смертного сна. Так случилось, что его обнаружил спасательный отряд, посланный за другими людьми. И это была судьба, ее знак, потому что иначе он бы не рассказал живым то, что увидел мертвым.

Забирающий снова откинул свой плащ и повел рукой, единым жестом указывая на все стоящие перед ним саркофаги.

— Они еще не знают, что мертвы. Их души здесь. Им кажется, что они спаслись и могут снова вернуться домой, исполнить составленные при жизни планы. И они правы. Потому что их смерть, столь страшная для нас, незаметна для них.

Хинта заморгал, ощутив, как ему на глаза наворачиваются невольные слезы — такой эффект на него оказывала эта утешительная речь.

— Но чертог, в который они войдут, не будет их прежним домом. То будет место, где нет боли, где заживают все раны, где любимые вещи и любимые люди встречаются в вечности запечатленного мгновения. Мальчик Танрик прожил еще тридцать лет. Он вырос в мужчину, героя, и погиб младшим командиром в одном из последних сражений Ве-

ликой войны. Умирая от ран, он был очень спокоен. Когда друзья спросили его, почему он так спокоен, он ответил им, что все прежние годы были для него лишь временем ожидания. Он ждал, когда снова проснется внутри сна, и вот сейчас он просыпается. Его сердце остановилось, а на устах была улыбка самого счастливого из людей.

Мортейра подобрал плащ, скрестил руки на груди и стал похож на спящего пещерного мутокрыла.

— Сейчас снова идет война. Она не такая большая, как прежние, но она — наша, и только нам в ней умирать. Мертвые призывают нас сражаться и мстить, но со спокойными сердцами. Живые, будем же полны веры в то, что надежда на другую жизнь есть даже тогда, когда нет надежды на эту жизнь. Заплачем же, как Танрик, узнавший, что находится в чертогах мертвых. Улыбнемся, как Танрик, узнавший, что возвращается в чертоги мертвых. Пусть слезы и улыбки будут на наших лицах, пусть печаль и радость будут в наших душах в эту минуту, когда мы предаем льду и пламени тела тех, чьи души уже постигли лед и пламя.

Он воздел руки вверх — его плащ взметнулся трепещущей черной полусферой — и это было знаком для рабочих: они толкнули первый саркофаг, и тот через весь зал поплыл по шарнирной ленте.

— Тиба Джишай! — выкрикнул мортейра имя умершего. Он жестом вызвал кого-то из толпы, и на каменный подиум взошел мужчина средних лет в неброском сером скафандре. Несколько долгих мгновений он смотрел вслед удаляющемуся саркофагу.

— Он был моим братом, и он сражался за Шарту. Омары ранили его, когда мы прижали их к берегу. Я... Нет, не то... Я просто хотел сказать, что когда он лежал в больнице... когда он умирал... я вспомнил, какое у нас было потрясающее детство...

Он согнулся, будто сам был застрелен; динамики скафандра теперь передавали лишь рыдания. Мортейра осторожно поддержал его и помог сойти вниз. На трибуну поднялась девушка.

— Он был моим отцом, — тихо сказала она. А саркофаг уплывал все дальше. Когда он прошел над газовыми огоньками, его специальный термодинамический металл вспыхнул красным светом, а изнутри вырвалась струя пара. Этот белый пар означал, что из тела умершего во время кремации выкипает жидкость. — И еще он был хорошим человеком, простым хорошим человеком; заботился о других, и даже в свой последний день думал только о нас с мамой...

Она не знала, что еще сказать, и замерла, глядя на саркофаг. Тот скатывался дальше и уже добрался до зоны холода. Металл начал остывать, красное свечение исчезло, и он с тихим потрескиванием стал уменьшаться. Девушку на трибуне сменил другой человек, потом третий. Саркофаг изменял свое состояние всякий раз, как проходил через зоны жара и холода: то краснел и плевался паром, то с треском сжимался. Пока он проделывал свой путь, прощальное слово успели произнести все друзья и родные погибшего. Когда саркофаг достиг другой стороны зала, он стал уже таким маленьким, что мог встать в ячейку. Его торжественно подняли и перенесли к ряду, где хранились предки умершего. Родственники подошли, чтобы наполнить дарохранильницу. Потом на конвейер въехал следующий саркофаг, и мортейра выкрикнул новое имя. Так повторялось еще пятнадцать раз, пока очередь, наконец, не дошла до саркофагов четы Лакойф. Они были последними. Их столкнули на конвейер вместе, и они поплыли вдаль друг за другом.

— Виджра Лакойф! Имара Лакойф!

Несколько семей уже ушло, в зале стало немного свободнее, и Хинта с Тави смогли приблизиться к подиуму. Они подошли ровно в тот момент, когда Забирающий помогал Дване взойти наверх. Хинта смотрел на Двану, а потом заметил, что внимание Тави направлено в другую сторону. Он проследил за его взглядом и увидел, что тот сквозь толпу испепеляет глазами свою мать. Она отвечала сыну тем же. Они стояли по разные стороны от опустевшей ленты конвейера, между ними вспыхивали газовые огни, и какое-то мгновение это выглядело, как начало какой-то страшной дуэли — одной

из тех, которыми обычно завершаются зрелищные ламы. А потом Тави разорвал зрительный контакт с матерью и, как все, повернулся к подиуму.

— Они были мне отцом и матерью, — произнес Двана. После этих слов он замолчал, и Хинта улучил момент, чтобы обратиться к другу.

— Что это было? Я еще при сходе поезда увидел ее с Джифоем.

— Да, я тоже. Потом объясню.

Двана молчал слишком долго, и мортейра наклонился к нему, чтобы помочь. Но мальчик в ответ отрицательно повел плечами. Он стоял на подиуме, прижимая к себе сумку с Вечным Компасом, низко опустив голову, и следил, как от него удаляются саркофаги его родителей.

— Их часто не было рядом со мной, потому что они работали землемерами на краю пустошей. Но они... составляли весь мой мир. Больше, чем кто-либо из людей. Они любили друг друга и меня. Когда они пропали, я понял, что никого, кроме них, я по-настоящему и не знал. Они были веселыми и умными. Я всегда понимал, что у них опасная работа. Но привык жить, ожидая, что они вернуться.

В его голосе появились слезы, он часто задышал. Но Хинта и без того был поражен тем, как долго Двана говорит. Это был не тот уничтоженный, равнодушный мальчик, которого они с Тави пытались разговорить шесть часов назад. Поначалу Хинта решил, что все дело в дающем надежду компасе. Он даже испугался, что Двана сейчас скажет «и я все еще жду, что они вернуться». Но тот произнес совсем другие слова.

— Теперь я жду, когда сам смогу отправиться в пустоши, — звенящим, полумальчишеским-полувзрослым голосом заявил он, — чтобы мстить со спокойным сердцем, как Танрик. И чтобы умереть за Шарту, если это будет необходимо!

Последние слова вырвались из груди Дваны почти на крике. Хинта нутром ощутил, как на все сказанное прореагировал Тави. А Двана, чуть отдышавшись, заговорил снова.

— Я знаю, что не принято делать такие вещи на погребальной церемонии. Но она уже подходит к концу, мои роди-

тели — последние, и я хочу отступить от правил. Я прошу Листу Джифоя подняться сюда. Он имеет на это право, потому что давал моим родителям работу, и потому что спонсировал большую часть этой прекрасной церемонии. И еще потому, что от него теперь зависит наш следующий шаг в пустошах.

Толпа зашевелилась. Вероятно, она бы уже шумела, если бы голоса людей не блокировались скафандрами.

— Его подучили, — с яростью в голосе сказал Тави.

Землевладелец уверенно поднялся на каменный подиум. Мортейра не остановил его, он просто стоял рядом, пустив события на самотек. Возможно, такой поворот был ему по душе, а, возможно, он с самого начала знал, что церемония должна закончиться выступлением Джифоя.

— Они были моими подчиненными, — громко возвестил тот, — и я бы не посмел подняться сюда, если бы их сын не позвал меня. Ведь это я послал их на то роковое задание, о чем не прекращаю жалеть! Я послал их на смерть! А когда они пропали, не забил тревогу вовремя!

Он сделал сокрушенную паузу. Даже сквозь экран шлема было видно, как багровеет его лицо, когда он говорит.

— Ублюдок все спланировал заранее, — сказал Тави, — и устами беззащитного сироты превратил святилище в дополнительную трибуну.

— Я не знаю, как это возможно. Ты же видел, в каком Двана состоянии.

— Впрочем, как бы ни страдало мое сердце, я не думаю, что на мне или хоть на ком-то из нас лежит настоящая вина. Это могло произойти в любой момент, в любой стороне, с любым жителем Шарту. Но смерть этих прекрасных людей не была напрасной! Если бы они не вступили в неравную схватку с омарами...

— Не было же никакой схватки, — вставил Хинта. Тави ему не ответил. Он смотрел на Джифоя и сжимал кулаки.

— ...то мы бы до сих пор ничего не знали о дырах в нашей обороне. И кто знает, сколько жертв понес бы Шарту, если бы у омаров осталось больше времени на подготовку? Но я не о том говорю. — Землевладелец резко отмахнул ру-

кой, потом приобнял Двану за плечи. Мальчик покачнулся под тяжестью его хватки. — Посмотрите на него! Это наш новый воин! Он — настоящее доказательство того, какими прекрасными людьми были его отец и мать. К чему нам слова, когда перед нами стоит этот юноша! Он не будет сидеть здесь, сжавшись от страха! Он не такой, как некоторые! Вы помните, помните, как он бросился на омара в гумпрайме? Да, это был именно он.

Хинта слышал в динамиках своего шлема дыхание Тави.

— Только не надо, — прошептал он, — пожалуйста, не пытайся остановить его, не сейчас.

— Да, я знаю, — выдохнул Тави, — знаю, как нелепо и оскорбительно будет сейчас звучать мое обвинение в том, что все это подстроено.

— В нем столько ярости, — гремел Джифой, — сколько нет ни в одном из нас! И я считаю, что только он знает, что нужно делать со своим горем! Из горя надо ковать меч! На этом все.

Он сошел вниз, потянув Двану за собой. После них двоих на подиум взошла Кифа.

— Имара была мне сестрой, и я, женщина, не буду говорить о битвах, потому что чувствую сейчас только боль. Она была...

Но ее уже почти никто не слушал. Ее речь, как и речи всех остальных, потерялись после выступления Джифоя. Ритм церемонии сбился, и людям пришлось договаривать, когда саркофаги семьи Лакойф доехали до конца залы.

— Сегодня случилось то, чего раньше еще не было, — сказал Тави.

— Ты про Джифоя?

— Нет, я о моей маме. Мы с ней впервые прямо солгали друг другу в лицо. Не знаю, может, с ее стороны это происходило и раньше. Но тогда я об этом не знал.

— Солгали о чем?

— Она сказала, что не пойдет на церемонию. И я тоже сказал, что не пойду. Но вот мы оба здесь. Я знаю, это пол-

ное безумие, но после выступления Дваны мне кажется, что Джифой крадет у меня людей. Именно у меня.

— Но он положит компас в дарохранительницу.

— Это уже неважно. В душе каждого человека есть больше, чем один штрих. Только очень маленькая часть Дваны хочет, чтобы его родители вернулись назад. Ее достаточно, чтобы он правильно обошелся с компасом. И я надеюсь, что компас сработает и его родители действительно вернутся. Но весь остальной Двана принадлежит к худшей части Шарту.

— Он же был в таком горе. Я не понимаю, как его подговорили. Я не спорю с тобой. Я думаю, что так и есть. Но я просто не понимаю, не понимаю, как он мог так долго говорить после всех этих слез? Как он не сорвался?

— А он всегда был таким. Он любит насилие. И это большая часть Дваны. Знаешь, почему мы с ним ходили в ламрайм всего два раза? Я видел, как он улыбается во время лама о Риджи Птаха, и не захотел после этого близко с ним дружить. Что-то радуется в нем, когда люди теряют друг друга и когда горе превращается в месть. И его собственное горе — оно было ненормальным.

— Но ты отдал ему компас.

— Потому что я хотел все изменить. Какое у меня право пытаться изменить человечество, если мне плевать на одного человека? Я хотел спасти душу Дваны этим компасом. И я думаю, мы почти это сделали. Но Джифой его у нас украл. В речи Джифоя был яд. Да и без нее, само по себе, это нападение омаров на людей заставило ожесточиться многие сердца. И вот мы видим последствия. Так быстро. Так глупо. Так прямолинейно. Они не могут дотянуться до настоящих омаров. Но могут заставить Ашайту плакать.

— Ашайта не омар.

— Здесь нет справедливости, и правды тоже нет. Просто я начинаю понимать, что такое война, что такое общество во время войны. Это общество крика, слез, самосудов, страха и ненависти. Глупые люди поддаются под его влияние первыми. Вот моя мама — она не глупа. Но ее сердце, возможно, однажды тоже будет с ними до конца. Потому что она уже

встала на этот путь.

— Моя семья, — сказал Хинта. — Наш сосед Риройф. Я не скажу, что он блещет умом. Тогда, в день гумпрайма, после наших разговоров я испытывал сложные чувства. А все взрослые рядом со мной — только ненависть. Но ведь они не ненавидят Ашайту. Он там, в гумпрайме, сидел на руках моей матери. Никому даже в голову не пришло его обидеть, никто не смотрел на него со злобой.

— Значит, ненависть существует по определенным законам. Ненавидят далекое и то, чего не знают. Если бы у Круны был такой брат или сестра, как у тебя — он был бы нашим с тобой другом. Но случайность распорядилась иначе, и теперь он наш враг, потому что не может вообразить в своей жизни никого вроде Ашайты.

— И что моей семье делать? — впервые задумался Хинта. — Если все и дальше пойдет, как сейчас, если с каждым днем эти уроды будут ненавидеть моего брата все больше?

Тави только покачал головой. Они дождались момента принесения даров и видели, как Двана переложил компас в ячейку своего отца. Потом толпа хлынула на улицу. По дороге к станции некоторые поднимали руки в воинственном жесте и под руководством Джифоя скандировали «смерть омам, мы придем в ваши пустоши». А еще позже, когда поезд довез селян обратно в поселок, Хинта и Тави стояли вместе с Фирхайфом и смотрели в небо. Как и обещал старик, оно прояснилось, и в начале ночи на нем засияли звезды. Тысячи лучей тонкими нитями устремились к земле, чтобы забрать тех, кто был к этому готов — если хоть кто-то был к этому готов.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЧУЖАК

— Звезды? Что это значит? -
Кричат муравьи возмущенно.
Да и улитка тоже
Спросила задумчиво: — Звезды?
— Да, — муравей отвечает, -
Я видел звезды, поверьте.
Я поднялся высоко
На самый высокий тополь,
И тысячи глаз лучистых
Мою темноту пронзили.
Тогда спросила улитка:
— Но что же такое звезды?
— А это огни, что сияют
Над нашею головою.
— Но мы их совсем не видим! –
Сердясь, муравьи возражают.
А улитка: — Слаба я зреньем,
Вижу не выше травки.

Федерико Гарсиа Лорка

ГЛАВА 4

ЩЕЦА ЗАМЫСЛА ЖИЗНИ

Последняя неделя каникул выдалась тихой. План Киртасы был практически полностью реализован — укрепления вокруг самого поселка достроены, основные бастионы трех внешних форпостов тоже. Бывшие крайняки привыкали жить вместе с остальной общиной. Омары ни разу не напали, а инженеры Шарту так и не смогли разгадать, как те отключали дронов. Царил иллюзорный мир, ситуация вооруженного ожидания начинала казаться привычной, неизвестность перестала пугать.

За день до начала занятий Тави и Хинта сидели в школьном кафетерии и прикидывали, каким будет следующий учебный год. Перед каждым лежал маленький примитивный терминал вроде тех, с которых осуществлялось голосование в гумпрайме, только сейчас на экранах было не два пункта голосования, а целых три столбца со списками предметов и маркерами предварительного расписания. Столбцы назывались: «базовый курс», «факультативы» и «студии». Иконки базового курса оставались зафиксированными намертво, а два других столбца были устроены так, что школьник мог сам устанавливать свои предпочтения.

— У меня все еще шесть основных предметов, — обрадовано сосчитал Тави.

— А у меня уже семь, — утрюмо отозвался Хинта.

— И что добавили?

— Медицину. Теперь: алгебра, метрика, язык, выжива-

ние, мир, медицина, физкультура.

— Значит, и у меня она будет в следующем году. А я думал, ее добавляют только на девятом потоке.

— Но она здесь.

— Не огорчайся. Интересный практический предмет. Ты ведь любишь все, у чего есть конкретное применение.

— Я помню, как тяжело было, когда предметов стало не пять, а шесть. И это еще тогда, когда мне не приходилось вкалывать за отца в теплицах.

— Патрулей скоро должно стать меньше. Твой отец вернется к своим делам. И ты будешь свободен.

Хинта вздохнул. Они сидели в прозрачном закутке: с одной стороны было окно с видом на центральную площадь Шарту, с другой — стеклянная стена, отделяющая кафетерий от пустынного школьного холла. В центре холла, сурово смотря по сторонам, стояли статуи трех мудрецов, олицетворяющих собой три главные отрасли человеческого знания: Тан-тилик из Лимпы, создавший теорию идеального государства, Даджейра из Джидана, посвятивший себя заботе об умирающей жизни, и Рирафта из Притака, ставший богом-механиком великих машин.

— Похоже, все решили голосовать со своих терминалов. И только мы пришли ради этого в школу.

— Год назад я бы тоже проголосовал у себя. Но в последнее время мне почему-то очень нравится всюду ходить. Когда делаешь вещи лично, они приближаются, становятся другими. И я тоже становлюсь другим: легким, нацеленным... А может, мне просто неуютно дома. За все дни, прошедшие с погребения родителей Дваны, мы с мамой едва ли сказали друг другу десять слов. Она оставляет мне еду. Я ем, когда она уходит с кухни. Утром и вечером мы стараемся друг друга не замечать. А все остальное время мы даже не пересекаемся друг с другом. Она обычно на работе, я — с тобой.

— Когда-то я бы засыпал тебя оптимистическими советами, а теперь каждый раз, когда ты говоришь о ней, я не знаю, что тебе ответить.

— Я и не жду ответа. Я любил свою маму. Конец любой

любви похож на смерть. И лишь амбициозные психопаты вроде Джифоя находят, что сказать в подобных случаях.

Губы Тави тронула странная, грустная полуулыбка. Хинта узнал эту эмоцию: в последние годы жизни Джилай-си Аргниры она всегда отражалась у того на лице. Эта полуулыбка, сошедшая с барельефов, казалась слишком мудрой для мальчика двенадцати лет. Поэтому Хинта обрадовался, когда Тави сменил тему.

— Какие возьмешь предметы по выбору?

— Те же, что и в прошлом году. Студии мифологии и скульптинга, факультативы роботехники и химофизики.

— А я для себя решил почти все изменить.

Интонация Тави заставила Хинту насторожиться. Он был на год старше, так что им приходилось учиться на разных потоках, и студии были единственным местом, где они в рамках школы могли что-то делать вдвоем. Сама их дружба началась именно в студиях. Уже много лет они посещали мифологию и скульптинг, и Хинте не приходило в голову, что от этого можно отказаться.

— Не волнуйся, — заметив его реакцию, добавил Тави, — я буду ходить на мифологию.

— А на скульптинг?

Тави неопределенно качнул головой.

— Я долго над этим думал, и перестал понимать, что мы оба там делаем.

— Барельефы.

— Я так ни одного и не довел до конца. А самое классное, что у меня было, мама разнесла в ночь после гумпрайма. И я не хочу восстанавливать эти вещи. И ты — ты ни разу не превзошел тот барельеф, который до сих пор висит на стене твоей комнаты.

— Но у меня осталась незаконченная работа. Ждет меня в мастерской все каникулы.

— Генерал Виграба в экзоскелете с жуткими пилами. Я помню. Но ты начал его не в прошлом году, а в позапрошлом. Его вообще можно доделать?

Какая-то нота в тоне Тави вдруг взбесила Хинту. Он ис-

пытал ощущение унижения, как если бы друг тайно насмеялся над ним. Свою злость Хинта скрыть не успел.

— Да, — резко ответил он, — его можно доделать.

— Тогда почему ты сердишься? — отводя взгляд, спросил Тави. — Я всего лишь хотел спросить: не кажется ли тебе, что в своем гараже ты способен на большее, чем в студии? Ты ведь все равно используешь в своих барельефах не ту технику, которой нас пытались научить. Как и я в своих работах с мамой — ты не лепишь, не режешь и не травишь, а конструируешь из пластика.

Хинта приостыл и закусил губу.

— Я не собираюсь решать за тебя. Просто мне стало казаться, что скульптинг — пустая трата времени. По крайней мере, для меня точно. У нас в школе есть несколько художников, которые потом станут скульпторами, барельефистами или мастерами саркофагов. Но ни один из нас с тобой в этом не преуспел, как они. Кудра Бафрай за прошлый учебный год сделал четырнадцать барельефов...

— Он нас старше. Он уже школу заканчивает.

— И копию статуи Виграбы тоже сделал он. Школа купила Виграбу Бафрая. И он теперь стоит в твоей любимой лаборатории роботехники.

— Я знаю, где он стоит.

— Не важно, что он нас старше. Важно, что я точно никогда не буду таким, как он. Я не художник, Хинта. И, помимо, я слишком взрослый для той мазни, на которую способен. Поэтому я ухожу со скульптинга.

Некоторое время над столом висело молчание. Тави, будто вопреки настроению Хинты, повеселел и успел за эту паузу отправить в рот две длинных радужных ленточки лавы.

— Предлагаешь уйти вдвоем? — наконец, спросил Хинта.

Тави пожал плечами.

— Если захочешь.

— А на что ты будешь менять скульптинг?

— Из всех моих предметов по выбору останется только

мифология. То есть, я буду менять не только скульптинг. Я буду менять почти все.

— Ты бросишь свои факультативы агрономии и палеобиотики? Это же был твой путь в специальность.

— Не мой путь, и не в мою специальность. Это не мои интересы. Это жизнь и работа моей мамы. И скульптинг тоже никогда не был моим настоящим увлечением — просто последней выгорающей вершиной наших с ней игр.

— Но тебе нравилась агрономия. И не только потому, что она нравилась твоей маме.

— И при этом ты все равно лучше меня знаешь, как ухаживать за растениями в своих теплицах.

— Я фермерский сын. Я с детства наблюдал, как отец все это делает. Это просто навыки.

— Назови это талантом, назови навыками — какая разница? Главное, это как с Бафраем — ты смотришь на другого человека и понимаешь, что это он занят своим делом, а не ты рядом с ним. Мне нравилось все, чем я был занят — это правда. Но за последний год я нашел вещи, которые мне ближе и в которых я намного лучше.

— Какие? Я знаю, что ты изменился и что тебе интересны люди, но здесь нет науки.

— Я добавлю себе студию музыки, и факультативы истории и онтогеотики.

— Онтогеотика? Ты уверен, что это действительно твое? Потому что краеугольным камнем онтогеотики будет Экватор. А я сейчас лучше тебя могу объяснить, как он работает.

— Экватор построили люди. И все, что происходило с планетой — дело людей. Может быть, я никогда не буду понимать, как работают индукционные катушки, но я хочу понимать, чем жил тот, кто придумал надеть их гигантским обрубком на Землю. История людей и история планеты — это две вещи, которые волнуют меня больше всего. А вместе с музыкой и мифологией они составляют хороший гуманитарный тандем.

— Ты не найдешь работу в Шарту.

— Во-первых, я смогу стать школьным учителем. А

во-вторых, поселок — это еще не весь мир. Мне нестерпимо жить с мыслью, что я здесь заперт. И я не буду планировать свою жизнь исходя только из возможностей и потребностей Шарту.

— Ты уже все продумал, — обиженно понял Хинта.

— Это не какой-то отдельный план. Я все время думаю. Так было всегда. Но в последнее время я будто проснулся. Больше нет идей, которые кажутся мне отдаленными и общими. Я захотел стать теми, о ком мечтал. И я увидел, как все возможности вселенной тонкими ниточками тянутся сюда — на эти пыльные улицы, в эти туманные поля, в комнаты наших домов. Это тоже своего рода звездный ветер — но не та его сторона, которая для мертвых, а та, которая для живых. Я теперь верю, что по лучам звездного ветра можно ходить не только между мирами, но даже внутри мира.

— Это красиво, — признал Хинта, — но звездный ветер не поможет тебе перебраться через Экватор.

— Может, и нет. Но вдруг он поможет мне стать человеком, который разобьет цепи, сковавшие всех жителей ойкумены? Может быть, я открою двери и пройду через них, а за мной пойдет множество других людей. Пойми, Хинта, если у нас вообще есть возможность менять свой путь, то она есть именно сейчас. Еще год-два, и мы уже не сможем бросить увлечения своего детства. Нам придется тащить их на себе всю жизнь. И мне страшно от мысли, что мы будем обречены годами заниматься тем, что не для нас. А я не хочу просто исчезнуть в мире, где так нужны люди, ставшие кем-то. Мне страшно, что я буду обречен выращивать фрат для Джифоя, потому что это лучший способ стать никем; или хуже — стать кем-то, кто вынужден поддерживать плохих людей и играть в отвратительные, убивающие душу социальные игры вроде тех, в которые сейчас играет моя мама.

Сила этого ответа восхитила Хинту — словно у Тави внутри было лезвие из веры, морали и логики.

— Ты... — он неуверенно качнул головой. — Я не знаю, что ты можешь, Тави. Я сам говорил тебе, что ты можешь зажигать людей. И я верю, что ты особенный... Но не знаю,

насколько. Иногда я на тебя обижаюсь, или почти обижаюсь — но в такие минуты ты меня поражаешь. Как будто у тебя внутри не разум, а... столб ослепительного света. Сколько мыслей ты продумал?

— Много, наверное, — теперь уже Тави смутился. — Я же не вру, когда говорю, что думаю все время.

— Нет, ты не просто думаешь. Ты додумываешь все до конца. И делаешь, как рассудил. Это пугает меня. И однажды это может убить тебя. Но это делает тебя лучшим из людей, которых я знаю.

— А я не верю, что я особенный. Я верю, что каждый может стать тем, кто открывает дверь для других. Кроме того, у меня может ничего не получиться. Это все может закончиться как угодно — даже тем, что я все-таки стану никем.

Сила аргументов и безграничная решимость Тави пробили, наконец, броню Хинты.

— Да, возможно, ты прав. По крайней мере, ты можешь быть прав лично для себя. Но твоя мать...

— Надеюсь, она узнает об этом, когда спорить со мной будет слишком поздно.

— А как ты будешь справляться с тем, что не ходил раньше на эти факультативы? Там люди занимаются по пять лет. У тебя же почти нет подготовки.

— История не похожа на другие науки. Ее можно осваивать с любого места. К тому же, у меня нет твоих забот. Я чуть ли не самый беззаботный ребенок Шарту. Я найду время ходить на лекции, которые читают предыдущим курсам.

— А онтогеотика? С ней будет сложнее.

— Это тоже история. Просто это не история людей.

— Но там есть формулы, физика небесных тел, геофизика и тому подобное. — Хинта потянулся к лиаве. — А в формулах ты не силен.

— Значит, мне будет трудно, — улыбнулся Тави.

— Если я брошу скульптинг, то смогу пойти на музыку вместе с тобой.

— Это будет нечестно. Нечестно по отношению к тебе самому. Ты поступишь как я, когда я был под влиянием

мамы. Тебе ведь не очень интересна музыка. Ты редко и мало ее слушаешь.

— Да, ты прав.

— Ты можешь записаться на факультатив, как на студию. Будешь ходить, когда и сколько захочешь, а вместо экзамена напишешь маленькую творческую работу.

— Разве так можно?

— Я случайно узнал, что да. Только записываться надо не через этот терминал. Чтобы разрешили, надо послать ведомственное сообщение директору школы с терминала обращений у его кабинета.

— Ни разу не слышал, чтобы кто-то так делал.

— Так делают девочки. У них в нашем возрасте больше желания учиться. И некоторые старшеклассники так делают. А из наших сверстников, само собой, никто не хочет сидеть на дополнительных лекциях. Все предпочитают весело проводить время в студиях.

Познания Тави об ученических качествах девочек удивили Хинту, но переспрашивать он не стал. В Шарту девочки ходили в ту же школу, что и мальчики, но почти все занятия у тех и других проходили отдельно, и даже набор предметов немного разнился. Заниматься вместе с девочками можно было только на студиях. При этом Хинта и Тави ни с одной пока не подружились.

— Если ты так сделаешь, то будешь первым, — подытожил Тави.

Хинта задумчиво воззрился на экран своего терминала.

— Роботехника, химофизика, мифология... И я могу добавлять историю или онтогеотику. А это не будет как с музыкой? Что я разделю твоё увлечение, к которому сам не имею настоящей предрасположенности?

— Но тебе же интересна мифология! А наши легенды — это та же история. Только история занимается всем этим с более широких и строгих позиций. Она проверяет легенды на достоверность.

— Да, — загорелся Хинта, — ты прав. Мне это будет интересно.

— Соберешь факты и напишешь небольшую работу про Притак.

Хинта улыбнулся, но потом вдруг сразу помрачнел.

— И онтогеотика мне тоже интересна. Только как раздел физики, а не как раздел истории.

— Мы бы здорово друг друга дополняли. И если бы мы смогли вместе ходить на целых три предмета...

— Нельзя взять пять предметов.

— Я знаю, — потупился Тави. При этом в глазах у него появился хитрый блеск. Хинта прикусил губу, как до этого в самый трудный момент их разговора.

— Я не могу бросить роботехнику. Это почти весь я — мое хобби сейчас и моя будущая специальность. Мне нравится ремонтировать и мастерить. Но химофизика...

— Я не хочу, чтобы ты что-то бросал. Особенно если это будет так, как будто ты сделал это из-за меня.

— Нет. На самом деле, мне будет легко перейти с химофизики на онтогеотику. Это науки-близнецы. Они изучают одни и те же явления, только на разных примерах. Химофизика стремится произвести идеальный эксперимент. А онтогеотика ищет готовую ситуацию, чтобы объяснить ее законами химофизики, или сама применяет знания химофизики на практике. И это предмет с практическим выходом — хотя его знания невозможно реализовать на практике в масштабах Шарту, потому что обычно онтогеотика изучает глобальные явления, общие для всей Земли... Я возьму онтогеотику как второй факультатив, а химофизику оставлю. Мне хватит сил вернуться к ней через год, если онтогеотика не пойдет.

Так они и решили. Через час, у кабинета директора, это решение было скреплено официальным запросом. А в первый же день учебного года Хинту ждал своеобразный сюрприз, из которого последовала его настоящая обида на Тави — самая сильная за все время их дружбы.

Встреча с ребятами со своего потока прошла для Хинты не слишком гладко. С одной стороны, он был рад снова уви-

деть некоторых из них, даже тех, с кем ни разу не общался за каникулы. Но была и другая сторона. На первом же занятии кто-то прислал на терминал его парты сообщение в одно слово: «улипа». Хинта заранее ожидал, что из-за войны с омарами ему станут чаще обычного напоминать про уродство брата. Но записка все равно выбила его из колеи. Он начал оборачиваться, выискивая среди одноклассников обидчика, потерял нить лекции и нарвался на выговор от учителя.

Еще одним негативным событием для Хинты стали дети крайняков. Раньше они учились на домашних терминалах, но теперь, когда их родители вынужденно переселились в Шарту, они пошли в настоящую школу. На поток Хинты добавили сразу шесть новеньких. Они пока чувствовали себя чужими и держались особняком, но Хинта думал, что уже очень скоро они скопом вольются в партию тех, кто агрессивен по отношению к его брату.

У Тави первого часа занятий в этот день не было, поэтому в перерыв Хинта слонялся один. Самые приятные ребята с его потока собрались в кружок, чтобы поделиться мнением об омарах — а он вдруг понял, что не может к ним присоединиться. Дело было не только в Ашайте, но еще и в том, как сам Хинта изменился. Его новые взгляды, сформировавшиеся в разговорах с Тави, могли стать бомбой, а он и так уже ждал неприятностей и не хотел ввязываться в огромный спор, где окажется один против всех. Его терзали два противоречивых стремления: первое — найти и, если удастся, побить автора записки; второе — скрыться с чужих глаз. В конце концов, жажда затворничества победила, и он пошел подальше от сверстников, на второй этаж школы — к кабинетам персонала и залам студий, туда, где в первой половине дня обычно абсолютно пусто. Он встал в изгибе коридора, у окна, и стал смотреть на центральную площадь Шарту в надежде, что вот-вот увидит, как к школе подходит Тави. Но того все не было. Хинта уже подумывал вернуться в свою аудиторию, когда услышал чьи-то шаги и звук резко раскрываемой двери.

— Ивара Румпа, — обвиняюще спросил женский голос, — Вы — хару? Это правда?

Слова «хару» Хинта не знал, поэтому подумал, что ослышался. Но он узнал голос. Тот принадлежал Лартриде Гайрай. Она была учителем языка и директором школы. Это на ее имя он вчера составлял ведомственное письмо.

— Да, правда, — ответил ей какой-то мужчина.

— Хару обязаны сообщать о своей болезни! И не в первый день работы, а при трудоустройстве! В каком положении теперь окажется школа!?

Значит, слово «хару» означало какой-то хронический недуг. Хинта ощутил неловкость из-за того, что подслушивает, и хотел было уйти. Но взрослые были между ним и лестницей, ведущей обратно на первый этаж, и он подумал, что, если его увидят, ему придется объяснять, зачем он пришел в этот коридор. Его параноя усилилась: теперь он ждал беды не только от сверстников, но и от старших. Обессиленный, он прислонился лбом к стеклу и вынужденно продолжал слушать.

— Вы можете меня уволить.

— Вам прекрасно известно, что Ваше увольнение сейчас будет катастрофой. Вы взяли на себя целых три предмета, и расписание старших потоков распадется, если Вас снять! Вот в какое положение Вы поставили школу.

Хинта догадался, что директорша ссорится с одним из учителей; он не знал только, с кем именно — среди известных ему не было ни одного по фамилии Румпа. Это вызвало у него удивление, так как он думал, что уже знает весь преподавательский состав школы. Неужели учитель был новым?

— Тогда не увольняйте меня. Нужно соблюдать всего несколько условий, и у Вас не возникнет с моей болезнью никаких проблем.

— Теперь я понимаю, почему Вы приехали сюда! Хару не так-то легко найти работу в Литтаплампе!

— Поверьте мне, эта болезнь не будет помехой.

— Но Вы приехали сюда из-за нее. А все остальное, что Вы мне наговорили о своих исследованиях — это была просто чушь!

— Вы знаете, что неправы. У Вас все еще есть друзья в

университете Кафтала. И я уверен, что Вы наводили справки о моей научной карьере.

Значит, учитель был с той стороны Экватора — это вызвало у Хинты какую-то смутную ассоциацию. Теперь даже голос этого человека казался ему знакомым. Однако прошли долгие секунды, прежде чем он, наконец, вспомнил — странную встречу у тихоходной дороги, приезжего молодого мужчину, который прямо с поезда пошел в ламрайм; и еще Хинта вспомнил, как Тави увлекся тогда этим человеком.

— Да, я наводила справки. За всю свою жизнь Вы лишь несколько месяцев работали на полную ставку. Разумеется, я не могла узнать больше. Но меня насторожило, что специалист такого уровня работает почти бесплатно.

— Я написал три книги. Это тоже работа, и за нее тоже платят. Она занимает время, но не оставляет следов в базе данных университетского отдела кадров.

Хинта вдруг осознал, что за весь разговор этот человек ни разу не повысил голос. Он беседовал со своей начальницей так спокойно, словно был для нее вне досягаемости. А ведь она действительно могла его уволить. И что бы он тогда стал делать — безработный чужак в Шарту, уже лишившийся возможности вернуться назад к прежней жизни?

— Я признаю, что сознательно не стал ставить Вас в известность о своей болезни.

Гарай возмущенно фыркнула.

— Мне хотелось здесь работать, и я повел себя, как любовью благоразумный соискатель на собеседовании — рассказал о своих сильных сторонах и умолчал о слабых. Мне не за что перед Вами извиняться, так как в Шарту нет развитой законодательной базы, регламентирующей отношения работника с работодателем.

— Вы неслыханно наглый человек.

— Я предлагаю Вам пари. Если на мою студию перестанет ходить хотя бы один ученик, Вы меня уволите.

— Я директор этой школы. Пари неуместно.

— Как и обвинения, брошенные Вами мне в лицо. Вы ошибаетесь, если думаете, что я нищий, пришедший сюда

за милостыней. Поэтому, если Вы все-таки не готовы прямо сейчас меня уволить, то я бы предложил изменить тон этого разговора и обсудить мою болезнь.

— Я должна Вас уволить.

— Хорошо, — равнодушно ответил Ивара Румпа. — Тогда я рад, что не успел принести в школу свои вещи.

Раздался тихий щелчок, потом звук передвигаемого стула.

— Остановитесь. Сядьте. Я должна Вас уволить. Но это не обязательно делать прямо сейчас.

— Вы меня выслушаете?

— Да.

— Можно я начну с вопроса?

— Какого?

— Что Вы знаете о хару?

— Я полагала, это Вы мне будете о них рассказывать.

— Будет быстрее, если я не стану повторять то, что Вам уже известно.

— Я знаю, что это наследственная болезнь некоторых общин литской ойкумены, в которых практиковались близкородственные браки. Симптомы болезни психические. У хару нарушена деятельность какой-то части мозга. Они плохо контролируют себя и неспособны работать.

— Относительно работы все ровно наоборот. Хару способны работать. Их проблема в том, что во время приступов для них не существует ничего, кроме их работы. Они исчезают сами для себя. В некоторых профессиях это пагубно. Но преподавание и наука — это те два вида деятельности, на которые наша болезнь влияет только положительно. У хару изменена поясная извилина коры головного мозга, поэтому время от времени такие, как я, теряют способность заботиться о себе и своих вещах. Я забываю есть, бриться, перестаю следить за состоянием квартиры и одежды. При этом я сам этого не замечаю, пока мне об этом не скажут. У этого есть лишь одно реальное последствие — мои вещи стареют и ломаются намного быстрее, чем у других людей.

— Отлично, — язвительно сказала директорша.

— При этом я не перестаю знать свой предмет, помнить своих учеников и пунктуально приходить на работу. Более того, моя болезнь сделала меня очень дисциплинированным человеком и в значительной мере регламентирует мою жизнь. К примеру, я каждые три дня должен приносить свой скафандр в техцентр, иначе однажды моя специфическая рассеянность меня убьет... Теперь о том, как это скажется на моей работе в школе. Я буду приходить за полтора часа до начала любого из своих занятий. Именно поэтому я просил не ставить мои факультативы на раннее утро. Мы будем с Вами встречаться. Вы будете внимательно на меня смотреть. И если Вы увидите, что я не побрился, то Вы должны мне сообщить, что у меня приступ. Если я пришел в школу в непотребном виде, то я вернусь домой и приведу себя в порядок. Обычно полутора часов для этого более чем достаточно. Таким образом, мы с Вами гарантируем, что я не напугаю никого из учеников щетиной и запахом нестиранного белья.

— Я поняла.

— И последнее. Я не могу брать к себе работы своих учеников, так как у меня они пропадут, и неважно, будут они в вещественном или в электронном виде. Я уверяю Вас, что смогу устроить полноценный учебный процесс без заданий, которые мне надо было бы проверять на дому. Вы должны будете раз в неделю осматривать мою студию и мой преподавательский терминал. К сожалению, я точно знаю, что у меня он будет ломаться чаще, чем у любого из учителей. Можете вычесть стоимость ремонта из моей зарплаты.

Гарай молча ушла. Хинта слышал, как ее шаги стихают в другом конце коридора. Он пребывал в смятении. С одной стороны, он узнал слишком много вещей, которые ему не стоило знать — это было так же неприятно, как случайно застать другого человека, когда тот находится в неловком положении в туалете. С другой стороны, в нем нарастало предчувствие того, как появление нового учителя может отразиться на Тави. Он ждал, когда Ивара Румпа закроет дверь своей студии. Но тот не спешил этого делать. Наконец, прозвучал сигнал, означающий начало следующего учебного часа, и

Хинте ничего не оставалось, кроме как выйти из своего укрытия. Он крадучись прошел поворот коридора и попытался незамеченным проскользнуть мимо двери студии. Однако это оказалось невозможно: новый учитель стоял возле кафедры. У него за спиной возвышались стеллажи с экспонатами — камни, слитки металла, столбцы минералов. Мгновение лицо чужака выглядело очень задумчивым. Потом он увидел Хинту. Хинта хотел было бежать, но взгляд серых глаз приковал его к месту.

— Я все слышал, — глядя в эти бездонные глаза, сказал Хинта. — Пта, я не специально, просто так получилось.

Признание вырвалось у него прежде, чем он успел подумать.

— Ну, значит, будет еще один человек, который сможет вовремя сказать мне, что я забыл побриться, — медленно ответил Ивара Румпа. — Ты ведь Хинта Фойта, записан ко мне на все три предмета, которые я веду?

Его лицо оставалось спокойным, внимательно-спокойным.

Хинта поднял взгляд и увидел, что над дверью помещения написано: «студия мифологии / факультатив истории / факультатив онтогеотики». Мальчик открыл рот, чтобы сказать что-то еще, но слова умерли у него на губах. Осталась лишь одна мысль: «Тави знал».

— Тебя пора на занятие, — напомнил Румпа.

Не в силах даже извиниться, Хинта сорвался с места и, не помня себя, бросился дальше по коридору и вниз по лестнице. «Тави знал, — пульсировала у него в висках обида. — Почему он не сказал мне прямо? И как давно он знал? От кого?»

Лекция по алгебре прошла для Хинты как в дурном сне: он не запомнил и не понял ничего из того, о чем говорил преподаватель. Все его существо превратилось в ожидание. Он хотел перерыва. Он хотел найти Тави и спросить у того, что все это значит.

Когда прозвучал сигнал завершения урока, Хинта до неприличия резко рванул прочь из класса. По коридору он шел с той неповоротливой, тяжеловесной целеустремленностью, которую обычно демонстрируют в ламах боевые шагоходы Притака.

Однако прежде чем ему удалось отыскать Тави, произошло еще одно событие. В холле, около статуи трех мудрецов, он неожиданно наткнулся на толпу. В ее центре, взобравшись на невысокую тумбу статуи как на подиум, стояли Двана Лакойф и Круна Дипаса. Рука Круны фамильярно лежала у Дваны на плече — специально или нет, он будто копировал жест, каким Джифой обнимал мальчика на погребальной церемонии.

Это был тот самый Круна, который наговорил им мерзостей и довел Ашайту до слез в день, когда Тави и Хинта впервые встретили Ивару Румпу. Среди всех жителей Шарту Хинта, наверное, ненавидел Круну больше, чем кого-либо еще. Тот был на год старше Хинты и учился на следующем потоке. Он и ему подобные обычно не оказывали особой чести младшим ребятам, но Двану Круна обхаживал почти как равного.

В первое мгновение Хинта не мог понять, что происходит. Затем он осознал, что Круна и Двана позируют. Какой-то подросток из страшекласников ходил вокруг них с дорогим навороченным терминалом и делал трехмерный снимок для объемной печати. Мысль о том, что теперь где-то у кого-то будет небольшая статуэтка с лыбящимися Дваной и Круной, взорвала Хинте мозг, и он оцепенел, наблюдая за странной сценой.

— Готово, — сказал старшеклассник.

— Эй, Ишана, лезь сюда, сделаем еще один снимок с сыном героев! — Круна протянул руку и рывком втащил на подножие памятника какую-то девчонку. Хинта все еще стоял в оцепенении, глядя на них, и тут Круна заметил его. — Чего

пятишься, улипо-брат улипо-брата? Не скучает твой заморыш по дохлым родичам, которых добыл Джифой?

Хинта перевел взгляд на Двану. Но Двана отвел глаза, и Хинта понял, что тот не будет за него заступаться. Втянув голову в плечи и чувствуя на себе десятки унижающих взглядов, он стиснул кулаки так, что ногти врезались в ладонь, и поспешил ретироваться из холла.

Тави он нашел, когда тот стоял перед дверью своего класса и разговаривал с тройкой мальчиков. Впрочем, это нельзя было назвать настоящим разговором — скорее, это было жесткое размежевание, или даже преддверие небольшой школьной драки. Тави отступил к стене, а его одноклассники сплотились и единым фронтом наступали на него.

— Джифой как отец для всего Шарту. И если ты, Руварта, про него еще слово плохое скажешь, тебе не жить здесь, ты понял?

Тави хотел что-то ответить, но увидел Хинту. На мгновение на его лице отразилась надежда на то, что друг встанет с ним плечом к плечу. Но Хинта не оправдал его ожиданий.

— Ты знал, — вместо приветствия процедил он.

— Знал о чем?

— Про нового учителя.

Тави оглянулся на одноклассников. Те медлили, не понимая, как закончить разборку после появления нового участника.

— Пойдем в кафетерий. — Тави явно надеялся, что сможет при помощи друга выпутаться из переделки. Но Хинта возразил даже прежде, чем успел осознать, о чем Тави говорит.

— Нет, — отрезал он. Это «нет» было просто манифестацией накапливающего изнутри гнева и отрицания.

— Тогда пойдем в спортзал. Там сейчас тихо.

— Эй, мы не закончили, — дернулся один из парней. Хинта тоже хотел потребовать, чтобы Тави объяснился с ним здесь и сейчас, но тот не дал ему вставить и слова.

— Это наше с Хинтой дело. А с вами мы закончим позже.

Он схватил Хинту за руку и потащил его прочь. Они резко свернули за угол коридора, потом прошли еще метров двадцать и оказались в пустоте спортзала. Дверь закрылась, гомон десятков детей отдалился и стих.

— Да, здесь лучше, чем в кафетерии, — сказал Тави.

Хинта вырвал свою руку из его руки.

Школьный спортзал во многом походил на залы ламрайма — его помещение тоже было круглым, а в трех точках вдоль стен стояли проекторы, однако они были предназначены не для воспроизведения ламов, а для создания виртуальной реальности различных спортивных игр. Арена здесь была больше, под складными трибунами прятались ряды тренажеров, из окон в потолке бил яркий солнечный свет.

— Ты знал, — повторил Хинта.

— Да.

— Откуда?

— От него самого. Ивара сам мне сказал, что пойдет работать в школу.

Хинта обратил внимание, что Тави назвал учителя не по фамилии, а по имени. В этом вроде не было ничего особенно неприличного, но Хинта сумел уловить в интонации Тави какую-то непонятную, тревожную интимность.

— Как?

— Еще в тот день, когда происходило собрание гумпрайма. — Один из солнечных лучей коснулся лица Тави, и он на мгновение прикрыл глаза. Его ресницы задрожали, казалось, на них лежат серебряные пылинки. На его щеках после перепалки с товарищами был легкий румянец. — Ну, ты помнишь, я убежал от матери и пошел бродить по всему административному центру. И тогда я случайно с ним столкнулся. Я плакал. А он привел меня в порядок, заставил умыться, и потом мы очень долго сидели вместе. Уже под утро он уговорил меня вернуться домой. — Тави вскинул голову и осторожно заглянул Хинте в глаза. — Ты сердись, что я не рассказал об этом? Наверное, это сложно будет объяснить, но я все время находил веские причины молчать.

Он снова потупился. Он выглядел виноватым, но совсем чуть-чуть. А Хинта ощущал, как в нем волна за волной нарастает обида, которая в десять или в сто раз больше этой крошечной, ускользающе-кокетливой виноватости. С другим мальчиком Хинта, возможно, уже стал бы драться. Но он не мог напасть на Тави — слишком тот был красивым и уязвимым.

— Во-первых, я молчал, так как боялся, что ты отреагируешь вот так — то есть, вот так, как ты сейчас реагируешь. Во-вторых, у меня было какое-то суеверное чувство — ну, вроде того, что я могу спугнуть это общение, если стану о нем всем рассказывать. А я никогда не встречал такого удивительного человека. И потом, когда он дал мне компас, я не мог о нем говорить из-за компаса. В последние дни я уже хотел тебе сказать, но решил, что лучше будет устроить сюрприз.

Известие про компас было ударом, которого Хинта не ждал.

— Да, я встречался с ним еще несколько раз после той ночи. Знаешь, у него много таких невероятных вещей. И он как будто совсем о них не заботится. Я даже пытался отказаться от компаса. Но он стал настаивать, чтобы я его взял. И я согласился, так как брал не для себя.

Тави замолчал. Хинта смотрел на него и чувствовал, как все его воспоминания соединяются в цельную картину.

— Это он. Это он заставил тебя думать обо всех вещах иначе.

— А почему ты так говоришь, будто в этом есть что-то плохое? Конечно, он повлиял, но вовсе не на все, о чем я...

Хинта не дал ему закончить.

— Ты был так хорош вчера, когда отрекался от всякого влияния, когда говорил, что должен проложить собственный путь, когда доказывал мне, как все эти предметы будут сами по себе увлекательны для настоящего тебя... для настоящих нас! — Комок ярости у него в горле наконец-то набух до конца и лопнул, рассыпавшись градом обидных слов. — И что же я узнаю теперь? Ты обругал все те предметы, которыми

увлекался вместе с матерью, чтобы променять их на все те предметы, которыми увлекается этот странный, неприспособленный к нашей жизни чужак. Ты выдавал мне его мысли, будто они твои!

Хинта истерично усмехнулся. Ощущая жар в лице, он двинулся на Тави и, обеими руками толкнув того в грудь, прижал к стене.

— Ты вообще есть? Чьи слова меня увлекали? Его или твои? Кто ты, подделка? Может, ты вообще не личность, а, Тави? Ты прилипала! Ищешь людей, которые думают о чем-то необычном, и становишься как они! Так?

Голос Хинты окреп, превратился в крик. Губы Тави задрожали. Он просунул свои руки между руками Хинты, заставив того ослабить хватку, и вырвался. Они пошли вдоль по залу, кружась, как герои в поединке — Тави пятился, а Хинта напирал на него.

— Вот, значит, как ты ко мне относишься? — в голосе Тави тоже уже слышалась истерика.

— А как должен? — Хинта не мог сдержать слезы и теперь размазывал их по лицу, но при этом продолжал наступать.

— Думаешь, я и к тебе прилип? По-твоему, я как грязь на подошве скафандра?

— Может быть.

Лицо Тави пошло красными пятнами.

— Дело во мне или в нем? Или в том, что он мне интересен? Может, ты ревнуешь и думаешь, что у каждого из нас может быть лишь один друг? А может, ты просто ненавидишь чужаков, как и все в этом проклятом поселке безумцев?

Хинта снова схватил его за грудки. На Тави была одна из его любимых футболок с красочными барельефами-напенками. Нарисованные лица героев смялись под руками Хинты. Подростки, сцепившись, остановились посередине зала. Солнечный свет падал вокруг них — сияющие ромбы на ярком разлинованном полу арены.

— Я очень хорошо к тебе отношусь, — сквозь слезы сказал Хинта, — и именно поэтому мне больно. Ты не думал, что

ведешь себя со мной так же, как твоя мать вела себя с тобой? Обманываешь меня? Не договариваешь мне? Манипулируешь мной? Подстраиваешь мою жизнь под свою, будто я твоя игрушка!?

— Нет. Потому что это не так.

Тави оторвал руки Хинты от себя, но больше не отступал. Хинта был сильнее, но только чуть-чуть. Он бы победил, если бы они начали драться по-настоящему. Но сейчас, пока они только толкались, высокий рост Тави уравнивал счеты.

— Это тебя нет, и это с тобой все не так. Завтра ты встретишь кого-то еще и начнешь интересоваться математикой и химией! А я, как дурак, пойду за тобой! Так, по твоему?

— Ты не был дураком, но сейчас ты им стал. Потому что все это действительно мои и твои интересы.

— Его, а не твои! — закричал Хинта.

— Они стали моими до того, как я с ним поговорил! — тоже повышая голос, выпалил Тави. — Да и не так уж мы похожи. Я не его калька. Просто он как судьба появился, когда я вырос и стал ссориться с мамой. Обвини еще омаров в том, что они создали нового меня. Обвини мир. Обвини книги, которые я читаю, ламы, которые я люблю. И нет, я не выдаю чужие мысли за свои! Я хочу быть как другие, просто мои другие — это герои. Обвини меня еще в любви к Джилайси!

Хинта попытался сбить его с ног, но не вышло. Тави сделал подсечку и швырнул друга на пестрый мягкий пол в центре арены. На мгновение Хинта увидел сквозь окна зала зелено-голубое небо и перистые бледно-розовые облака. Солнечный свет белой вспышкой врезался ему в глаза, и он на долю секунды ослеп. Он тут же начал подниматься на ноги, но Тави уже бежал к выходу из зала.

— Стой, — приказал Хинта.

Тави замедлил шаг, обернулся.

— Не прикасайся ко мне, — сказал он. — Ты шел к этому весь последний месяц. И весь месяц я переубеждал тебя, Хинта. Но ты слишком хочешь этой ссоры. Шарту в тебе ее хочет. Так получи ее. Прочувствуй до конца свою ненависть ко мне и другим чужакам. Переживи ее.

— Дело не в этом!

— В этом. Хотя и не только. А еще в том, что ты чего-то испугался в тот самый день, когда Ивара приехал в Шарту! И из-за этого я тоже молчал.

— Так это я во всем виноват? — взорвался Хинта.

— В чем во всем!? — срываясь, крикнул Тави. — Не произошло же ничего — и уж точно ничего плохого. Ты на факкультативах, которые мог бы выбрать и сам. Да ты и выбрал их сам. Я всего лишь рассказал тебе вчера о своих планах. Ты пошел вслед за мной, потому что хотел этого.

— Ты рассказал о своих планах, не упомянув при этом самое главное, — снова двинулся на него Хинта. — Это и есть манипуляция другими!

— Даже если и так, я сделал это из наилучших побуждений. Мы, возможно, помиримся. Но не сегодня. Хочешь договорить — тогда начни ходить на его занятия. Может, на них ты поймешь, что я оказал тебе услугу, когда помог сделать этот выбор.

— Да кем ты себя возомнил? — заорал Хинта. Он бросился вперед, но ему не суждено было нагнать Тави. Какая-то девушка, видимо, услышав их перепалку, приоткрыла двери спортзала и заглянула внутрь. У нее на плече блестела бело-золотая нашивка, похожая на растаявшую и округлившуюся звездочку шерифа — этот знак носили старшекласники, взявшие на себя обязанность присматривать за порядком в школе. Тави с несвойственной ему резкостью прошел мимо незнакомки. Она постояла, удивленно глядя ему вслед, потом с тупой строгостью взглянула на Хинту.

— Что здесь произошло?

— Ничего, — стирая с лица слезы ярости, ответил тот.

— Вы дрались?

— Если бы мы дрались, он бы сейчас лежал и кровью умывался, — сказал Хинта. Он, как и Тави хотел просто пройти мимо девушки, но та успела крепко схватить его за рукав кофты.

— Пусти, — потребовал Хинта. Девушка и не думала отпускать. На ее широком некрасивом лице застыло то стерео-

типное выражение, с каким взрослые женщины допрашивают провинившихся в чем-то детей. Разница в возрасте между ней и Хинтой была не больше чем в четыре года, но она явно считала, что он малыш, обязанный ей подчиняться.

— Этот мальчик, — спросила она, — это он тогда за чем-то вышел на сцену гуппрайма?

Вместо ответа Хинта перехватил и выкрутил ее запястье. Ее рука была больше и сильнее, но он вложил в свой рывок часть того гнева, что накопился в нем за время перепалки с Тави. Девушка вскрикнула от неожиданной боли, а он вырвался и бегом бросился прочь. Все обиды, вся досада, все одиночество вдруг слились в его душе в единый океан, и эта страшная черная волна боли проломила какую-то преграду, у которой Хинта всегда останавливался до сих пор. Ярость тяжелым молотом стучала у него в висках. Ноги сами понесли его обратно в холл. В эту минуту Хинта почти лишился рассудка. Он ясно знал лишь одну-единственную вещь — что должен сделать с кем-то то, что не решился сделать с Тави. Он должен был разбить чье-то лицо — и это было единственно верное решение, потому что если бы он поступил иначе, то потерял бы какую-то важнейшую часть себя.

Когда Хинта вернулся в холл, Круна и Двана уже слезли с основания памятника, но толпа еще толком не рассосалась — слишком многие подростки хотели высказать сироте свои соболезнования или просто поторчать рядом. Хинта, грубо расталкивая сверстников, врезался в толпу. Вокруг него начался человеческий водоворот, слышались возмущенные возгласы, но он боевым тараном шел к своей цели.

Круну он увидел со спины, подошел к нему и резко рванул за плечо. Тот был на пол-головы выше и в два раза сильнее, но сориентироваться не успел. Хинта ударил его кулаком в челюсть снизу вверх, а когда противник попытался удержаться на ногах, ударил во второй раз — теперь с другой руки и в нос. При этом из груди Хинты вырывался крик — бессвязный, страшный, похожий на плач.

Круна, с удивленно приоткрытым ртом и губами, по которым быстро заструилась первая кровь, осел. А Хинта мель-

ницей молотил его сверху — его руки двигались, как во время занятия физкультурой, когда тренирующиеся делают вращение от плеча. Старший противник был вынужден пассивно защищаться, подставляя под удары руки.

— Никто, никто, никто больше не будет обижать моего брата, ты понял?! — кричал Хинта. — Ашайта не омар!

Впрочем, его триумф продолжался лишь мгновения, пока кто-то из друзей Круны не сумел борцовским приемом перехватить его за пояс и сбить с ног. На Хинту обрушился град ударов ногами. Толпа распалась на большинство, которое предпочло ретироваться, и меньшинство, которое било обидчика. Круна, мыча от боли, сумел подняться и тоже хотел присоединиться к ним. Хинта сжался в клубок и терпел удары.

Его могли бы серьезно избить, если бы не чей-то окрик, после которого старшекласники бросились наутек. Обессиленный, с красным заплаканным лицом, Хинта перевернулся на спину и лежал так, глядя снизу вверх на поднимающиеся к потолку статуи трех мудрецов. Каменный пол приятно охлаждал синяки на спине и ногах. А потом над ним появилось чье-то лицо. Хинта сморгнул, чтобы убрать из глаз лишние слезы, и к своему ужасу увидел, что над ним склоняется Ивара Румпа.

— Ты в порядке? — спросил тот, протягивая мальчику руку.

Хинта со стоном поднялся на ноги.

— Да.

— Еще никогда не видел, чтобы дети вот так дрались. У вас в школе всегда так?

— Вы скажете об этом Гарай?

— По идее я должен. Кто были эти парни? Они ведь старше тебя?

Хинта мотнул головой.

— Это неважно. Драку начал я.

В лице учителя что-то изменилось, будто сквозь него проступила из глубины улыбка — только вот сам мужчина при этом не улыбался.

— Я не скажу, если не узнаю, что это повторилось, — обещал он. И Хинта неожиданно ощутил покой. Это чувство было очень странным, потому что остались прежними все его эмоции: и по поводу Тави, и по поводу связи Тави с этим человеком.

— Спасибо, — поблагодарил Хинта. — А я никому не скажу про вас.

Это вырвалось у него само собой, и он тут же испугался, что будто заключает с учителем сделку, или даже шантажирует того. Однако Румпа не рассердился — только кивнул. Так они и разошлись.

Больше в тот день Хинта с Тави не говорил. После ссоры и драки оставшиеся школьные часы превратились для него в медленный ад. Замкнувшись в себе, он перетерпел еще два занятия, потом зашел домой, поел и вместе с матерью и братом отправился работать в парники. Наклоняясь к грядкам, он стискивал зубы от боли в отбитой пояснице, но старался двигаться естественно — не хотел, чтобы кто-нибудь что-нибудь заметил. Однако хуже любых физических страданий было то, что без Тави каждый час его жизни вдруг сделался пронзительно одиноким. Единственным его утешением стал Ашайта. Каким-то образом тот умел без слов понимать настроение близких людей. Он весь вечер ласкался к старшему, касался его и пытался втянуть в свои простые и странные игры. Но, к сожалению, Хинта не мог ответить брату тем же, и не знал, как рассказать ему о своей беде.

В отличие от Хинты, Тави нашел, с кем поговорить. В самом конце учебного дня он подловил Ивару Румпу, когда тот закрывал свой кабинет. Учитель услышал шаги, оглянулся и улыбнулся.

— Привет.

— Здравствуйте. — Мимолетная радость от встречи на лице Тави смешалась с озабоченностью. Ивара кивнул в направлении холла, и они неторопливо пошли вдоль по коридору, за окнами которого виднелась залитая предзакатным

светом центральная площадь Шарту. — Как Ваш первый рабочий день?

— Он был долгим. Я увидел почти сотню новых лиц и стараюсь удержать в памяти около полусотни новых имен. Завтра будет еще столько же. Когда начинаешь преподавать на новом месте, это всегда тяжело.

— Я об этом не думал. А сколько людей Вы можете запомнить? И сколько у Вас учеников? — Тави немного оживился, но не расцвел и не развеселился так, как раньше. Даже в ночь после гупрайма, когда он плакал и бился в истерике, он выглядел более открытым, чем сейчас.

— В этой школе около семи сотен детей и подростков разных возрастов. Примерно треть из них будет посещать хотя бы один мой предмет. То есть, я должен запомнить от двух до двух с половиной сотен учеников, и около двадцати новых коллег. А на твой первый вопрос я затрудняюсь ответить: мы до определенной степени помним вообще всех, кого хоть раз видели.

— Шарту такой маленький, — сказал Тави. — Я рад, что родился не здесь. Мой опыт хоть немного шире, чем у местных. А те, кто родился и вырос здесь... они вообще не знают, что такое большой мир. Они не видели никого, кроме нескольких тысяч живущих здесь людей.

— Я знаю, ты думаешь, что жизнь в замкнутом мирке чего-то лишает. Но позволь мне с тобой не согласиться. Пока мы живы и здоровы, в плане нашего восприятия над нами не имеют власти почти никакие обстоятельства. А вот мы сами очень часто ограничиваем себя, запрещаем и мешаем себе смотреть вокруг или вникать в то, что уже увидели. Можно жить в многолюдном квартале в центре Литтаплампа и ничего не знать о мире вокруг, ничего не видеть в других людях, кроме отражения собственной пустоты. А можно жить здесь и найти бесконечность непостижимого в других людях, хотя и знаешь каждого из них в лицо.

— Я понимаю это. Вы уже говорили похожие вещи. И все же я не могу не хотеть вырваться отсюда. И я не буду сидеть, сложа руки. Я делаю многое, чтобы понять и узнать Шарту.

Мой ум занят поисками красоты здесь. Но мое сердце хочет в бесконечную даль. А Литтапламп кажется таким большим, могущественным, сложно устроенным... и таким недостижимым.

— Это правда, — медленно, словно с неохотой произнес Румпа. — Литтапламп большой, даже огромный. И он — сердце литской ойкумены. Но это больное сердце чахлого, умирающего организма. Когда-то там произошел истинный ренессанс культуры и государственности, но с тех пор прошло уже два века, и это были два века угасания. Там все еще шестнадцать миллионов жителей — достаточно, чтобы благополучно приехавший туда легкомысленный человек, даже прожив там несколько лет, не заметил ни одной проблемы. Но когда начинаешь изучать историю, понимаешь, что это лишь остатки прежнего города. Там почти ничего не строят. Из четырнадцати существующих директорий функционируют только восемь.

— Почему?

— Потому что это не нужно тем, кто мог бы этим заниматься, а те, кто хотел бы жить под заброшенными куполами, не в состоянии своими силами отремонтировать разрушенную инфраструктуру. При этом на окраинах города растут поселения, нищие по сравнению с Шарту, где скапливаются неграмотные беженцы, мигрирующие к столице с разоренных войнами рубежей ойкумены. Некоторые из этих людей приходят с оружием, и тогда в фавелах происходят кровавые вспышки насилия.

— Но разве не должен кто-то спасти и всех этих людей, и город?

— Спасти от чего? Спасти для чего? Однажды наступает момент, когда вещь уже настолько перестает быть собой, что исчезает та суть, ради которой мы хотели бы за нее бороться.

Тави понурился.

— Это будет не очень вежливо с моей стороны, — предупредил он, — поэтому сначала я хочу сказать, что восхищаюсь Вами и очень ценю наше общение и Вашу доброту ко мне. Но я должен спросить: Вы так говорите, потому что Вы

разочарованный человек?

Румпа бросил на мальчика короткий взгляд.

— Пожалуйста, не надо мной восхищаться. Я совершенно обычный человек.

— Извините. Само вырвалось.

— И нет, я не разочарованный. Мне интересно жить, у меня есть надежды — просто я не связываю их с организациями, городами, странами. Все мои надежды связаны либо с отдельными людьми, либо с истиной, которую мне доставляет удовольствие искать.

— Хотите сказать, я не должен рассчитывать на Литта-пламп? И, заглядывая в будущее, мне стоит видеть себя сорокалетним агрономом на службе у следующего поколения семьи Джифой?

Учитель на мгновение прикрыл глаза и вздохнул, а когда заговорил снова, его голос звучал почти нежно.

— Тави, ты поссорился с матерью и поэтому решил, что теперь должен сам взять свою судьбу под контроль. Но нельзя все в жизни запланировать. Нет никакой пользы в том, чтобы принимать огромные, сокрушительные решения там, где для них нет оснований. А главное, поместив все своим мечты в будущее, планируя-планируя-планируя то, каким оно должно стать, можно очень легко потерять себя в настоящем. Кто ты сейчас?

Они остановились на развилке коридоров, где не было окон и не горели лампы, а потому царили неглубокие сумерки. Лицо Тави в рассеянной полутьме казалось еще более сосредоточенным, чем на свету.

— Я еще никто.

— Нет, ты кто-то, — с неожиданным нажимом возразил Румпа, — и ты это прекрасно знаешь. Просто ты поспешно решил, что у тебя больше нет права быть тем, кто ты есть. Так кто ты?

Тави раздраженно пожал плечами.

— Ребенок. Ученик. Сын своей матери. Все мы являемся тысячью «кто-то», но ведь это почти не имеет значения.

— Ошибаешься. Любое из наших маленьких определе-

ний имеет огромное значение. Иногда человек, который уже стал уважаемым профессионалом в своей области — хорошим художником или лидером какого-то сообщества — вдруг замирает в ужасе, так как осознает, что, сделавшись благодетелем для многих, перестал заботиться о самом себе и о своей собственной семье, перестал замечать то, что намного ближе к нему, чем предмет взлелеянных им амбициозных планов. И такой выбор бывает невозможно оправдать ни перед собой, ни перед другими. Но еще чаще бывает, что тот же самый человек не достигает ни одной из своих возвышенных целей, но ради них успевает отвергнуть и разрушить все то хорошее, что могло бы быть в его жизни. Понимаешь?

Он неожиданно взял Тави за плечи и слегка встряхнул. Мальчик даже испугался — не какого-то насилия со стороны Румпы, а той экспрессии, с которой учитель вдруг себя повел.

— Да, кажется, понимаю. Но что же такого важного в том, кто я сейчас? Я еще ничего не пропустил, никого не... — Тави хотел заявить, что никого не отверг, но осекся — вспомнил тяготящую его ссору с Хинтой, да и ситуация с матерью была слишком похожа на полное взаимное отвержение.

— Ты ребенок, — ободряюще улыбнувшись, сообщил ему Румпа. — Ты умный, необычный, талантливый, но все еще очень молодой человек. И я вижу, как тебя изнутри грызет страшная амбиция. Ты считаешь свое положение ничтожным — но это не так. Именно сейчас ты прекрасен и свободен — так прекрасен и так свободен, как, возможно, уже не будешь никогда после в своей жизни. Я помню, что ты говорил мне в ночь своей ссоры с матерью. Ты думаешь, что на тебе огромная ответственность — и это чувство может сделать тебя лучшим из людей. Но ты не имеешь права забывать, что главная твоя ответственность сейчас — ответственность быть ребенком.

Все это было сказано так и таким тоном, что Тави не смог обидеться. Но он опешил и молчал.

— Не смотри на мир и на свою жизнь, как стратег на поле боя. Не теряй связи со своим детством, не отвергай вещи, не выноси сурового приговора. Иначе ты не заметишь,

как мечта о странствиях превратится в мечту о военном походе, а мечта о справедливости станет мечтой о власти и контроле. Твоя жизнь может длиться еще годы и годы, ведь она только началась! Помни, дети обречены стать взрослыми, не нужно это торопить. Дай времени течь и просто делай то, что тебе сейчас по душе. А однажды, возможно, все само сложится так, что ты просто, как обычный человек, поедешь в Литтапламп и своими глазами увидишь огромные купола его директорий. Ты отказываешься приговаривать себя к Шарту. Теперь откажись приговаривать себя к Литтаплампу. Не ищи заранее конечную цель своего пути.

Мальчик все еще молчал. Румпа подбросил на ладони ключ-карту от своей студии.

— Я занесу это в учительскую и пойду домой. Если хочешь, и если у тебя закончились занятия, можем вместе прогуляться до наших квартир.

— Конечно, хочу! — вскинулся Тави. Минуту или две он стоял у стены, захваченный потоком противоречивых мыслей и эмоций; потом они вместе двинулись в направлении школьного холла. В коридорах первого этажа было пустынно — уже закончились занятия всех потоков, кроме самых старших.

— Я не понял, — сказал Тави, — что значит «ответственность быть ребенком»? Обычно говорят лишь об ответственности детей перед родителями, но Вы же не...

— Нет, я не это имел в виду. Ответственность быть ребенком — это такая странная ответственность, которая состоит в том, чтобы помнить, что ты все еще имеешь право быть безответственным. Вспомни, как ты бунтовал против матери, когда она захотела, чтобы ты выросл — ты же сам мне все это рассказывал. Но разве ты не стал сейчас почти тем, кем она от тебя требовала стать? Ты весь во взрослых делах, в мечтах о большом будущем, в решениях, заботах и хлопотах. Когда ты последний раз был в ламрайме?

— Ну... — замялся Тави. Румпа кивнул, увидев, что его слова достигли цели.

— Стань снова счастливым. Только пойми меня пра-

вильно: не веселым, а именно счастливым. Веди счастливую вольную жизнь, какая подобает ребенку. При этом ты можешь обижаться на других или оплакивать погибших — но все это тоже часть счастливой жизни. Главное, чтобы все эти настроения вовремя проходили, а ты сам и ребенок в тебе оставались на месте.

— Вы правы. Кажется, я уже очень далеко ушел. Даже не знаю, с чего начать движение обратно.

— Не далеко. А начать можно с ламрайма или с любой другой из тех вещей, которые ты делал месяц назад. Кстати, насчет открытий первого дня: меня удивил уровень преподавания в Шарту.

— Такой низкий?

— Нет, такой высокий. Здесь точно не хуже, чем в среднестатистических бесплатных школах Литтаплампа. И здесь по-настоящему много активных и смысленных ребят. У меня сегодня были младшие. Из них особенно хорош четвертый поток. И учебный план, который приняла Гарай, мне тоже очень понравился. В нем есть лишь несколько провалов, по которым эта школа уступает нормативам метрополии. В остальном же все на уровне, или даже лучше.

Тави уклончиво мотнул головой, как будто все еще не был готов признать, что Шарту может хоть в чем-то равняться с большим миром по ту сторону Экватора. Стоило ему снова замкнуться в себе, как на его лицо тут же вернулось прежнее выражение огорчения, потерянности и тревоги. А потом Румпа увидел в нем борьбу. Один Тави пытался улыбнуться, стать прежним, а другой упрямо, угрюмо и алчно рвался в свою темно-огненную предопределенность.

— Я ожидал другого, — как бы не замечая перипетий на лице ученика, пояснил он. — Я думал, будет ужасная захолустная школа. Но я не позволил этой предвзятости замутнить мой взор — и увидел все, как есть. Теперь я думаю, дело в том, что из-за миграционной политики в Шарту застряло несколько специалистов, которые, как и я, смогли найти работу только в школе. У большинства моих коллег не педагогическое образование. Но это вредит процессу не так сильно,

как можно было бы ожидать.

Через холл они попали в прозрачный переход, длинный и извилистый, по которому можно было без скафандра добраться от школы до жилых корпусов административного комплекса. Пластиковый тоннель то шел по самой земле, то поднимался вверх, пропуская под собой автотранспортные магистрали. Поток теплого воздуха несильно дул в лицо, откидывая назад светло-русые волосы мужчины и мальчика.

— А как прошел твой первый день?

— Неплохо в плане занятий. — Тави каким-то странным, истерическим движением потер лицо. У Румпы перед глазами встала та сцена, когда шестеро старшеклассников избивали ногами Хинту. Он подумал, что Тави наверняка знает о случившемся.

— А в остальном?

Тави поднял взгляд.

— Я чувствую себя совсем чужим. Вы говорите, у нас неплохая школа. А мне кажется, что вокруг болванчики-идиоты с парапластиковыми мозгами.

— Почему тебе так кажется?

— Может, это и правда результат того, что я перегнул палку со своим желанием быть кем-то другим. Настоящим героем, который может в чем-то убеждать людей.

— А какую причину ты бы назвал, если бы не было нашего нынешнего разговора?

Тави несколько мгновений искал правильную формулировку.

— Потому что... потому что люди даже не обдумывают, откуда что-то взялось у них в голове. Они слепо хватаются за какую-то идею, причем тем крепче, чем более примитивной и смутной она является. А потом они упрямо стоят на своей глупости, когда приводишь им аргументы разума.

Учитель едва заметно кивнул — не в знак согласия, а скорее, чтобы показать, что понимает, о чем речь.

— И потом эти же люди объявляют, что это у меня в голове все так, как у них, — приходя в ораторское возбуждение, продолжал Тави. — То есть, они обвиняют меня в том, что

это я не контролирую свои мысли. Но я-то точно различаю те идеи, которые появились у меня сами собой, и те, которые я почерпнул у других.

— Не ставлю твои слова под сомнение. Но если ты так в этом уверен, то объясни, как ты это делаешь. Не знаю, о ком ты говоришь, но мне кажется, те люди тоже уверены в том, что все мысли в их голове принадлежат им самим.

Пыл Тави приугас, он снова понурился. Сквозь прозрачные стены перехода было видно, как на улицы поселка вереницами втекают вялые толпы батраков в перепачканных фратом скафандрах. Рабочий день был закончен. Вместе с людьми с полей возвращались синие машины — они грузно катили по грунтовым дорогам, вслед за каждой поднимался высокий шлейф пыли, в которой радугами преломлялись лучи закатного солнца. Густые тени заполняли пространство между постройками. В окнах домов отражался пламенеющий горизонт.

— Мои мысли, — наконец, произнес Тави, — не похожи на мысли других людей. А у большинства из них мысли и чувства просто одинаковые. Все, что они говорят и думают, всегда укладывается в какую-то конвенцию. Как будто они не люди, а терминалы, на которые кто-то установил всего пару-тройку программ. Я был неправ: я не могу точно сказать, что мои мысли — мои; откуда мне это знать? Я просто понимаю, что в Шарту я очень одинок — ни у кого нет того набора мыслей, который в голове у меня.

— А о каких мыслях и идеях мы говорим? О политике, о ламах, об отношении к старшим, о жизненном выборе?

— В своем взгляде на ламы я часто испытывал одиночество, но там всегда и у всех был большой разброс мнений, и это так не угнетало. Нет, сейчас я о политике: о Шарту, об омарах и Джифое, о чужаках. Многие здесь ненавидят чужаков и все еще считают меня одним из них. И, наверное, я и правда чужак, раз до такой степени не совпадаю с ними во всем. Наверное, это одна из причин, по которым я так хотел вырваться отсюда в Литтапламп. Мне все казалось, что где-то там я могу стать своим.

— Не можешь. Люди там куда больше похожи на людей здесь, чем тебе кажется. Они тоже бывают глупы и тоже мечтают о войнах. А легкая жизнь и короткий путь к воплощению своих амбиций делают некоторых из них такими чудовищами, рядом с которыми здешний Джифой покажется образчиком мудрости и миролюбия.

— Да, я понял, — устало сказал Тави, и Румпа подумал, что тот наверняка опять слышит в его словах лишь половину смысла.

— Не сопротивляйся этому. Просто выбери, каким чужаком ты хочешь быть. Чужак — это или никто-временщик, или гость, или враг. Я предпочитаю в подобном раскладе быть гостем. А хороший гость не дает хозяевам дома советов, как тем жить, до тех пор, пока его не спросят. Его самостоятельное вмешательство оправдано лишь в тех редких случаях, когда он видит, что своим словом и делом может кого-то спасти — к примеру, остановить насилие над слабыми, причем остановить его навсегда, так, чтобы сами слабые не стали потом мстить тем, кто их унижал. Если ты не видишь подобного случая в Шарту, то и не вмешивайся.

Тави закусил губу.

— Они бросают неполноценных детей в пустошах, чтобы те умерли или стали омарами. Разве это не насилие над слабыми?

Они остановились на мосту, перекинутом через очередную дорогу — внизу были задворки административного центра. Рабочие в силовых экзо перекатывали бочки из открытой фуры в грузовой шлюз комплекса. Поодаль парень и девушка в легких полускафандрах играли в сокс. Издалека с полей шел прозрачный туман, от него красный свет солнца начинал распадаться желтыми аурями.

— Да, ты говорил. И потом я выяснил, что о подобных случаях упоминали по всей экваториальной границе ойкумены. Но я так понимаю, что в Шарту это в прошлом. Мне сказали, что здесь есть дети-инвалиды, в том числе с церебральными повреждениями, которые не ходят в школу и занимаются на домашних терминалах. Кажется, младший брат

твоего друга...

— Его жестоко дразнят.

— Подобная неприязнь и дразнилки — неизбежные последствия недавно произошедшего в обществе размежевания. Да, это омерзительно, но все же не угрожает этим детям так, как раньше. То есть, спасти уже некого — все спасены. А если бы даже это было не так, Тави, ты должен понимать, что есть общества с очень разным представлением о гуманности. Вмешиваясь, требуя от этих обществ перехода к другим ценностям, отдельный человек извне почти никогда не достигает успеха. Такие вещи можно изменить только с помощью идущей десятилетиями пропаганды новых идеалов, либо ценой еще большего насилия, либо в случае, когда уже сам собой сформировался раскол, в который можно вбить клин. В этом третьем случае отдельный человек способен достичь успеха. Но ему стоит трижды подумать, хочет ли он раскалывать общество — так как это зачастую тоже приводит к новому насилию. К тому же мир, где мы живем, стал настолько ненадежным, рушащимся, экстремальным, что борьба за судьбу подобных людей может в целом уже не иметь смысла.

Тави кивнул — и вдруг не выдержал.

— Я поссорился с лучшим другом.

— С Хинтой? — уточнил Румпа. Теперь он понял, что о драке Тави может ничего не знать.

— Да, с ним.

— Из-за чего?

Лицо Тави напряглось, в глазах уже стоял призрак слез.

— Честно говоря, из-за Вас.

— Из-за меня? — скрывая настороженность, переспросил Румпа. Ему вспомнилась утренняя встреча. Не то чтобы он по-настоящему боялся сплетен — они были неизбежны. Просто так вышло, что Тави уже что-то для него значил, а поэтому он предпочел бы сам рассказать мальчику о своей болезни и вообще о себе. И еще было обещание Хинты молчать, которое тот дал после драки. Румпа не любил, когда люди нарушают свои обещания.

— Ну, не только из-за Вас. Мне кажется, что Хинта, как

и все здесь, застрял в каких-то убеждениях. Нет, он не такой, как другие. Он лучше. Но он как будто на полпути между мной и людьми. И иногда от этого тяжело.

— Ты хочешь, чтобы он был больше похож на тебя?

— Это неправильно, да?

— Я не знаю. Тебе решать.

Тави утрюмо кивнул.

— Помириться будет сложно.

— А причем здесь все-таки я? Я, кстати, встретил твоего друга сегодня утром.

— Да? У него же не было с Вами занятий?

— Не было. Мы просто случайно оказались в одно время в одном месте. Узнали и поприветствовали друг друга.

— Так вот откуда он узнал, — протянул Тави.

— Узнал о чем?

— Что Вы наш новый учитель.

— А он не знал?

Тави закрыл лицо руками.

— Я ему не сказал. И все время на это была какая-то причина. А главная была в том, что я чувствовал в нем что-то... ну, как будто Вы ему не по душе. Я знал, что он будет странно реагировать, если я расскажу про наше с Вами общение.

Мужчина молчал. Он думал о том, что Хинта, очевидно, ничего никому не пересказал из подслушанного разговора. Это радовало. Ему нравилась их дружба, она напоминала ему то, что сам он в своей жизни потерял.

— И я сделал только хуже. Сегодня он узнал это сам и просто набросился на меня. У нас была почти драка.

Румпа несколько мгновений раздумывал, сказать или не сказать, а потом принял решение: сказать, и быть честным.

— На какой это было перемене?

— На второй, а что? — Тави уже напрягся, будто почувствовал беду.

— К концу второй перемены Хинта в холле дрался один против нескольких старшеклассников. Я их разнял.

Теперь они стояли у прозрачной стены тоннеля и сквозь

пластиковую пленку смотрели на закат. Солнце сплавлялось с линией горизонта.

— Он в порядке? — упавшим голосом спросил Тави.

— Крови у него не было, хотя били его серьезно. Но думаю, я вовремя успел вмешаться. Я не стал сообщать начальству, и никаких проблем у твоего друга не будет, если, конечно, не случится новой драки.

— Это из-за меня, — медленно выдохнул Тави.

— И что будешь делать?

— Я не знаю, — со слезами в голосе ответил мальчик. Теперь это был тот, прежний Тави, и у учителя отлегло от сердца. — Но он был неправ! Что мне было делать, если он лез на меня и говорил столько глупых и плохих вещей? Он вообще стал говорить мне, что меня нет, что я всегда чужая калька: сначала моей матери, а теперь Ваша.

От последних слов Румпа неуловимо помрачнел. Он и сам не мог не замечать, как они с Тави похожи. От этого ему делалось не по себе, как и от обожания, которым тот его одаривал. А уйти в сторону было уже невозможно.

— Так вот кого ты имел в виду, когда рассказывал про свои и чужие мысли.

— Да.

— Прости, но мне действительно нужно домой. Я очень устал.

Они вошли на второй этаж жилого корпуса. Здесь были коридоры с богатой отделкой, на потолке ровным светом горели яркие лампы.

— Когда люди ссорятся, они обычно все немного неправы и все немного правы. И когда они мирятся, каждому из них приходится за что-то извиняться и за что-то прощать.

— Я понимаю.

Остаток пути до квартиры Румпы они проделали молча.

— Ну что ж, — сказал учитель, — увидимся завтра на занятиях.

Тави улыбнулся. Ему явно было легче, чем в начале разговора.

— Мне интересно, как это будет. Какой Вы за кафедрой.

— Скоро увидишь. Но поверь мне, я и за кафедрой — обычный человек.

— А знаете, куда я сейчас пойду? — вдруг спросил Тави.

— Домой, как и я? — уже догадываясь, что ошибется, предположил мужчина.

— Нет, — шмыгая носом, возразил Тави. — В ламрайм. Румпа широко улыбнулся.

— Ну, тогда удивительного тебе лама, — пожелал он. Его серые глаза блеснули, и от этого Тави стало жутко и хорошо.

— А Вам хорошего отдыха, — откликнулся он.

Они кивнули друг другу и разошлись.

Поздно вечером Хинта лежал на верхнем ярусе их общей с братом кровати и смотрел в окно. Тело до сих пор ныло после драки. Ашайта уснул. Улицу ярко освещали прожектора — они зажигались каждую ночь с тех пор, как Шарту оказался на осадном положении. За прошедшие недели Хинта привык к этому белому сиянию, оно уже не удивляло и не мешало спать. Но сейчас он вдруг с необычайной ясностью вспомнил, как видел этот искусственный свет в первый раз — в ночь после гумпрайма. Тогда он переживал за Тави, корил себя за трусость и, плача от стыда и страха, молился о том, чтобы их дружба осталась жива.

С тех пор все будто перевернулось. Теперь ему тоже было стыдно, но не за себя сейчас, а за то, каким мягкотелым он был тогда. На этот раз Хинта не плакал. Он вел с самим собой жесткий, жестокий и не очень честный спор. Его внутренние конфликты утратили способность сглаживаться и угасать, внутренние монологи не посвящались больше поискам слов примирения. Почти всем своим существом Хинта хотел причинить Тави боль. Он хотел, чтобы во время их следующего разговора тот плакал и жалко извинялся. Когда Хинта особенно сильно сосредотачивался на своих темных эмоциях, у него в висках начинало тонко звенеть, словно в голове у него помещался высоковольтный генератор электро-злобы.

Но генератор был лишь частью большей машины. Эта

машина — машина обиды в нем — обладала тупой несгибаемой волей и расчетливым процессорным разумом. В то время как генератор поднимал вокруг себя энергетический ярость-шторм, процессорная часть машины занималась вычислениями. Подчиняясь ее логике, Хинта прикидывал, как долго Тави будет упираться, и как заставить того в полной мере осознать свою неправоту. Каждый раз, когда Хинта встречал в своей памяти какую-то истину, которая говорила о его собственной неправоте и о правоте Тави, он вместо раскаяния испытывал пароксизм отчуждения и ярости: включался генератор внутреннего шторма. Так, к примеру, он жутко разозлился, когда вспомнил, что попытка Тави выступить перед гумпраймом случилась прежде, чем тот мог обстоятельно поговорить с Иварой Румпой. Это доказывало, что перелом во взглядах Тави произошел без участия чужака. Хинта не желал это принять — и сразу попытался развернуть воспоминание в свою пользу. Он решил, что оно лишь обличает очередную ложь Тави: очевидно, тот не мог сам прийти к новым идеям, а значит, он тайно общался с Румпой еще до гумпрайма. Однако затем Хинта сообразил, что как ни крути, а все случившееся с Тави в гумпрайме выросло из рассуждений о Джилайси Аргнире. Тави был верен этому герою всю свою жизнь, так что здесь Хинта уже никак не мог усмотреть чужого влияния. Но и это открытие вызвало у него лишь досаду и очередную вспышку ярости. Он начал упрямо хитрить внутри себя. Ему пришло в голову, что можно перевернуть всю ситуацию и посмотреть на нее иначе. Пусть Тави пришел к своим идеям сам, но тогда каковы же были эти идеи, если они заставляли его испытывать симпатию к сбежавшему из Литтаплампа безработному сумасшедшему?

И тут Хинта переключил свою ярость на нового учителя. Теперь он верил в каждое недоброе слово, которое директорша бросала тому в лицо. Да, Ивара Румпа был больным, ничтожным, а пуще того, безответственным обманщиком и злокозненным манипулятором. Даже в том, как чужак вмешался в драку в холле, Хинта был готов теперь увидеть призрака какого-то злого умысла. Сейчас он уже почти верил в

то, что учитель мог заранее просчитать его реакцию и сделал свое как бы доброе дело исключительно ради того, чтобы Хинта обещал ему свое молчание. Думая так, он однозначно решил, что не пойдет на лекции Румпы и завтра же попросит, чтобы ему вернули прежнее расписание. А потом он неожиданно осознал, что если поступит подобным образом, то даст Лартриде Гарай повод уволить нового учителя.

Эта мысль напугала и взбудоражила Хинту. Конечно, тут было несколько оговорок. Во-первых, директорша вроде бы сама отвергла пари. Во-вторых, в пари, которое предлагал Румпа, речь шла об ученике, бросившем ходить на его занятия. Можно ли считать ученика бросившим занятия, если он отказался от них еще до того, как они начались? С другой стороны, Хинта запомнил гнев, в котором была Гарай. Он мог представить, что теперь она использует любой повод, лишь бы избавиться от нового учителя. То есть он, Хинта, держал сейчас жизнь этого взрослого человека в своих руках, мог разрушить ее одним движением.

Когда он до конца все это понял, ему стало совсем не по себе. Это было не то же самое, что ссориться с Тави. Зрима пропасть пролежала между серьезностью подобной мести и масштабами той нынешней полудетской обиды, которую испытывал Хинта. И как бы зол он ни был, он это понимал. Многие в Шарту могли издеваться над Ашайтой, но никто еще не посягал на то, чтобы силой изгнать больного ребенка из поселка. Лишить учителя единственной работы было все равно, что приговорить его к ostracismу.

Хинта задохнулся и зажмурился, а потом ощутил новый приступ ярости, направленной против Тави. Тот глупо и случайно обрек его ходить на уроки этого ненормального чужака. И если Хинта не хотел замарать рук, то, значит, он был приговорен к году заранее ненавистных факультативов и студий.

На следующий день у Хинты была его первая лекция по онтогеотике. Часом раньше в студии Румпы занимался поток

Тави, так что они были вынуждены столкнуться в коридоре. Увидев друг друга, они на мгновение замерли; между ними образовалась запретная земля — ни обогнуть, ни перейти. Мгновение в глазах у обоих сверкала показная гордость, под которой прятались потаенные слезы. А потом первое оцепенение прошло, и они, сжавшись и не здороваясь, прошли мимо друга. Каждого унесла своя толпа.

На нелюбимых предметах Хинта предпочитал сидеть в задних рядах. Сейчас он хотел поступить так же, но на факультатив ходило слишком мало ребят с его потока, и ему не удалось спрятаться за их спинами. Он побродил между пустующих парт галерки, уныло вернулся назад и сел в центре. Уже опустившись на выбранное место, он поймал на себе взгляд преподавателя. Тот тут же отвернулся, но у Хинты осталось неприятное чувство, будто Румпа как-то особенно пристально наблюдал именно за ним. От этого в его душе с новой силой восстали все параноидальные подозрения насчет того, как искусно этот чужак может манипулировать людьми.

Прозвучал сигнал начала урока, и новый учитель вошел на кафедру. Он молчал и рассматривал учеников. Хинта, пусть и со злобой в сердце, все же оценил этот ход. Был какой-то особенный шарм в том, чтобы вот так спокойно начать свое первое занятие. Тринадцатилетние мальчики дисциплинированно сидели на своих местах и щурились в ожидании слов взрослого. А тот держал паузу — казалось, в этом умении он может сравниться с лучшими ораторами гумпрайма.

— Мое имя Ивара Румпа, — наконец, произнес он, — и я приехал в Шарту всего месяц назад. Знаю, это необычно, поэтому, чтобы не дразнить понапрасну ваше любопытство, предлагаю начать наше первое занятие с пятиминутки вопросов. Любой из вас может спросить меня о чем угодно. Но тогда и я в ответ тоже спрошу его о чем угодно. И мы оба должны будем ответить честно и полно.

Ребята шевельнулись, но по-прежнему царила тишина. Румпа зажег над кафедрой голограмму с обратным отсчетом.

— Если вопросов не будет, то я сразу перейду прямо к

началу лекции. Ну, кто первый?

Голос подал Драва Таджура.

— Откуда Вы приехали?

— С той стороны Экватора. Если точнее, то из Литта-плампа, а еще точнее, из университетского квартала директори Кафтал.

Многие ребята невольно охнули от удивления. Никто из них ничего не знал о мире по ту сторону Стены, и уж тем более про директорию Кафтал. Хинта сам впервые услышал это название, когда вчера случайно подслушал разговор между новым учителем и директоршей.

— Кто променяет жизнь там на жизнь здесь?

Румпа остановил Драву предупреждающим жестом.

— Сначала мой вопрос.

— Простите.

— Ты всегда самый бойкий в потоке?

Раздались ехидные смешки, но Таджура не смутился.

— Нет. Из тех, кто здесь, еще Нима Крайф и Ладжи Та-дана. — Те подняли руки. — И еще вот он, — указал он на Хинту. — Но он всех забывает только на роботехнике.

Хинта подавленно вжал голову в плечи.

— А меня зовут Драва Таджура. Теперь ответьте на мой вопрос.

— Кто променяет жизнь с той стороны на жизнь здесь... Ты удивишься, но многие поступили бы так, если бы знали, что здесь есть подходящая работа и вполне нормальные условия для жизни. Разумеется, желающих было бы в сотни раз больше, если бы, переселившись за Экватор, они могли сохранить гражданство. — Румпа посмотрел прямо на Таджуру. Тот вдруг не выдержал этот взгляд и потупился. — Что касается меня, я был исследователем в университете Кафтала. С той стороны Экватор изучен почти полностью. С этой же стороны никто не занимается мониторингом его состояния, не замеряет характеристики землетрясений, не ведет раскопки. Между тем, эта земля может скрывать в себе множество секретов. Так что меня привел сюда профессиональный интерес. Мой энтузиазм ученого сильнее, чем страх утратить со-

циальный статус. Такой ответ тебя устроит?

— Да, — подумав, согласился Таджура.

— А теперь мой вопрос. Чего ты боишься больше всего на свете?

Таджура подошел к ответу серьезно.

— Это не одна вещь. Я боюсь проиграть в любой игре. Боюсь своих болезней и чужих похорон.

Румпа кивнул ученику и ждал, когда будет задан новый вопрос. Выступил Нима.

— А чего Вы боитесь больше всего? — к радости одноклассников, вернул он учителю.

Румпа усмехнулся.

— Своих студентов. Никогда не знаю, чего от них можно ждать.

— Оу, — сказал Нима. Напряжение, повисшее в воздухе после ответа Таджуры, сразу разрядилось, теперь почти все улыбались. Только Хинта по-прежнему мрачнел.

— Но если быть честным, это тоже не одна вещь. Я боюсь не выполнить обещаний, данных людям, которых уже нет в живых; боюсь собственных амбиций — они несколько раз почти разрушали мою жизнь; боюсь своей судьбы — мне часто кажется, что у нее какие-то чрезмерные планы на мой счет. — Он замолчал, глядя на Ниму, и тот, как и Таджура, вдруг тоже не выдержал его взгляд. Было что-то неуловимо-особенное в серых глазах Румпы, из-за чего людям делалось слегка не по себе. — Кем бы ты хотел стать, Нима?

Нима нашел в себе силы снова посмотреть на учителя.

— Вообще... героем. Но, поскольку это время ушло... то, возможно, актером в ламах... но, поскольку я живу в Шарту... то, возможно, шерифом или специалистом по безопасности. Этот факультатив мне нужен, чтобы понять, какие природные опасности могут угрожать поселку, и как можно было бы использовать землю под нами для защиты от омаров.

Учитель кивнул. А Хинта окончательно помрачнел. Он сам лишь испытывал смутное восхищение по поводу шерифа. А тут оказалось, что Нима уже превратил эту идею в свою ясную мечту и в программу для конкретных действий. На его

фоне Хинта ощутил себя вторичным, а свою жизнь — разболтанной и бесцельной. И снова он мог обвинить в этом Тави — ведь это с Тави они когда-то говорили про шерифа, и тот тогда не разделил в полной мере восторги Хинты, а тем самым сбил его с простого пути, на котором теперь уже был Нима.

— Еще я хожу на спорт, так как хочу быть сильным, и на роботехнику, так как с дронами сейчас связаны все системы безопасности.

Румпа снова кивнул. По его лицу невозможно было понять, одобряет он выбор своего ученика или нет. Следующим слово взял Ладжи Тадана.

— Уже можно задавать новый вопрос?

— Само собой.

— Хочу вернуться к прежней линии разговора. Вы сказали, что приехали в Шарту ради исследований. Но сейчас Вы здесь, перед нами, Вы — учитель. Как Вы намерены совмещать то и другое? Или у Вас просто нет средств к существованию?

Прозвучало это как вызов.

— Мои исследования могут занять годы, — спокойно ответил Румпа, — а человек не может жить вне общества. Поэтому, если я куда-то приезжаю жить, то я должен там кем-то стать. У меня была мысль найти другую работу, например, землемера-георазведчика. Но из-за нападения омаров все мирные экспедиции в пустоши свернуты на неопределенное время. В результате я стал тем, кем мог стать, то есть учителем в школе.

Класс слушал с интересом.

— К тому же я люблю преподавать, хотя раньше я преподавал не детям и подросткам, а взрослым студентам.

— А что касается Ваших средств?

— Разве это не второй вопрос? — парировал учитель. Раздались смешки. — Впрочем, я отвечу. У меня есть деньги, но я предпочитаю зарабатывать столько же, сколько трачу на проживание, потому что мои сбережения всегда могут мне понадобиться для покупки какого-нибудь научного оборудования. Теперь ты доволен, Ладжи?

— Кажется, да, — со скрипом согласился мальчик.

— Кем работают твои родители?

— Отец возглавляет отдел логистики на фратовых складах, а мать — секретарь администрации поселка.

— Ясно. Пять минут кончаются. У нас осталось время для последнего вопроса, — сказал Румпа, и почему-то взглянул на Хинту. Но тот старался исчезнуть и не выказывал ни малейшего желания принять участие в разговоре. Поэтому вопрос задал Таджура.

— Почему Вы стали ученым?

— В детстве я очень увлекался мифами, а повзрослев, обнаружил, что мне их недостаточно. Я хотел знать больше о каждой истории, которую читал или видел в ламах. Так что, пожалуй, я стал ученым, чтобы открывать сокрытое в мифах. Тебя устроит такой ответ?

— Не совсем. Хочется узнать, что же Вы открыли.

Таймер добежал до нуля — пятиминутка кончилась.

— Это уже новый вопрос, — сворачивая голограмму, усмехнулся Румпа. — Я на него отвечу, но не сейчас, а со временем. Все, что я знаю, неизбежно будет всплывать в ходе наших занятий. И теперь у меня к тебе, Таджура, будет чисто технический ответный вопрос: скажи, в прошлом году, когда вы еще были шестым потоком, отработал с вами прежний учитель свой курс до конца?

— Да.

— Простите, а можно еще один вопрос, но уже не про Вас? — встрял Нима.

— Только один.

— Прежний учитель онтогеотики, Нангвута Сайга, очень хорошо вел свой предмет. Почему он ушел?

— Он не ушел из школы. Он все еще ведет химиюфизику. Просто у него родился внук, и он хотел сократить число своих курсов, чтобы уделять больше времени семье. С двумя другими предметами, которые я взял, произошло примерно то же. Лартрида Гарай отдала мне историю, а себе оставила язык, так как занятия языком входят в базовый курс — их намного больше и они тяжелее. К тому же, она директор. А Джуна Да-

хати, который раньше один отвечал за весь комплекс творческих студий, отдал мне мифологию, но оставил себе музыку и скульптинг.

Нима кивнул, показывая, что его любопытство удовлетворено. Румпа снова повернулся к Таджики.

— Вы успели дойти до вопроса о катастрофе времени?

— Кажется, только косвенно.

— Тогда с нее мы и начнем. Откройте на терминалах парт курс шестого потока, сразу раздел два.

Ребята зашевелились, будя терминалы и набирая в них нужный запрос.

— Как вы уже знаете, наша планета получила тридцать шесть больших ударов. Почти все они пришлись по касательной, против направления ее вращения. В Землю били твердые части кометы, распавшейся из-за действия на нее приливных сил Солнца. Каждый из больших ударов заметно снижал скорость вращения нашей планеты. В прошлом году вы изучали причины, по которым начало остывать ее ядро. И поэтому вы изучали то, как изменение скорости вращения повышает число Элиссара. Все помнят, что такое число Элиссара?

Неожиданно ответил один из новичков-крайняков, имени которого Хинта не помнил.

— Критерий подобия в магнитной гидродинамике, определяющий соотношение между магнитной силой и силой Кориолиса, — негромко, но четко отпартовал он. — Вторым важным фактором повышения числа Элиссара стало частичное разрушение Луны, так как оно непосредственно повлияло на магнитосферу планеты.

— Очень хорошо. Как твое имя?

— Вилара Стайи.

Учитель кивнул.

— Но разрушение Луны нас сейчас не будет интересовать. Мы сосредоточимся на более простом последствии ударов и изучим другой комплекс формул. Солнце может освещать Землю лишь с одной стороны. Поэтому каждый раз, когда скорость вращения планеты меняется, неизбежно ме-

няется продолжительность дня и ночи. Череду хаотических перемен в продолжительности суток выжившее человечество начало называть «катастрофой времени». Это изменение может показаться незначительным, но оно имело роковое значение для всех процессов на планете. Исчисление времени, которым мы пользуемся сейчас, было принято на саммите временных правительств трех континентов через десять лет после последнего удара и примерно за полвека до того, как уцелевшие люди Земли основали несколько новых государств, позднее преобразившихся в известные нам Лимпу, Джидан и Притак.

Румпа пробежал руками по терминалу, и в воздухе над кафедрой засияли формулы.

— Наше исчисление времени основано на все тех же терминах, которые применялись для исчисления времени на древней Земле, но наша секунда не равна их секунде, наша минута — их минуте, наш час — их часу, наши сутки — их суткам, наш год — их году. Секунды, минуты, часы и сутки были пересчитаны в соотношении одна целая сто пятьдесят пять тысячных у нас против одной целой у них. То есть их сутки, по нашим меркам, длились двадцать часов и сорок три секунды.

— А год? — спросил Нима.

— Нет. Ни наш месяц, ни наш год нельзя рассчитать по этой формуле, так как год и месяц зависят не от скорости вращения Земли вокруг собственной оси, а от скорости вращения Земли вокруг Солнца и от траектории Луны. Вращение Земли вокруг Солнца замедлилось лишь чуть-чуть. А вот вращение Луны вокруг Земли ускорилося. Наш год длится триста тридцать девять дней против трехсот шестидесяти пяти дней на древней Земле. То есть, с учетом продолжительности нашего дня, наш год немного больше прежнего земного года. При этом наш год включает в себя четырнадцать лунных месяцев против двенадцати лунных месяцев на древней Земле...

Лекция продолжалась еще час, усложняясь от шага к шагу, и, в конце концов, Хинта поймал себя на том, что ему интересно высчитывать, как одно время превращалось

в другое. Он пытался вообразить себе великих древних с их совершенно иным ритмом жизни, пытался представить несчастных людей эпохи катастрофы, которые, оказывается, мучились не только от холода и голода, но еще и от того, что их дни и ночи стали непривычно длинными. А Румпа пережегал вычисления интересными отступлениями, говорил о «временной болезни», которая поразила людей после катастрофы, о последовавшей затем эпохе адаптации, о спорах ученых, которые долго не могли сойтись во мнении о том, как именно пересчитать старое время на новое и какими единицами измерения пользоваться. Под конец лекции Хинта чувствовал себя разорванным и усталым: он почти подпал под обаяние Румпы, но вместо радости испытывал какое-то мучительное чувство — обида на Тави оскоминой засела в душе, и из-за нее все по-прежнему казалось горько-кислым.

А потом случилось еще кое-что.

— Ну, вот и все, — сказал учитель, — на этом мы сегодня закончим. А теперь, используя пять минут, оставшиеся до конца урока, я хочу сделать пару небольших объявлений. — Он выключил свой терминал, и все голограммы исчезли, очищая пространство студии от мерцающих в воздухе уравнений и схем. — Домашних заданий в обычной письменной форме почти не будет. Не надо делать никаких упражнений на терминалах. Формулы знать надо, но я заранее верю, что вы будете повторять их без моей дополнительной указки. Все формулы, которые мы проходим, понадобятся вам на экзамене, прошу об этом не забывать!

Ребята усиленно закивали. Было в их согласии некоторое лукавство, потому что почти каждый, разумеется, думал, что отложит все сложное и неинтересное на самый конец полугодия.

— Это было первое объявление. А теперь второе: учитывая специфику нашего предмета, я считаю, что мы не должны проводить все занятия в этом кабинете. Хотя бы раз в месяц я хотел бы делать экскурсию к каким-то интересным местам, где можно воочию увидеть, как в окрестностях Шарту работают законы онтогеотики.

— А как же план Киртасы? — спросил Нима.

— Я над этим работаю. Во-первых, границы Шарту уже неплохо охраняются. Во-вторых, есть направления, где угроза омаров считается несущественной — например, маршрут вдоль Экватора. — Румпа бросил короткий взгляд на Хинту. Тот больше не ежился от каждого его взгляда, как в начале занятия, но все еще смотрел угрюмо. — Я буду стараться получить разрешение на эти экспедиции у школьного начальства и у администрации поселка. Вдоль Экватора я уже бродил сам — там есть места, где из скал потрясающе четко проступает слоистая порода, и можно, глядя прямо на пласт, рассказывать, как магнитное поле Экватора морфировало расположенную под нами геологическую плиту.

— Будет здорово, — поддержал Таджура.

— Но я знаю здесь еще не все, поэтому в качестве устного домашнего задания у меня просьба ко всем — подумайте, быть может, вы видели что-то интересное: необычные камни, расселины, шлейфы магмы, или даже остатки каких-то древних строений. Любой из таких объектов может представлять интерес.

— А можно уже сейчас что-то предлагать? — спросил Нима.

— Конечно. Но до конца урока уже совсем мало времени.

— Через два месяца будет годовщина гибели прежнего Шарту. Вы еще не знаете наших обычаев, так что...

— Я знаю, что почти все жители поедут к мемориалу на побережье. И я также знаю, что там есть на что посмотреть. Поэтому я еду вместе со всеми. Если до или после церемонии администрация поселка позволит мне провести экскурсию вдоль побережья, то я обязательно соберу на нее всех своих учеников: и ваш поток, и тех, кто младше, и тех, кто старше.

— Ура, — обрадовался Нима.

— Есть еще идея, — подал голос новичок Вилара Стайи, но его слова перекрыло сигналом окончания урока. Ребята начали собирать вещи. Румпа сошел с кафедры и остановился перед ним.

— Какая идея?

— Дыры в земле. Те, из которых туман.

На лице учителя что-то отразилось. Это длилось лишь мгновение, но Хинте показалось, что он видел, как Румпа теряет самообладание.

— Что ты имеешь в виду? — уже спокойно спросил тот. Другие ребята уходили, не обратив внимания на этот разговор, а Хинта нарочно застрял, вяло копаясь около своей пары.

— Я не знаю, как их правильно назвать. Это не ущелья и не трещины, скорее, какие-то ямы, а может быть, гейзеры или маленькие кратеры. Они изредка появляются на крайнем юго-востоке территорий поселка. Те, кто там живет, думают, что туман идет на Шарту из этих ям — вблизи видно, как они дымятся. И земля у них внутри чернеет.

— Они выделяют горячий тендра-газ?

— Понятия не имею. Но одна такая появилась за ночь под парником моего дяди. И когда он вошел внутрь, все растения внутри были мертвыми и черными, будто сгорели.

Хинта медленно прошел к выходу из класса.

— Это действительно очень интересно, но это самый край. Вряд ли мы получим разрешение на такую дальнюю и опасную экскурсию.

— Мое дело предложить. К тому же я бы просто хотел знать, что это такое. И не только я — многих фермеров оно напугало.

— А что, раньше этого не было?

— Этого никогда не было. Оно появилось в эти каникулы, недели за две до начала нападений омаров.

Хинта уже выходил в коридор, эти слова донеслись ему в спину, и почему-то от них ему стало не по себе.

— Даже если не удастся экскурсия, — обещал Румпа, — я обязательно попробую съездить туда сам.

— До следующего занятия, — попрощался Вилара. Несколько секунд спустя они с Хинтой поравнялись в коридоре. Новичок шел быстрее, чем Хинта, тот пропустил его вперед и задумчиво-встревоженно смотрел ему вслед, пока спина

крайняцкого мальчика не исчезла за углом коридора.

Уже позже, обдумывая эту сцену, Хинта почему-то вспомнил слова Тави, когда тот после гумпрайма говорил, что чувствовал какой-то неясный страх среди элиты поселка — будто те уже знали плохую новость, которую не знали все остальные. Вот и Хинта теперь почувствовал этот неясный страх в учителе, хотя до этого ему казалось, что Румпа самый спокойный и неприступный из всех взрослых.

После второго учебного дня последовали другие; за онтогеотикой потянулись история и мифология. Сам того не замечая, Хинта погрузился в школьную жизнь и в мир интересных дополнительных занятий, три из которых вел новый учитель. На мифологии он был вынужден видаться с Тави. Их ссора не прекращалась, и они боялись заговорить друг с другом. Тави пытался писать Хинте смутные, сбивчивые письма на терминал. Хинта не давал на них ответа. И все же он ощущал, как его ненависть начинает размываться и проходить. На смену ей приходило другое чувство — нечто вроде обычного непонимания; Хинта все сильнее не понимал, почему Тави не мог просто сказать ему про свое общение с Румпой.

Так они и жили, глядя друг на друга издалека. Это продолжалось, пока семью Хинты, Шарту и мир вокруг не потрясли новые события.

ГЛАВА 5

ТОПАСЦАЯ ЗЕМЛЯ

В конце второй учебной недели, на исходе урока истории, Румпа дал потоку Хинты необычное домашнее задание.

— Наше сегодняшнее занятие подходит к концу. Следующая лекция будет посвящена изучению системы первоисточников, оставшихся от периода предвоенного кризиса. И поскольку некоторым может показаться скучной сама мысль о штудировании старинных текстов, я решил заранее познать вас с таким своеобразным видом первоисточников, как джалипа. Кто-нибудь из вас уже знает, что это такое?

Хинта был единственным из ребят своего потока, кто выбрал себе сразу все предметы Румпы, так что на историю вместе с ним не ходили ни Драва, ни Нима, ни Ладжи, ни новичок-крайняк Вилара. Здесь группу активных учеников возглавляли Тимба Зоганга и Вондра Тайрума, которого Хинта знал раньше по скульптингу и с которым в первый же день учебного года так неловко поговорил о Тави. Сейчас Тимба и Вондра синхронно помотали головами.

— Понятно. Тогда скажу сам. Джалипа — это такие специальные остроумные головоломки, наделенные социальным и культурным подтекстом. Когда-то они пользовались огромной популярностью. Их принято было рассказывать-загадывать друг другу в дружеской компании, во время застольной беседы. Шутники с помощью джалипа шутили, мудрецы использовали, чтобы пропагандировать свои идеи, а какой-нибудь политик мог сочинить ироническую загадку

про грязные подштанники своего оппонента.

Упоминание исподнего белья вызвало среди ребят легкое оживление.

— Но это неудивительно, что никто из вас не слышал о джалипа. В большинстве своем они устарели и уже не кажутся ни меткими, ни забавными, а некоторые из них теперь и вовсе невозможно понять, если не знаешь какие-то особенные нюансы той культуры, в которой они возникли. Поэтому в наши дни сборники джалипа пользуются популярностью только у специалистов — историков и мифологов. И все же, на мой взгляд, если хорошо поискать, то можно еще найти такие джалипа, которые сверкают тем же остроумием, что и в дни своего появления. Одну из них я вам загадаю сейчас — и поиски ответов на нее будут вашим домашним заданием. Итак, слушайте внимательно. Трех человек — одного из Лимпы, одного из Притак и одного из Джидана — заперли в одной комнате. Там им оставили лишь две вещи — горячий тигель и кусок льда. За пределами комнаты царила стужа, и даже сквозь замочную скважину внутрь заносило снежинки. Разумеется, эти три собрата по несчастью вскоре перебороли чувство взаимной неприязни, сели вокруг тигля, источающего тепло, и стали спорить о том, как же им поступить дальше. Через некоторое время они бросили лед в тигель, так как все согласились, что лед необходимо растопить. Но при этом каждый из них видел в этом поступке только свой смысл. Как по вашему, для чего кипящая вода была нужна каждому из них?

Ученики зашевелились, озадаченные загадкой.

— Эта джалипа, с ответами к ней, существует уже более семи сотен лет. Ее автор неизвестен, но известно, что она начала свою жизнь в западном пригороде джиданского города Налиджан. Там она сразу распространилась среди всех сословий и быстро попала в средства массовой информации, после чего стала всеобщим достоянием. Затем она была записана. Через джиданских пленных она со временем проникла и в другие культуры — сначала в Притак, затем в Лимпу. Причем, что интересно, каждый из трех народов повторял эту за-

гадку на свой лад, так как считал, что она льстит именно ему, а остальных выставляет идиотами.

— А ответ у нее считается один или три? — спросил Тимба.

— Три. Три канонических ответа, по одному для каждого из пленников. Кроме того, есть еще около дюжины вариантов, которыми эта джалипа обрастала на протяжении десятилетий своей популярности. Это легкий шанс заработать первый балл в этом семестре: по баллу получит каждый, кто в течение следующей недели сможет найти хотя бы один из возможных ответов для одного из пленников. Советую не сообщать свои догадки товарищам, а приходить с ними прямо ко мне. Двери моей студии открыты каждый день недели на третьей и четвертой перемене.

— А если я найду больше чем один ответ? — встрепенулся Вондра.

— Ты справедливо получишь столько баллов, сколько найдешь ответов.

— А если у меня уже есть ответы?

— Все ответы я буду готов выслушать на перемене. А сейчас, поскольку у нас еще осталась минутка, я лучше использую ее, чтобы предостеречь вас от некоторых типичных ложных ходов. Во-первых, они все топили лед не для того, чтобы попить. Во-вторых, тигель тяжелый, и поднять его невозможно, даже втроем. Нагретым он остается постоянно. Его источник питания вне досягаемости, где-то за пределами комнаты. Одним словом, не надо пытаться использовать тигель для поисков ответа на загадку.

— Если тигель не...

— Минута кончается. Позволь мне договорить. На тигле есть плошка или черпак, с помощью которых можно оперировать с кипящей водой, поэтому считайте, что воду из тигля в любом ее состоянии можно куда-то в этой комнате переместить или для чего-то использовать. При этом плошку мы тоже исключим из уравнения. Плошка совершенно безобидна и не подойдет в качестве оружия против тюремщиков.

Эта дополнительная оговорка вызвала в аудитории

смешки. Мгновение спустя раздался сигнал завершения урока.

— Ну, вот и все. Загадка в полном вашем распоряжении. С этого момента и всю неделю ко мне можно подходить с ответами или с дополнительными вопросами.

Вондра и Тимба задержались, пытаясь с ходу получить свои баллы, но учитель с ласковой насмешливостью отверг их попытки с наскока найти решение. Остальные ученики, включая Хинту, начали заинтригованно расходиться.

До сих пор Хинта не сказал на уроках Румпы ни единого слова: раскрыться ему мешала инерция обиды на Тави. Сейчас он, как и в прежние дни, снова угрюмо подумал, что не собирается искать решение и подходить к учителю со своими вариантами. Однако, как бы он ни боролся, живительная заинтересованность все же проникла светлым лучиком в темноту его обиженной души. Его технический ум сам собой увлекся поисками возможных вариантов. На протяжении следующих дней Хинта, сам того не замечая, все чаще возвращался мыслями к загадке. Он обдумывал ее даже тогда, когда с его братом случилась беда, когда его сердце разрывалось от страдания, а земля уходила из-под ног.

С первых дней учебного года Хинта мечтал о моменте, когда отец, наконец, освободится от патрулей и снова возьмет на себя работу в теплицах. И Атипа действительно почти освободился: патрули значительно сократили, теперь его отряд нес дежурство лишь раз в неделю. Однако мгновенную свободу это Хинте не принесло: в теплицах семьи Фойта дозрел харут, и в течение нескольких следующих дней нужно было потрудиться на сборе сладких плодов. Поскольку своих рук не хватало, Атипа даже призвал на помощь Риройфа.

Вечером после урока истории Хинта, ловко балансируя, стоял в полный рост на платформе Иджи, а ослик медленно двигался по внешней окружности теплицы. Время было позднее, солнце клонилось к горизонту, в узких заросших проходах уже сгущались сумерки. Хинта работал в зеленой,

душисто-душной тесноте, ощущая, как сочные листья пропитывают росой его одежду и волосы. На платформе у его ног помещалась большая пластиковая корзина, в которую он осторожно скидывал собранные плоды. Они ложились друг на друга с липким звуком.

Единственным удовольствием, которое можно было найти в этом процессе, являлся сам харут. Хинте даже не нужно было есть плоды — они настолько сильно пачкали его руки соком, что он мог за час получить недельную порцию сладкого, просто облизывая пальцы. И он делал это, а фруктовый сок заполнял ему рот терпким пьянящим вкусом.

Иджи тянул за собой две механизированные платформы разной высоты. На первой стоял Риройф, на второй — Атипа, а за ними по земле шли Лика и Ашайта. Впятером они могли за один круг собрать урожай сразу со всей зеленой стены.

Разговор шел главным образом между мужчинами. Атипа жаловался, что патрули отняли у него последнюю возможность выкроить время для себя. Риройф безрадостно солидаризировался с приятелем.

— Я и сам уже не так часто бываю в «Пристанище». Не те пошли времена.

«Пристанищем Таника» назывался один из трех кувраймов Шарту. Когда-то давно, когда Хинта был еще совсем маленьким, отец объяснил ему, что кувраймы — это вроде как ламраймы, но только для взрослых. В кувраймах было темно, там подавали кальян-шайфу и спиртные напитки, наиболее популярным из которых традиционно оставался кувак. Внутри себя куврайм, как и ламрайм, делился на круглые залы, в центре каждого из которых находилась арена, только транслировались на эту арену не заранее снятые лампы, а происходящие прямо сейчас спортивные поединки.

— Что так? Дело в омарах? Или денег не стало?

— Да что мне омары и деньги, — с тоской отозвался Риройф. — Тебя вот семья сдерживает. А я человек свободный — на жизнь заработал, остальное могу спустить. Но, понимаешь, скучно. Раньше самый интерес был в матчах по группо-

вому крайта. Тебе ли не знать, я на них даже ставочки кое-какие делал.

Атипа суетливо зашуршал в листе, показывая, что не стоит говорить о ставках при Лике, но сосед отмахнулся.

— Я к другому веду. Скучно-то почему стало? А потому, что в региональной Лиге Клинка сидят одни литтаплампские мошенники. Они только за этот год дважды меняли границы площадных категорий. Целых. Два. Раза. За. Один. Год. Понимаешь? И все для того, чтобы малонаселенные провинции не смогли собрать ни одной полноценной команды! Ну и зачем мне смотреть эти матчи, когда там последняя приличная команда принадлежит самому городу? Ты же знаешь, я никогда за них не болел.

— Да, плохи дела, — согласился Атипа.

Площадными категориями называлась классификация игроков по площади поверхности тела. Для крайта эта характеристика была самой важной. Игра осуществлялась на арене виртуальной реальности. Каждый игрок вооружался двумя игровыми пистолетами. Мишени хаотически возникали в разных местах в воздухе над ареной. Попадать в людей было запрещено — игрок, подстреливший другого игрока, немедленно выбывал. Чтобы победить, игроки должны были: своим телом прикрывать мишени, возникшие на их территории, и подставиться под максимальное количество попаданий противника; при этом поразить как можно больше мишеней на территории противника, и не задеть самого противника. Профессиональные игроки высшей категории были огромными людьми, тучными и могучими, при этом умели двигаться с молниеносной скоростью и прыгать вверх на высоту в половину собственного роста.

— Помнишь, как мы болели за команды Южного Ливайда? — спросил Риройф.

— А то. Они же самая близкая к нам аграрная провинция. Пусть и за Экватором, но все равно, что земляки.

— Так вот, считай, что их команд больше нет. После последнего передела у них осталось всего по два-три сильных игрока на каждую площадную категорию.

— Литтаплампские засранцы. Так они...

Тут их перебила Лика.

— Никто не думает, что пора включить освещение? А то я уже ломаю глаза, когда ищу плоды между листьями.

— Лампы с минуты на минуту должен включить автомат, — сказал Хинта. — Хотя вообще-то он запаздывает.

В этот момент что-то произошло. Хинта не сразу понял даже, что именно изменилось. Лампы по-прежнему не горели, последний луч заката касался купола теплицы, вокруг тесными стенами сходилась мягкая зеленая листва. А потом он осознал, что стало тихо. Иджи больше не вибрировал у него под ногами; прекратила мерно шуршать система вентиляции; поток воздуха больше не заставлял шелестеть листву харута. Исчез даже тот тихий, едва уловимый писк, который раньше всегда доносился из щитка распределения энергии.

— Странно, — сказал Хинта. Его замечание одиноко прозвучало в онемевшей атмосфере теплицы. Он сел на корточки, глянул вниз — локаторы Иджи безвольно сникли, как будто робоослик был полностью отключен. Хинта дотянулся до стальной морды, помахал перед ней ладонью. Раньше ослик всегда отвечал на подобные жесты недовольным отрицательным сигналом. Сейчас он молчал и стоял на месте, как влитой.

— У меня, кажется, сломалась маска, — сказала Лика. — Больше нет подачи кислорода.

— Одновременно с Иджи? — спросил Риройф. — Что-то тут не так.

Хинта соображал намного быстрее взрослых.

— Все не так. У нас не работает ни один прибор, включая систему очистки воздуха всей теплицы.

— Мы можем отравиться? — испугалась Лика.

— Нет, тендра-газ сюда не попадет. Но через пару дней атмосфера в закрытом пространстве стухнет.

— Давайте сойдем вниз, — сказал Риройф. — Не вижу больше смысла собирать харут.

Они спустились и все впятером пошли к распределительным щиткам и шлюзу. Лика придерживала Ашайту за

плечи. Тот вел себя необычайно тихо. Хинта не видел его лица в полутьме, но почему-то вдруг обеспокоился.

— С младшим все в порядке?

— Он просто объелся харута, — шепотом отозвалась Лица. — Что ему наши проблемы.

— Не заставляй ее говорить, — сердито сказал Атипа. — Без маски ей нужно дышать медленно и ровно.

Они дошли до шлюза и остановились. На приборных щитках не моргал ни один огонек. Отраженный свет заката умирал, покидая купол, оставляя людей в сгущающейся полутьме.

— Дела, — констатировал Риройф.

— Не понимаю, почему перестало работать все сразу, — сказал Атипа. — Обычно вещи ломаются по очереди. — Он потянул с вешалки комбинезон своего полускафандра и вывернул его так, чтобы все видели бокс коммуникатора. Коммуникатор был мертв и не включался.

— Как после посадки аккумулятора, — сказал Хинта. — Только я уверен, что у всех наших скафандров заряд в порядке.

Атипа потянул на себя полускафандр сына — коммуникатор Хинты тоже не работал.

— А мой? — спросил Риройф. Хинта подумал, что они все уже знают ответ. Атипа вывернул полускафандр Риройфа — коммуникатор не работал, как и у других. Все переглянулись. Никто еще не успел по-настоящему испугаться, но страх уже был рядом — дышал им в лицо, невидимым смерчем поднимался в темном воздухе.

— Так не бывает, — сказал Атипа.

— Но так есть, — возразил Хинта. — А что, если это омары?

— Ну почему сразу они? — возмутился Риройф. — Эти гаденыши ни разу не высунулись с тех пор, как вошел в действие план Киртасы.

— Потому что они как-то выключали наших дронов. И сейчас здесь то же самое. Как иначе объяснить, что синхронно вышли из строя Иджи, кислородный баллон и все обору-

дование теплицы?

— Именами сестер-жриц Лимпы заклинаю, чтобы ты, Хинта, был не прав, — сказала Лика. Хинта вспомнил, что в последний раз эта присказка не помогла. Это было перед гумпраймом, когда отец мрачно предположил, что в Шарту уже есть погибшие. Лика тогда тоже молилась сестрам-жрицам, а потом они узнали про дюжину смертей.

— И что теперь делать? — спросил он. — Потому что если это омары, то они уже повсюду в Шарту. А мы даже не можем связаться с другими людьми.

— Ну-ну, парень, — Риройф опустил свою сухую, узловатую руку на плечо Хинты, — не надо паники. Может, все перестало работать только в этой теплице. Надо выбраться отсюда и узнать, что происходит в Шарту.

Хинта тряхнул плечами, вывернулся.

— Обесточило не одну теплицу. Если бы одновременно сломались Иджи и кислородный баллон мамы — это было бы странно, но не очень страшно. А теплица работает от общей электростанции. Если энергии нет здесь, значит, ее нет во всем поселке.

Атипа протер на запотевшем стекле внешней стены смотровую щелку.

— Видишь что-нибудь? — спросил Риройф.

— Прожектора не горят. Значит, и правда, весь Шарту...
— Атипа обернулся к остальным. Лицо у него стало как у призрака.

— И что теперь делать? — повторил Хинта.

— Ничего.

— Как ничего?

— Связи нет. Оружия нет. Осел, и тот не работает. Скафандры будут иметь те же проблемы, что и кислородный баллон жены. А здесь мы в большом куполе очищенного воздуха, и у нас полным-полно спелого харуга. Три дня протянем.

Сердце в груди у Хинты билось то слишком быстро, то слишком медленно. На лице матери выступил болезненный пот — она уже начинала задыхаться.

— Давай я налажу твой баллон, — предложил он.

— Подожди. Дай всем решить, что делать.

— Это безумие, — зло сказал Риройф, — сидеть взаперти три дня, с больной женщиной и больным ребенком. Сидеть и думать, что не можешь получить помощь от других людей, хотя, может, у тех все в порядке. Да и оскомина будет жуткая, если жевать один харут!

— Если мы вручную откроем шлюз, то потеряем часть воздуха. Растения, может, и выживут. А вот нам возвращаться будет некуда. Поэтому...

Отец еще продолжал говорить, но Хинта уже не слушал его — он смотрел на брата. Ашайта стоял в стороне от спорящих взрослых. Раньше он всегда танцевал, его движения были плавными и непрерывными. Сейчас он застыл на месте, каждая его мышца была напряжена, лицо сделалось совсем тонким, бледным до синевы, глаза были широко раскрыты, слюна неконтролируемым потоком текла на подбородок. Потом все его тело, вниз от плечей и шеи, начало мелко дрожать.

— Братик, — испуганно сказал Хинта. Атипа замолчал на полуслове. Теперь на младшего смотрели все. А тот все стоял в своей странной напряженной позе: пальцы на руках широко расставлены, ладони мелко вибрируют, лицо постепенно запрокидывается вверх, к темнеющему небу над прозрачным куполом теплицы.

— Ашайта, — позвала Лика.

— Ашайта, — эхом повторил Хинта. Он шагнул к младшему, хотел что-то сделать, может, обнять. Но тот внезапно изогнулся всем телом и резко вскинул ладони с растопыренными пальцами вперед. Хинта получил сильный толчок в живот, потерял равновесие и глупо шлепнулся на земляной пол. А брат выгнулся над ним, как одна из маленьких горгулий с ледяных фронтонов джиданских зданий. Его глаза открылись еще шире, заблестели, вбирая в себя последний свет дня. Рот тоже открылся. Ашайта так сильно изгибался и выламывался вперед, что было непонятно, как он еще может удерживаться на ногах. И вот он начал падать — медленно падать своим напряженно-изогнутым телом на Хинту.

Хинта, вытянув вперед руки, сумел поймать его, но стоило им прикоснуться друг к другу, как Ашайта взбрыкнул и начал биться в судорогах. Из его груди вырвался жуткий, получеловеческий вопль, от которого Хинта почти оглох. Ему удалось мягко опустить брата на землю, а самому, испуганно задыхаясь, откатиться в сторону — и это был правильный поступок, потому что мгновение спустя Ашайта закричал снова. На этот раз его крик был таким, что Риройф и Атипа согнулись, зажав уши руками. Этот крик все длился и длился — протяжный, безумно-тоскливый, уходящий куда-то за диапазон человеческого восприятия. Было невозможно понять, откуда берется такая сила в маленьких легких больного восьмилетнего мальчика. Лица упала на колени и поползла к Ашайте. А Хинта просто смотрел в уродливо-прекрасное, напряженно-истончившееся лицо брата и ощущал, как его собственный рассудок уплывает в это лицо и в этот крик.

В последний момент, когда голос Ашайты уже стихал, превращаясь в стон, с Хинтой случилось нечто странное. Он увидел, как раскрываются, распадаются на механические секции какие-то огромные ворота из красно-золотого металла. За ними открылся мрачный черно-зеленый зал, дальняя стена которого струила завораживающий фиолетовый свет. А на ближнем плане, прямо у порога огромных врат, лежали мертвецы — иссохшие сизые лица под стеклами скафандров, ощеренные зубы, мерцающие в запавших глазницах жуткие лиловые огни. Гладкий каменный пол под мертвецами был расколот извилистой трещиной, внутри которой взбухала устремившаяся к поверхности магма. Ее уровень поднимался, пока скафандры мертвецов не начали гореть.

А потом все прекратилось, и Хинта понял, что все еще сидит на полу теплицы. Его сердце колотилось, как никогда в жизни. Ашайта лежал навзничь, в глубоком забытии. Его дыхание уже выравнилось. Лица держала над его лицом дрожащие руки, сложенные в какой-то знак, которого Хинта никогда раньше не видел. Риройф и Атипа перестали зажимать уши руками, но стояли, пригнувшись, будто боялись, что мальчик закричит снова и от этого крика купол теплицы

осыплется на их головы тысячью осколков. Наконец, Лика расслабила руки, всхлипнула и начала обнимать Ашайту, беспомощно приподнимая его хрупкое тело над землей. Атипа неловко склонился к жене, то ли пытаясь поднять ее на ноги, то ли намереваясь сам упасть на колени рядом с ней.

— Не думал, что ребенок может так кричать, — прохрипел Риройф, разгибаясь.

— Такое в первый раз, — бледным голосом ответил Атипа. Хинта молчал — не мог прийти в себя после крика брата и той странной, страшной картины. Он точно знал, что не видел ничего подобного ни в одном лаке, и теперь ему было непонятно, откуда этот зал мертвецов взялся у него в голове.

— Милая, он будет в порядке? — теребя Лику за плечо, спросил Атипа. — Скажи, что он будет в порядке.

— Откуда мне знать? — Лика начала размазывать слезы по лицу. В сгущающейся темноте, со своими коротко остриженными волосами, она походила не на женщину, а на какого-то незнакомого мальчишку, несуществующего третьего брата Хинты и Ашайты. — Ему нужно обследование. Я не знаю, сколько он проживет без помощи. У него могло быть кровоизлияние в мозг — то, о чем нас предупреждали.

— Нет, так не пойдет, — сказал Риройф. — А ну, взяли себя в руки, вы, горе-родители! Лезьте в скафандры — и потащим его в госпиталь. — Он пытался звучать грозно, но его голос дрожал, и уверенности в нем было лишь на гран больше, чем у остальных. Риройф нуждался в своей винтовке и в ком-то другом, умнее и решительнее его, кто сказал бы ему сейчас, что следует делать.

— Но... — проблеял Атипа.

— Мы ничего не знаем, — сказала Лика. — Если там омары, нам всем конец — там ли, здесь ли. А если Ашайта умрет вот так, а омаров там не окажется, кто из нас сможет себя простить?

— А воздух? — спросил Атипа.

— Слушай свою жену, — грубовато посоветовал ему Риройф.

— Мы справимся, — сказал Хинта. — Включим в ска-

фандрах пассивную подачу. Должен быть способ. Сейчас клапан открывается цифровым контроллером. Но его наверняка можно просто открыть.

— Да ты ни разу не делал этого в реальных условиях, — возразил Атипа. — Никто из нас не делал. Потому что нет сервоклапанов надежнее автоконтроля дыхания. Обычно они никогда не выходят из строя.

Его трясло.

— Тем не менее, пассивка — это просто. И мы это сможем. — Хинта взял свой скафандр и начал одеваться. Лика оставила Ашайту лежать на земле и тоже встала. Только Атипа не двигался с места.

— А твой мальчишка изменился, — взглянув на приятеля, хмыкнул Риройф. — Заметил, старый хрыч? Скоро он будет поумнее и крепче нас с тобой. И тогда они с Ликой будут командовать тобой даже в мелочах. Задницу не подотрешь, пока тебе не скажут, что это безопасно.

В другое время Хинта, возможно, испытал бы прилив стыда за отца и гордости за себя. Однако сейчас он был слишком напуган, слишком занят. Они с Ликой взяли скафандр Ашайты и развернули его на полу рядом с распростертым телом мальчика. Хинта сел на корточки и начал копаться в клапанах.

— Липа вакукра, — не сдержавшись, выругался он. Никто из взрослых не сказал ему, что материться нехорошо. — Я забыл, что это детский скафандр. На нем нет ни пассивки, ни другого аварийного контроля.

— Тогда один из нас должен пойти и позвать на помощь, — решил Риройф.

— А остальным придется надышаться тендра-газом? — спросил Атипа. — Лику это убьет.

— Подождите. Можно сделать по-другому. — Хинта посмотрел на мать. — Твой баллон. Но потом. Сначала надо уложить его в скафандр.

Атипа, вышедший из ступора, подхватил Ашайту подмышками, Риройф — под колени; Хинта раздвинул скафандр, а Лика направила безвольные конечности младшего

в рукава и сапоги комбинезона. Потом они застегнули кон- тактные швы.

— Баллон, — скомандовал Хинта. Лика отстегнула ем- кость со сверхсжатым кислородом от своего бедра и вытяну- ла из-под одежды дыхательные трубки. Хинта положил бал- лон на грудь младшего и остановился.

— Я уверен, что смогу выпустить кислород из баллона, но для этого мне придется сломать сервоклапан. Кислород будет выходить достаточно интенсивно. Надо будет застег- нуть скафандр, чтобы газ остался внутри. Я опять же уверен, что мы успеем это сделать. Но обычно мы не дышим чистым кислородом из наших баллонов. Скафандры очищают атмос- ферный воздух, добавляют к нему кислород, азот и гелий, по- сле чего получается хорошая дыхательная смесь. А у Ашайты будет кислородное отравление.

— Зависит от давления, — сказала Лика.

— Боюсь, там будет положительное давление, поряд- ка двух атмосфер. На выживании нас учили, что уже через пять минут будут судороги, а потом рвота. Учитывая его мас- су тела, когда мы донесем его до больницы, будет уже невоз- можно отличить симптомы его болезни от симптомов отрав- ления кислородом.

— Врачи отличат. Главное, донести его живым.

— Мы можем сделать так... Сейчас мы все оденемся. По- том я приготовлюсь сломать баллон. Отец и Риройф откроют шлюз. Я сломаю баллон и буду держать его, чтобы замедлить выход газа. Так я смогу немного замедлить повышение дав- ления кислорода в его скафандре. Как только я зажму бал- лон, мы, по возможности быстро, понесем его в госпиталь.

— Хороший план, — одобрил Риройф, — но я кое-что добавлю. Когда мы оденемся, то, не открывая шлюза, убе- димся, что у нас у всех нормально работает пассивка. Потом подождем еще пятнадцать минут, убедимся, что никто не опьянел от кислородно-азотной смеси. И только после этого будем готовить Ашайту и открывать шлюз.

Так они и сделали. В теплице совсем стемнело, и бал- лоны пришлось настраивать вслепую. Это доверили Хинте,

так как он был ловчее взрослых. Он ориентировался на звук. Градаторы пассивных клапанов издавали щелчок при повороте на каждые десять значений. Последним Хинта настроил баллон на спине у матери. Она попросила сделать ей смесь с повышенным кислородом, и он поставил ей подачу на пятьдесят процентов. Когда газ пошел, Лика подняла правую руку вверх и сложила пальцы в знак «ан-хи». Хинта похлопал ее по плечу, надел дыхательную маску и, закинув руку за спину, настроил собственный баллон. Поток дыхательной смеси ударил ему в лицо с непривычным холодным напором, нос и глотку захлестнуло запахом дурманящей свежести. Чтобы взрослые знали, что у него все в порядке, Хинта тоже показал «ан-хи». Они все расселись по бочкам и стали ждать. Ашайта, маленький, неподвижный, лежал на земле между ними. Его скафандр бледнел в темноте своим детским узором из белых треугольников.

Риройф измерял время по пульсу. В литской ойкумене идеальной нормой считались восемьдесят шесть ударов в минуту; насчитав следующие восемьдесят шесть ударов, он сигнализировал остальным. Каждая минута, казалось, утягивается в абсолютную бесконечность. У Хинты слезились глаза, и он, сняв перчатку, вытирал их ребром ладони. В небе над куполом стало видно звезды, взошла разбитая на осколки луна. Запах газовой смеси постепенно перестал быть заметным. Наконец, Риройф вскинул руку в пятнадцатый раз и тяжело поднялся с бочки. Они покивали друг другу и разошлись: Риройф и Атипа — к шлюзу, Хинта и Лика — к Ашайте. Лика двигалась увереннее, чем полчаса назад, кислород помог ей отдышаться. Она подсоединила шлем к комбинезону Ашайты, а Хинта просунул руку под застежки на груди брата и нащупал баллон. Потом Атипа и Риройф приоткрыли внешнюю дверь шлюза; раздался громкий чавкающий вздох, и по всему помещению прокатилась ощутимая воздушная волна, выравнивая давление между атмосферой теплицы и атмосферой за ее пределами. Как только она достигла Хинты, он надломил клапан баллона и выдернул руку из-за пазухи брата. Лика тут же закрыла застежки и герметизировала ска-

фандр. Комбинезон Ашайты набух, наполняясь кислородом. Чтобы замедлить этот процесс, Хинта свернул ткань на груди скафандра в складку и зажал внутрь складки клапан баллона. Мгновение спустя Риройф и Атипа подбежали к ним и под руки подняли Ашайту. Хинта продолжал зажимать баллон, а Лика придерживала руками голову мальчика. Так они перенесли его в шлюз. Там им пришлось сделать остановку: мужчины закрыли внутреннюю дверь, как могли, зажали — в надежде, что растения сумеют пережить легкое отравление тендра-газом — а потом открыли внешнюю дверь и вышли на улицу.

Никогда еще Хинта не видел, не слышал, не ощущал, чтобы на Шарту ложилась такая ночь. Не горел ни один огонек; безмолвие и тьма прятались за окнами домов, контрастно белели пыльные грунтовые дороги и серебрились обесточенные антенны поддержки связи. Все казалось безжизненным и пугающе чуждым, как будто это был мертвый городок где-то на Луне или на Марсе, брошенный людьми сотни лет назад.

Закрыв шлюз, Атипа и Риройф вновь подхватили Ашайту. Придерживая его, они медленно двинулись к центру поселка. Дважды по пути им встречались патрули. Бойцы вели себя одинаково: сначала заставляли незнакомцев остановиться, а потом, когда понимали, что видят группу людей с детьми, жестами требовали, чтобы те быстрее убирались с улицы. Наконец, они оказались около двухэтажного здания госпиталя. Оно было таким же темным и безмолвным, как и все вокруг, однако внешние створы одного из шлюзов центрального входа были открыты. Около них дежурила пара санитаров в скафандрах. Увидев группу людей, они двинулись навстречу. Объяснить им, что произошло с Ашайтой, было невозможно, поэтому взрослые просто втащили мальчика внутрь шлюза. Один из санитаров остался снаружи, другой начал вручную закрывать створы изнутри. Те сдвигались бесконечно медленно. Хинту охватило отчаяние: его рука, которой он прижимал клапан баллона, уже очень устала, а брат, которого он так хотел спасти, возможно, умирал прямо

сейчас.

И вдруг произошло чудо. Раздался звук, напоминающий вой набирающих обороты насосов, камеру шлюза тряхнуло, и спустя мгновение на ее потолке вспыхнули лампы. Хинта оглянулся на улицу и увидел, как по ней разливается свет заработавших прожекторов — в Шарту снова была энергия. Створы шлюза ожили и сами начали закрываться; санитар, чьи усилия были больше не нужны, убрал руки с рычагов ручного привода. Вокруг Ашайты сразу началась суета — к мальчику бросилась реанимационная команда. Атипа принялся сбивчиво объяснять медикам, что произошло. Лика сняла с сына шлем и расстегнула ворот его комбинезона. Хинта остался с шипящим испорченным баллоном в руках и растерянно застыл, не зная, что теперь делать с этой штукой. А потом Ашайту направили куда-то вдаль, в глубину белых коридоров госпиталя.

Два часа спустя, уже глубокой ночью, Хинта сидел у кушетки младшего. Его голова устало клонилась, пока не уперлась лбом в край простыни. Лика говорила с врачами; Атипа отправился назад к теплице, чтобы проверить состояние шлюза и включить режим очистки атмосферы; Риройф, пожелав Ашайте выздоровления, вернулся к себе домой. Хинта был совсем один. Рука брата лежала в его руке, но он с ужасающей отчетливостью ощущал, что младшего здесь нет. Его веки были плотно сомкнуты, но он не спал, даже не находился в обмороке — он был в коме. Чтобы приоткрытый рот мальчика не пересыхал, медики наложили на нижнюю часть лица специальную шину, а в нос ввели трубочки с кислородом. Волосы пришлось сбрить, и теперь голову и грудь Ашайты опутывали пестрые проводки с электродами на липучках. Это было просто маленькое тело, застывшее на грани между жизнью и смертью. Его душа, энергия его жизни, весь его свет — покинули эту комнату и устремились куда-то еще. Хинта не знал, куда именно. После погребения родителей Дваны, после ссоры с Тави, после всех событий последнего

месяца, у него в голове царил сумбур. Он не мог ясно верить ни в одну вещь и в то же время немного верил во все. Может, его брат неся по лучам звезд? А может, он сидел за огромным, полным сладостей столом, где-то в подледных чертогах, ел там руши и был очень счастлив? А может, его вовсе не было?

Хинта уткнулся лицом в пухлый край одеяла и заплакал. Брат ушел и оставил ему загадку без разгадки — видение какого-то страшного места. Может, Ашайта был сейчас там? Если так, то Хинта хотел бы любой ценой вызволить его оттуда. Но он даже не знал, что думать о своей галлюцинации. Она могла означать все что угодно, но могла и не означать вообще ничего. Он хотел бы хоть кому-то рассказать о том, что видел, но боялся, что родители лишь еще больше испугаются, а с Тави они все еще не могли говорить. Других людей в обедневшем мире Хинты не было.

Мучаясь своим горем, он начал представлять себе, как будет выглядеть смерть брата. Погребальная церемония с маленьким саркофагом. И этот саркофаг сожмется до еще меньших размеров, когда поедет по конвейеру льда и пламени.

И тут, внезапно, в уме Хинты сформировался один из ответов на джалипа. Не только погребальные саркофаги умеют изменять свой объем из-за перепадов температуры. Механизм замка в загадке был описан как простой, примитивный, древний — никаких кодов, никакой электроники, только замочная скважина для ключа. А значит, воду в замерзшей комнате можно использовать, чтобы вскрыть замок. Для этого нужно залить воды в запорный механизм и дожждаться, когда та вновь замерзнет. Лед имеет свойство расширяться. Значит, с определенной вероятностью, замок разнесет, и путь наружу из запертой комнаты станет свободен.

Взбудораженный этой мыслью, Хинта отстранился от ложа брата. Он ощущал стыд за то, что может в такой момент думать о домашнем задании, и в то же время испытывал благодарность, потому что загадка отвлекала его. Она вернулась к нему в голову, когда он уже был на дне отчаяния, и теперь

он мог больше не думать об одной лишь смерти. Джалипа пленила его, увлекла его мысли. И еще он осознал, что есть один добрый понимающий человек, с которым он ни разу не говорил с тех пор, как поссорился с Тави: Фирхайф, старик-машинист тихоходного поезда.

— Хинта, — негромко окликнула его мать из дверей палаты. На бедре у нее висел новый баллон, выданный из больничных запасов. — Они говорят, что он может очнуться в любой момент, а может не очнуться еще много месяцев. Я побуду здесь, посплю. А ты должен пойти домой и быть в порядке. Завтра у тебя обычный школьный день. И это не изменилось ни из-за аварии со светом, ни из-за болезни твоего брата.

Хинта подавленно кивнул.

— Говорят, в поселке все спокойно. Омары не нападали, никакой угрозы нет. Просто был перебой. Я отпущу тебя одного. Ты ведь будешь умницей и пойдешь прямо домой?

— Конечно.

— Тогда спокойной тебе ночи.

— И тебе, — обнял ее Хинта. Он почти никогда не делал ничего подобного, и Лика не смогла ему вовремя ответить — просто удивленно, скованно замерла в объятиях сына. Она хотела еще что-то сказать, но мальчик отпустил ее и быстро зашагал прочь по больничному коридору. В холле он столкнулся с Кифой, тетей Дваны.

— И Вы здесь?

— Помогаю. Кто-то же должен. — Ее встревоженный взгляд скользнул по его истрепанному скафандру. — А как ты?

— Мать и брат. Отключение застало нас в теплице. Пришлось добираться до больницы самим. Сейчас я домой.

— И правильно. Нечего по улицам ходить. А с твоими родными все обязательно будет хорошо.

Согрев его теплом своих слов, она уверенно нырнула обратно в круговерт общей суеты. Хинта был рад ее встретить. Ему очень нужно было, чтобы кто-то такой, как Кифа, сказал, что Лика и Ашайта поправятся. В этом не было рационального смысла, он знал, что слова утешения никак не изменят

исход. Но он все равно в них нуждался.

На улице Хинта активизировал коммуникатор и набрал номер Фирхайфа. До сих пор он всегда заходил к старику без предупреждения и приглашения — была какая-то особая прелесть в случайности этих визитов. Однако сейчас он не был уверен, что сможет найти Фирхайфа в домике на платформе — в ночное время тот обычно передавал управление тихоходным одному из молодых сменщиков. К тому же, Хинта не знал ночное расписание поезда и понятия не имел, насколько сильно оно могло измениться после отключения электричества.

Ответа пришлось ждать долго. Хинта шел по пустынным дорогам под светом прожекторов, чувствуя, как новая тревога неприятным холодком разливается у него в груди. Что, если авария каким-то образом навредила Фирхайфу? Но не успел он по-настоящему испугаться, как тот ответил.

— Кто еще?

— Это я, Хинхан.

— Вот уж кого не ожидал. А то достали собиратели сплетен.

Этот выпад Хинта не совсем понял. Голос старика звучал забавно: нечетко и пискляво, как будто он стал карликом-механиком из комедийного лама про битву притайского сержанта Гигага с армией уменьшенных солдат.

— У Вас все хорошо? А то Ваша речь...

— Я на пассивке. Газовая смесь в промышленных скафандрах меняет тембр голоса. А у тебя все хорошо?

— Нет. Ашайта попал в больницу. Мать осталась с ним, а меня отправила домой. И... Вы где сейчас? На станции?

— Да. На час застрял над Экватором, а потом смог пригнать поезд сюда. Мне уже спать пора. Тут теперь работы до утра.

Хинта заколебался.

— Уместно будет, если я зайду?

— Только на пять минут. И имей в виду, здесь полный

бардак.

— Спасибо, — чувствуя себя эгоистом, поблагодарил Хинта. — У меня и самого нету больше пяти минут. Мама обязательно проверит, дошел ли я до дома.

Скоро он уже поднимался на платформу станции. Там действительно происходило что-то странное: поезд стоял полностью загруженный, но ни один рабочий не занимался разгрузкой; два роботизированных кара сонно наматывали петли по перрону, в конце каждого маневра тупо тыкаясь захватами в закрытые борта платформ; у ворот складских терминалов валялся расстегнутый скафандр и стояли грубо вскрытые упаковки с аккумуляторами и кислородными баллонами — очевидно, кому-то в момент аварии, как и семье Хинты, пришлось бороться за жизнь. Дойдя до домика Фирхайфа, Хинта обнаружил, что тепловой барьер больше не работает, а заросший сосульками проход оттаивает. Сам Фирхайф, в скафандре, вытряхивал в мусорную корзину кастрюльки с едой. Увидев мальчика, он приветливо махнул рукой.

— Все испорчено. А я, старый дурак, накупил продуктов на неделю.

— Наверное, я не вовремя...

— Все нормально. — Фирхайф выбил последние, посилавшие червячки лапши из опустевшей кастрюли и устало сел за стол. На экранах его терминалов застыли красные сообщения о неправильно прерванной работе. — Как твой брат?

Хинта кратко и сбивчиво рассказал, как у них в теплице все выключилось, как Ашайта начал кричать, и как они потом все вместе боролись за жизнь. Старик медленно покачал головой.

— Мне шестьдесят четыре года. Когда я был моложе, мне все время казалось, что потом я стану мудрее. Но вот, время прошло, а ничего не изменилось. Случаются плохие вещи, страдают и умирают люди, и когда это происходит, я не знаю, что сказать себе и другим. — Он похлопал Хинту по руке. — Я просто буду ждать, когда ты снова приведешь его сюда. Если он поправится, угощу его лапшой, как раньше.

Надеюсь, к тому времени у меня снова будут припасы.

Хинте стало чуть легче.

— Спасибо.

— Не за что, Хинхан. Разве я могу с этим что-то поделать?

По дороге сюда Хинта думал, что больше всего хочет поделиться с Фирхайфом своим видением. Но сейчас, глядя в его усталые глаза, мальчик вдруг ясно понял, что не видит смысла рассказывать про зеленый зал и красно-золотые врата. Фирхайф был слишком здешним, слишком спокойным, слишком старым; у него и так было полно забот и тревог, он как будто присматривал за половиной людей в Шарту, взяв на себя роль доброго духа этих мест. Что толку было беспокоить его разум какими-то безумными картинками из заперделья?

— Вы сказали, что застряли на вершине Экватора? — сменил он тему. — И каково там было?

Фирхайф замялся.

— Не знаю, стоит ли мне тебя пугать. Но думаю, рано или поздно об этом всё равно все узнают, так что скажу сейчас. Я видел все до горизонта. По обе стороны от Экватора. Ни единого огонька.

Хинта приоткрыл рот.

— Эта авария была не в Шарту, а во всей литской ойкумене. Может, и дальше. Все перестало работать. Каждый прибор. — Фирхайф легонько щелкнул по экрану одного из своих терминалов. — Эти штуки почти автономны, но они вышли из строя. Все скафандры тоже. И тихоходный, хотя он может ехать без энергии извне. Вот и ты говоришь, что не работал твой робоослик.

— Ни одного огня до горизонта...

— Да. Впервые в жизни я видел темный Литтапламп. Солнце зашло, но купола города не засияли. Когда в них нет света, они в ночи похожи на огромные капли воды. Я думал, меня уже ничем не напугать. Но там, наверху, я понервничал. Я думал, это начало конца. Казалось, сейчас что-нибудь случится, и наша бедная хрупкая Земля... А Экватор подо мной

был не таким, как всегда. Он будто дрожал, жил. Возможно, я ощущал, как он разрушается. Думаю, погибли тысячи людей — все, кто оказался один, был неопытен, не сумел перевести свой скафандр на пассивку или пользовался старым, латаным оборудованием, лишенным систем аварийного останова.

— Ну, — пробормотал Хинта, — мне кажется, в Шарту почти все смогли это пережить.

— Да. Но что, если это произойдет опять? Что, если это продлится день, два, три? Сколько людей сможет пережить такой период времени, ни разу ни воспользовавшись электрической энергией? Прости, Хинхан, я напуган, и вот я напугал тебя. С другой стороны, завтра напуган будет уже каждый. — Фирхайф вздохнул. — А как твой светловолосый друг? Ты ведь наверняка уже говорил с ним после катастрофы.

— Э-э... да, — соврал Хинта. — С ним все в порядке. Он был дома, а живет он в административном комплексе. Там все очень надежно.

Они пробыли вместе еще несколько минут, потом пришел сменщик, и Хинта отправился домой. На улице он наткнулся на неожиданно большой отряд ополченцев. Те стояли в свете прожекторов и нервно глядели во тьму. Оружие у них было на боевом взводе. Хинта попытался обогнуть их, но его окликнули.

— Эй, ты откуда и куда? Почему не дома?

— Я как раз туда, — робея, ответил Хинта.

— Дурак! Ночью на улице дети — разве так должно быть? Разве там кто-то должен ходить?

В рядах ополченцев произошла легкая сумятица, и к Хинте вышел сдержанный парень, должно быть, лишь чуть старше его самого.

— Пойдем, мне велели довести тебя до дома. — Его голос ломался, но по интонации Хинта понял, что этот взрослеющий мальчик очень гордится своей новой ролью и автоматической винтовкой, висящей у него на плече. Больше они ни о чем не разговаривали.

Дома было пусто; Хинте пришлось самому разблокиро-

вать шлюз, в одиночку проверить систему очистки воздуха и накормить себя упрощенным, невкусным ужином. Потом он зашел в их с братом комнату, сел на нижний ярус кровати и надолго замер в странном оцепенении. Тишина и одиночество пугали его. Он ожидал от себя, что расплчется, как плакал после всех тяжелых событий последних месяцев — но слез не было. Неподвижно просидев час, Хинта забрался к себе наверх и лег. Он ощущал опустошенность и ужасную усталость, но уснуть смог только тогда, когда услышал, как домой возвращается отец.

На следующее утро, сидя на первых двух уроках, Хинта с режущей отчетливостью осознал, как ему не хватает Тави. С кем еще он мог поговорить об Ашайте, кто еще любил его брата почти так же сильно, как и он сам? С кем еще он мог по-настоящему обсудить масштабы вчерашней катастрофы, кто из всех сумел бы дать ему дельный совет насчет его странного видения? Все его мысли были адресованы Тави, только Тави мог ему помочь. Впервые за недели, прошедшие с момента их ссоры, Хинта почувствовал себя виноватым и задумался над тем, как жестоко он обошелся с Тави. Он чувствовал себя таким одиноким, а ведь у него была полная семья. Еще он мог зайти к Фирхайфу. Если бы он очень захотел, то сумел бы найти и других людей. И вообще, он признавал Шарту своим домом. А вот Тави жил в настоящей изоляции. Единственным его родственником была мать, но в каникулы он с ней поссорился. Поселок был для него чужим местом, тюрьмой. Местные до сих пор считали его чужаком. Разве можно было упрекнуть его за то, что он попытался ввести в свой мир еще одного человека — Ивару Румпу, незнакомца из Литтаплампа?

На второй перемене Хинта задумался над тем, чтобы пойти к Тави в класс. Но это требовало отдельного большого усилия, и, хотя он уже почти созрел, ноги понесли его в другом направлении: на второй этаж, к студии Румпы. У него был формальный повод для визита, вчера он, возможно, на-

шел одну из отгадок для джалипа. Хинта чувствовал, что шаг навстречу новому учителю будет как первая, очень важная половина шага навстречу Тави. Но в студии никого не было. У входа, поедая домашние бутерброды, сидела девушка, совсем взрослая — возможно, выпускной класс.

— Ищешь кого-то?

— Ивару Румпу. Это вроде как его студия.

— Он в актовом зале. Устроил семинар.

— Сейчас?

— Он говорит о... — девушка закатила глаза, — о том, какое явление физики или онтогеотики могло спровоцировать отключение электричества. Почти все наши ушли слушать. Они только начали, ты еще успеешь!

Актовый зал был местом особым — после разрушения старого Шарту здание школы отстроили раньше здания гумпрайма, и несколько лет собрания гуппа происходили именно здесь. В те времена некоторым еще удавалось пройти на них с оружием, и однажды это привело к трагедии — на стене, недалеко от входа в зал, висела мемориальная доска с барельефами двух судей и эксперта-землемера, погибших от рук взбешенных фермеров-крайняков.

Когда Хинта подошел к залу, все его двери были распахнуты, а в коридор долетал усиленный динамиками голос Румпы.

— ...свободная форма. Я хочу, чтобы вы активно участвовали в обсуждении. Пусть каждый задает вопросы, высказывает свое мнение. Я уверен, вместе мы сможем разработать одну или несколько убедительных гипотез объяснения случившегося. Но прежде я должен дать вам более полное представление о случившемся. Полчаса назад у Шарту восстановилось подключение к литской информационной сети. Сейчас там вал сообщений об отказах оборудования, о падении большинства силовых сетей в юго-восточной части ойкумены от Литтаплампа и до Шавала. Купола этих городов впервые за десятилетия погрузились в крошечный мрак. То же самое с меньшими поселениями. Очевидцы пишут, что не видели ни одного электрического огня от горизонта и до го-

ризонта. Тысячи людей пострадали. Остальные — напуганы.

По залу прокатился вздох удивления. Хинта уловил в нем полный спектр тех эмоций, которые он сам пережил в начале аварии, а теперь к ним добавилось еще и разочарование в образе Литы как могущественной антитезы Шарту. Только у него оно было не таким острым — он все узнал еще от Фирхайфа. Он тихонько проскользнул в зал. Тот не был полностью забит: старшекласники сидели дружескими группками, между которыми встречались островки свободного места. Румпа, в неброской серой кофте, стоял за кафедрой.

— ...паникой охвачены все, от окраинных бедняков до глав корпораций. Лучшие инженеры уже строят гипотезы о причинах произошедшего. И, казалось бы, зачем нам ломать голову над тем, над чем уже думают большие умы? Но истина принадлежит всем, кто способен мыслить, для ее поисков статус не имеет значения. У нас здесь такие же шансы создать удачную гипотезу, как у ученых где-то там, в далеких лабораториях корпораций. Они выиграют на длинной дистанции, но сейчас мы все равны. И еще я подумал, что лучший способ снять напряжение — это вдоволь поговорить о той самой вещи, которая всех так сильно волнует. Эта встреча — не обязательное занятие. Двери в зал останутся открытыми; кто устанет, может уйти. С остальными я готов говорить.

— Нападения омаров можно было не ждать? — спросил кто-то.

— Я не военный, и только недавно стал гражданином Шарту. Я никоим образом не стал бы ставить под сомнение целесообразность действий руководства поселка. Они вынуждены были принимать решения, не имея доступа к достаточной информации, и они приняли вполне здравые решения. Но да, я думаю, что нападения омаров в тот конкретный момент можно было не бояться. Если мы все еще уверены, что это сделали омары, то нам придется объяснить, откуда у них взялось энергетическое оружие такой мощи. Это сомнительно. Более того, я думаю, омары были в такой же панике, в таком же отчаянном положении, что и люди. Насколь-

ко мне известно, они снабжают свои тела искусственными органами и устройствами, которые должны были временно отключиться точно так же, как у нас временно отключились скафандры. Мне сложно предсказать, какой это нанесло им вред. Но маловероятно, что в таком состоянии они смогли бы начать массовое активное наступление. Однако опасность все же есть. Просто она исходит не от омаров, а от самой катастрофы. Если отключение повторится, среди людей могут быть новые пострадавшие...

Хинта смотрел на Румпу, слушал его, и заново вспоминал, как тот ехал на поезде, без шлема, с наполовину открытым лицом, свободным взглядом обозревая мир вокруг, со свободным сердцем покидая город, который для многих казался пределом мечтаний. Да, Тави был прав, этот человек был особенным.

— Информация о том, насколько обширную территорию охватило отключение, является лишь одним из необходимых нам ключей. Другие мы найдем в науке и в показаниях приборов. Пару таких приборов я принес сюда с собой. — Румпа поднял на всеобщее обозрение два устройства — длинный черный тубус с овальным расширением на конце и маленький золотистый диск, выглядевший на расстоянии точь-в-точь как Вечный Компас. Вид этой вещи заигипнотизировал Хинту. «У него же не могло их быть два?», подумал он.

— Кто-нибудь знает, что это такое?

— Радиометр.

— Точнее.

— Регистратор ионизирующих излучений.

— Каких именно ионизирующих излучений?

— Любых. Мы ставили опыты с этой штукой на химико-физике.

— Да, вы правы, эта «штука» действительно взялась из школьного кабинета химико-физики, и опыты с ней можно ставить самые разные. Но кто-нибудь знает ее изначальное предназначение? — Румпа перевернул черный тубус в руке. — Пятьдесят семь лет назад этот прибор выпустили на заводе точных машин в Литтаплампе. Раньше нашего с вами рожде-

ния. Зачем?

Несколько ребят выразительно помотали головами.

— Чтобы измерять космическое излучение. До сих пор большую часть приборов этой серии используют в метеорологических лабораториях по всей ойкумене. А про вторую вещь хоть кто-нибудь догадался? Ее не было и не могло быть на ваших занятиях, потому что этот прибор я привез с собой.

Зал молчал.

— Это квантовые часы шестого поколения. Я уверен, что в Шарту таких еще несколько. В школу их не отдадут — они служат для синхронизации важнейших автоматических систем поселка. А теперь загадка: как два эти прибора помогут нам понять, что случилось со всеми остальными приборами в Шарту?

— Только эти приборы продолжали работать? — предположил кто-то.

— Один — да. Другой — нет. Но полезны оба.

— Часы, — прошептал Хинта. И он был прав: одновременно с ним кто-то более смелый выкрикнул это вслух.

— Верно. Часы продолжали работать. Шестое поколение отличается от предыдущих тем, что его внутренний вычислитель является полностью квантовым. Это крошечный компьютер. Хотя их циферблат остановился, они по-прежнему могли считать время. Как только электричество вернулось, их стрелки приняли нужное положение; мне осталось сопоставить показания этих часов с показаниями остановившихся обычных, и я узнал, что мы были без энергии пятьдесят три с половиной минуты. Таким образом, понятно, зачем нужны часы. Но кто догадался, для чего мне понадобился радиометр?

— Измерять космическое излучение? — предположил парень, который уже высказывался на счет радиометра.

— Само собой. Но зачем? Какое отношение космическое излучение имеет к отключению энергии в человеческих приборах?

Снова тишина, но на этот раз самые умные из старшеклассников шептались между собой. Внезапно раздался го-

лос с галерки:

— Наводки!

— Оратор, встаньте, пожалуйста, Вас не видно. А остальные — передайте ему микрофон.

Микрофон поплыл по рукам, с ряда на ряд, поднимаясь все выше.

— Я из крайняков, — будто отгораживаясь от аудитории, сказал незнакомый парень, — учился на терминале. Нас здесь, похоже, считают идиотами. Но это не так.

Его реплики вызвали шум в первых рядах зала, и семинар окончательно стал напоминать гупрайм, только гупрайм молодых — сказать, кто ты, здесь стало даже важнее, чем сообщить свою мысль.

— Наводки. Расскажи остальным, что это.

— Наведенное напряжение — единственная причина, по которой может одновременно выйти из строя такое количество электроники. Это электрический ток, который возникает в любых проводниках, оказавшихся в чужеродном электромагнитном поле. Но я не понимаю, почему это настолько сильно сработало в Шарту, ведь вся техника здесь экранирована для защиты от наводок, идущих с Экватора.

— Замечательный ответ. Но причем здесь ионизирующее излучение космоса?

— Если оно было очень сильным, то оно могло бы вызывать наводки на всем оборудовании поселка.

— Спасибо. Кто опровергнет гипотезу?

По залу прокатилась волна неуверенных перешептываний.

— Ну же, ведь все довольно очевидно.

На этот раз микрофон перешел к девушке.

— Ионизирующее излучение космоса не бывает настолько сильным. Иначе как древние Золотого Века летали в космос?

— Оригинальный ход мысли, и правильный вывод. Да, это так, ионизирующее излучение космоса почти никогда не бывает настолько сильным. Ближайший к нам источник излучения — это Солнце. Вспышки на Солнце могут приво-

дить к сбоям в определенных видах оборудования, но не настолько глобальным. То есть, солнце не может быть виновато в случившемся. Остается предположить, что это был искусственный источник излучения.

Зал зашумел.

— Не волнуйтесь. Сразу после катастрофы прибор показывал повышенное ионизирующее излучение, но оно было не настолько сильным, чтобы навредить человеку, и уж тем более, чтобы отключить здесь всю технику. Теперь вы знаете, зачем нужны оба этих прибора, и какую площадь охватила катастрофа. И я задаю вам вопрос: что же отключило технику? Какие выводы можно сделать из той информации, которая уже есть? Нет идей?

— А у Вас есть? Мы хотим знать. Но мы не ученые. Скажите нам.

— Ответ, который тебе дают, стоит в десять раз меньше, чем ответ, к которому приходишь сам. Поэтому сейчас я не дам вам ответа. Думайте, думайте своей головой. Если не найдете решения, тогда, быть может, я выскажу свои гипотезы. Но сейчас я надеюсь, что кто-нибудь в этом зале смело предложит нечто столь невероятное, что мне и не приходило в голову. Прав может оказаться даже школьник из младших классов. А пока вы думаете, я расскажу немного полезной теории. Ионизирующее излучение космоса почти не достигает поверхности нашей планеты — по двум причинам. Во-первых, оно вступает в конфликт с собственным магнитным полем Земли. Во-вторых, оно сильно рассеивается в верхних слоях атмосферы. То есть, существует целых три возможные причины, по которым ионизирующее излучение могло усиливаться. Первую мы обсудили раньше — это появление где-то поблизости мощного искусственного источника такого излучения. Но эта версия не работает. Второй вариант — это усиление ионизирующего излучения из-за процессов, происходящих в атмосфере. И третий вариант — ослабление магнитного поля планеты.

— Экватор! — крикнул парень из седьмого ряда.

— И?

— Экватор был построен как раз для восстановления магнитного поля Земли. Он нагрел ядро планеты и вернул ему стабильность, компенсировал последствия изменения орбитальной траектории и замедления вращения Земли вокруг ее оси. Это знают все. Но еще Экватор убрал... уже несколько столетий нашим скафандрам не нужна радиационная защита, мы свободно выращиваем такие культуры, как фрат, прямо на открытых полях. И все потому, что космическое излучение, благодаря Экватору, снова не достигает поверхности Земли.

— Онтогеотика?

— Да.

— Молодец. И все остальные — тоже молодцы. Хорошо работаем. Сколько вариантов мы уже отсеяли! И вот еще один. Итак, допустим, что все дело в Экваторе. Но кто мне объяснит, почему эта гипотеза является лишь подходом к одному из нужных нам ответов, но не самым ответом?

— Не работает, — сказал парень, владевший микрофоном, — потому что вышедший из строя Экватор не мог отключить нам всем технику. Строго говоря, наши приборы должны были бы начать работать лучше. Ведь все это время он на них зафанивал. А теперь, без этой огромной индукционной катушки, они бы оказались в идеальных условиях.

— Верно. Что же получается? Магнитное поле планеты ослабело, и приборы отключились в одно и то же время. Экватор — тоже прибор, и в нем тоже течет электрический ток. Логично будет предположить, что он просто не работал, как и все на Земле. То есть, он — часть уравнения, а не причина, которая объясняет случившееся. И я уверен, что Экватор заработал снова, причем произошло это в тот самый момент, когда включились другие приборы — потому что уже через несколько минут после катастрофы ионизирующее излучение начало возвращаться к своим прежним значениям.

— Это невозможно объяснить законами химофизики!

— Верно. Законами существующей науки это нельзя объяснить — такого явления человечество еще ни разу не наблюдало за всю известную нам его историю. Но теперь это

произошло, и мы должны создать новый закон в науке, новую теорию, которая позволит это объяснить. Мы должны выйти за пределы того, что можно прочесть в книгах, и придумать что-то новое сами. И, как я уже сказал, в своей способности выдвигать гипотезы мы равны с учеными из корпоративных лабораторий и крупнейших научных центров ойкумены. На сегодня все. Думайте.

Хинта ощущал, что у него взрывается мозг. Аудитория тоже взорвалась шумом сотен голосов, сотен споров, обсуждений и идей. Румпа достиг своей цели — никто больше не маялся бессмысленным страхом; все искали что-то, смотрели, как ищут другие, чувствовали себя частью не Шарту, а ойкумены, человечества. Незаметным жестом он вернул этот зал во времена бурного прошлого, заново превращая школьную трибуну в политическую, и сделал это настолько тонко, что Джифой с его манерой воплей и лозунгов мог бы от зависти вырвать последние волосы с краев своей лысины.

Собрание расходилось. Хинта тоже сорвался с места и начал спускаться к выходу из зала, но в дверях образовался сильный затор, и он застрял. Когда он, наконец, вырвался, Румпа исчез. Некоторое время Хинта колебался, затем снова направился к студии, подгоняемый смутной надеждой, что все-таки сможет застать учителя там.

Большинство школьников уже покинули школу, в коридорах царили пустота и тишина. Издалека, от лестницы, Хинта расслышал голос Румпы: тот продолжал с кем-то разговор, начатый в актовом зале.

— ...с древних времен известно множество средств, чтобы дистанционно создать на вражеском оборудовании наведенное электрическое напряжение. Это можно сделать с помощью нейтронных или электромагнитных бомб, с помощью микроволнового излучения или воссоздавая эффект эха по Чема, а также целым рядом других способов, каждый из которых сводится к переполнению проводников энергией. При таком переполнении проводники перегреваются и

их компоненты разрушаются.

Его собеседник что-то ответил.

— Верно. Есть несколько причин, по которым мы можем быть уверены, что вчера случилось не это. Во-первых, оборудование не сгорело — оно снова может работать. Во-вторых...

Хинта шагнул через порог студии и замер. Румпа сидел верхом на одной из парт. Напротив, тоже на парте, сидел Тави. Оба они были вполоборота к двери и слишком увлеклись разговором, а потому не замечали появления Хинты.

— ...мы не наблюдали никаких явлений, связанных с переполнением энергией. Если бы Шарту подвергся такой атаке, то эффект был бы такой же, как от удара молнии, только в разы сильнее. Разве робо не должны гореть, когда на их платы попадают по-настоящему сильные наводки? Есть и другие нестыковки. Свет просто исчез. Но должно было быть иначе. Все металлические предметы стали бы нагреваться, лампы бы перегорали — вспыхивали с огромной яркостью, а потом взрывались. Ведь так?

Хинта тихо сдал назад, намереваясь уйти. Внутренне он проклинал себя за то, что сунулся в студию именно сейчас; ему казалось, что было бы в тысячу раз проще сделать все по очереди — сначала поговорить с Румпой, а потом уже с Тави. И все же он заставил себя остановиться.

— Дроны умирали бы в судорогах. — Рядом с чужаком Тави выглядел таким счастливым, таким увлеченным. Это больше не пугало и не раздражало Хинту, но он все еще испытывал по этому поводу какое-то странное, сложное чувство, которое сам не мог понять. Они были похожи как отец и сын, или как два брата, рожденных с разницей в двадцать лет, только их глаза отличались по цвету. Это зрелище странно завораживало, и Хинта невольно задался вопросом, сколько еще пройдет времени, прежде чем другие заметят то, что сейчас столь ясно видел он.

— Да, дроны горели и, возможно, совершали бы какие-то хаотические движения, напоминающую агонию живых существ. Но это не единственная нестыковка. Есть и другая. Что было бы с людьми?

— Я изучал палеобиотику, — сказал Тави. — После удара метеорита разные виды живых существ гибли по разным причинам: холод, уменьшение светового дня, землетрясение, выбросы в атмосферу пыли и ядовитых газов. Казалось бы, все это не должно было затронуть некоторых простейших. Однако гибли и они. Тех, кто не погиб по прочим причинам, убивала космическая радиация.

— Так что было бы с нами, с людьми, если бы сюда дошла волна ионизирующего излучения, любой природы, настолько сильная, что она отключила бы приборы?

— Жар, жжение на коже, головная боль, дурнота, тошнота. Возможно, смерть в течение нескольких часов или нескольких дней. Я имею в виду не Шарту, а гибель вообще всего человечества, кроме тех, кто в первые же минуты успел бы найти специальное укрытие.

Румпа кивнул, после чего оглянулся и, наконец, заметил застывшего у двери Хинту.

— Привет.

Это простое обращение застало Хинту врасплох.

— Здравствуйте, — ответил он, потом сделал над собой усилие и нерешительно добавил, — привет, Тави.

— Привет, — почти беззвучно повторил тот. Улыбка сошла с его лица, и он стал выглядеть совсем иначе, будто появление Хинты разом выбило из него весь тот свет, который он накапливал, общаясь с учителем.

— Здорово, что ты зашел, — сказал Румпа. — Мы тут как раз говорим о событиях вчерашнего вечера.

Его непринужденный тон слегка разряжал обстановку, и все же для Хинты было очень сложно сделать следующий шаг.

— Да, я понял. Я... я думаю, что нашел один из ответов на Ваше домашнее задание.

— Я слушаю. Не волнуйся, у потока Тави нет такого задания. А к следующему году я придумаю что-нибудь новое. Поэтому твоя отгадка ничем ему не поможет и ничего не испортит.

— Воду можно снова превратить в лед.

Мужчина кивнул, но мальчик молчал, не в силах продолжать.

— Зачем?

— Если вода замерзнет внутри замка, — с неохотой начал Хинта, — то, возможно, она разорвет...

Договорить он не успел, потому что пол резко ушел у него из-под ног. Кажется, Хинта закричал, но потом он не мог вспомнить этого достаточно ясно. Жуткий животный страх полностью поглотил его сознание. Его чувства обострились, а восприятие бесконечно ускорилось — так что он мог видеть и ощущать все вокруг, будто при замедленном воспроизведении.

Он понял, что падает вверх. Или, возможно, это комната падала вниз. Румпа и Тави тоже взлетели, их светлые волосы свободно взметнулись, одежда пошла пузырями, как при сильном ветре. Стулья поднялись в воздух. Не сдвинулись с места только парты и полки — они были намертво прикручены к полу — зато левитировали все отдельные вещи, в том числе тяжелые глыбы геологических образцов. Долю секунды казалось, что наступила невесомость — а потом вещи начали медленное движение назад, падение; все предметы в комнате были как фигурки настольной игры, по доске которой злой мальчишка ударил кулаком. Мгновение невесомости закончилось, и Хинту швырнуло об пол. Он приземлился на ноги, но удар был настолько сильным, что его колени подогнулись, и он упал. Он еще только набирал в грудь воздух для нового крика, когда второй толчок снова отправил его вверх. Он взлетел, попытался перевернуться в воздухе, но не сумел и ударился об пол боком.

Нового броска такой же силы не последовало, но теперь вся поверхность пола, каждая вещь в студии дрожали. Хинта перевернулся и встал на четвереньки. Вибрация пола под руками становилась настолько частой, что от нее немели ладони. Появился звук, похожий на жуткий громовой крик: выло и вопило все, даже стены. Перед глазами у Хинты начало темнеть. Не помня себя, он попытался ползти к выходу из студии, но из-за чудовищной мелкой тряски пол был как

будто скользким — на него не удавалось толком опереться, он каждую долю секунды улетал вниз, а потом возвращался и больно бил по рукам и коленям. Хинта с трудом преодолел полметра, потом одна из металлических рампы, поддерживавших потолок комнаты, лопнула и просела, на него посыпались мелкие куски пластиковой облицовки. Не в силах защититься, он сжался в комок. Снизу его колотило о вибрирующий пол, сверху молотил град осыпающихся обломков. И вместе с болью к нему пришло понимание. Это было землетрясение. Оно не было первым в его жизни, но он уже понимал, что оно самое сильное. А между тем мир вокруг продолжал ломаться.

— Под парты! — приказ Румпы каким-то образом прорвался к Хинте сквозь грохот и вой. Он пополз назад. — Под парты, под парты! — охрипшим от крика голосом повторял учитель.

Тави уже был под партой. Сам Румпа по проходу пытался двигаться в направлении Хинты, прикрывая голову рукой, по его виску текла кровь.

— Уходите! — заорал ему Хинта. — Прячьтесь, я доберусь! — Он сделал последний рывок, распластался на животе и сумел ухватиться за ножку парты. Она оказалась надежным якорем, и, рывком подтянувшись к ней, он забился в тесную спасительную нишу. Снизу парта была покрыта резинкой, уменьшающей вибрацию, Хинта вжался в нее головой, и ее мягкость показалась ему слаще, чем мягкость собственной постели после трудового дня.

Вибрация пола медленно менялась. Это уже не было похоже ни на тяжелые удары, ни на ультразвуковой резонанс. Теперь мир вокруг двигался в подобии морской качки, как при обычных землетрясениях. С полок с грохотом посыпались геологические образцы; с учительской кафедры соскользнул и разбился терминал. А потом Хинта услышал звук, который напугал его больше, чем сами толчки: по школе распространялся неровный трубный вой сирены — сигнал, предупреждающий о глобальной разгерметизации. В дверях класса активизировалась система автоматической блокиров-

ки, и они попытались закрыться, но им мешал мусор, упавший с потолка.

— Маски? — крикнул Хинта. Под каждой партой в специальном боксе размещался набор вещей, необходимых для выживания, в том числе маска с минибаллоном на десять минут.

— Рано. — Румпа показал на индикатор состояния атмосферы, шкала которого еще оставалась полностью зеленой. Но школу продолжало потряхивать, и если разгерметизация произошла, то она должна была только усиливаться. Дверь, наконец, победила застрявшие у порога осколки пластика и с хрустом задрала; раздался свист декомпрессии — в студии устанавливался свой режим давления. Стало тише.

— Кончается? — спросил Тави.

— Кончается, — согласился Хинта. Теперь он был уверен, что амплитуда колебаний медленно идет на убыль. Он позволил себе отпустить ножки парты и обмяк. По телу растекалась боль от ушибов, полученных в начале землетрясения. Он провел руками по лицу и обнаружил на ладонях кровь от царапин.

— Целы? — спросил Румпа.

— А Вы? — вернул Тави.

— Разбил голову об угол парты. Не могу понять, насколько это серьезно.

Тави высунулся, чтобы посмотреть на него. В этот момент из стены раздался стон металла, а у пола появился крен. Та сторона студии, где были окна, вдруг оказалась ниже той, где была дверь. Хинта, с замершим на губах криком, обернулся и увидел, как за окнами проплывает мир. Там были серьезные разрушения: мелкие дома стояли в беспорядке, их будто раскидало и сдвинуло сразу, большие здания покрылись трещинами и пробоями, всюду поднимался белый пар — следствие множества кислородных утечек. Но крен усиливался, и панорама Шарту исчезла из виду; теперь за окнами виднелась ближайшая улица — земля с разломами, опрокинувшийся набок синий фратовоз, колеса которого продолжали вращаться. Эта картина приближалась с невероятной

скоростью.

— Мы падаем, — будничным тоном констатировал Румпа. — Держитесь.

Раздался шорох и свист — упавшие на пол предметы заскользили под откос. Потом с грохотом поехали со своих мест стулья. Хинта успел снова вцепиться в ножки парты. Мгновение спустя за окнами мелькнула красная поверхность грунтовой дороги, а затем последовал страшный удар. Комната теперь лежала на боку, сами они повисли на металлических ножках парт. Стало почти темно — окна впечатались в землю — но какой-то свет в помещение все же проникал. Хинта запрокинул голову, чтоб увидеть, откуда он, и обнаружил, что из стены у него над головой вырваны клоки обшивки. Сквозь них было видно кисельно-розовое небо. Света добавлял индикатор атмосферы — он стремительно разгорался, перекрашиваясь из зеленого в красный.

— Маски! — тембр голоса Румпы показался Хинте измененным, и это было очень плохо, так как могло означать, что они уже в непривычной атмосфере. Он подумал об учителе и Тави, но знал, что не поможет им, пока не поможет себе. Он подтянулся, перехватился выше — теперь он снова был под той же партой, с той разницей, что пол помещения стоял вертикально — нашел опору для ног и замер, стараясь просто не дышать. Ощущая, как спертый воздух толкается в горло, он сорвал из-под парты бокс с маской. Дальше ему не нужно было думать — после десяти тысяч тренировок по безопасности любой ребенок в Шарту мог надеть аварийную маску в два движения. Сделав два вдоха, на вкус показавшиеся ему восхитительными, Хинта посмотрел туда, где были его товарищи, и увидел, что Румпа перебирает ногами, не в силах найти опору, а Тави лезет к нему по ножкам парт. Под ними был провал в шесть метров с частоколом металлических ножек и разбитыми окнами в самом низу. Не думая о рисках, Хинта тоже двинулся на помощь взрослому. В отличие от Тави, которому приходилось взбираться вверх, он оказался на одном уровне с Румпой и мог просто шагать по ножкам парт. Увидев, что Хинта идет на помощь, Тави перестал пытаться

влезть выше и сосредоточился на ногах учителя — схватил того за ботинок и потянул к опоре. С помощью мальчика Румпа, наконец, сумел поставить ноги и перестал соскальзывать вниз. Но когда Хинта дошел до него, он не дышал уже очень долго, его глаза стремительно наливались кровью, и было видно, что он вот-вот потеряет сознание. Хинта сорвал из-под парты набор и надел на него маску. После этого они все обессиленно замерли. Тави, повисший внизу, не отпускал Румпу и продолжал держать его ногу.

Секунд через двадцать учитель активировал громкую связь на своей маске.

— Живы? — свистящим шепотом спросил он.

— Кажется, — ответил снизу Тави. Хинта ощутил в груди истерический спазм, напоминающий и смех, и рыдания. Он тоже включил громкую — даже не ради слов, а просто для того, чтобы его шумное дыхание звучало вместе с остальными.

— Надо обрисовать ситуацию. Похоже, наш блок оторвало от здания. Эти маски на пять минут, а я не думаю, что мы выберемся отсюда за пять минут. Честно говоря, я вообще не думаю, что мы выберемся отсюда сами. Надо дожидаться спасателей, а это точно займет больше времени, чем есть воздуха в маске.

— Включим маяки, — сказал Хинта. — Тогда они быстро узнают, что здесь есть выжившие. — Он достал из аварийного бокса маленькое устройство, похожее на бейджик-прищепку, и нацепил его себе на ворот.

— Здесь двадцать парт, — подсчитал Тави, — и учительская кафедра. То есть, всего двадцать один аварийный набор. Это хорошо делится на три. Придется ползать, чтобы все достать, но так у каждого из нас будет семь масок и воздуха на тридцать пять минут.

— И еще здесь есть большие восьмичасовые баллоны. Но кажется, мы до них не доберемся. — Румпа запрокинул голову и посмотрел вверх, туда, где сквозь драную арматуру просвечивало небо. — По технике безопасности, они помещаются не под партами, а в стенных нишах. Внутренняя сте-

на помещения считается самой надежной. Но теперь, когда нас оторвало от школьного комплекса, она стала потолком. Поверить не могу.

Тави истерично усмехнулся.

— Успеют ли нас спасти за тридцать пять минут?

— Зависит от уровня разрушений в поселке.

— Кто кроме меня смотрел в окна, когда мы начали падать? — спросил Хинта. — Я видел поселок. Десятки газовых столбов от пробоев и хаос сдвинутых домов. Наверное, это было самое сильное землетрясение. Не помню, чтобы меня раньше так колотило об пол.

— Значит, им не хватит тридцати пять минут, — сказал Румпа. — Значит, это не их тридцать пять минут, а наши. За это время мы должны либо выбраться отсюда, либо добраться до восьмичасовых баллонов. У меня больше физическая сила, а вы двое очень ловкие. Поэтому сейчас я пойду вниз, а вы вверх. Мы должны собрать все маски, чтобы у каждого из нас было тридцать пять минут. Тем более, что первые пять минут уже почти прошли, а мы расходовали воздух на неровное дыхание и речь. Потом я спущусь к окнам и попытаюсь найти или прорыть выход отсюда, а вы двое полезете еще выше и постараетесь найти способ достать баллоны. Есть возражения?

— Нет, — хором ответили мальчики и двинулись от парты к парте. Хинта шел по своему ряду, Тави — под ним, а учитель спустился и собирал аварийные комплекты в самом низу. Каждый из них надел на себя по три аварийных маячка, и они четко видели друг друга в полутьме по морганию красных огоньков. Собрав шесть комплектов, Хинта начал задыхаться и сменил маску — сгорели первые пять минут. Потом он сел верхом на ножках, запрокинул лицо к небу. Тави вскоре присоединился к нему. Кислородные баллоны были в недостижимых двух метрах над ними.

— И как их вообще можно достать? — спросил Тави. Хинта посмотрел на него и вдруг понял, что не сможет двигаться дальше, если не скажет каких-то правильных слов.

— Мы можем умереть, — наконец, произнес он, — и я не

хочу сделать это, оставаясь с тобой в глупой ссоре.

— Тогда давай помиримся, — предложил Тави. — Я... я виноват, что не сказал тебе про Ивару. Ты можешь меня простить за это?

— Да, могу. Уже простил. Но если мы выживем, тебе придется подробнее объяснить мне, почему ты так сделал.

— Хорошо.

— А я виноват в том, что перестал видеть тебя и слышать то, что ты мне говоришь. И еще в том, что ненавидел тебя... — Хинта вдруг потерял уверенность в своих словах, и в то же время ему пришла в голову мысль, которая казалась яснее, чем все его переживания последних двух недель, — ...в том, что завидовал тебе. Твоим ярким мыслям. Твоей храбрости. Тому, как тебя любит мать. И потом, когда это изменилось, я завидовал твоему одиночеству — оно казалось сильным и гордым. На самом деле, это никогда не была настоящая ненависть. Просто настал момент, когда мне стало больно от того, как я тобой восхищаюсь. И тогда...

Тави взял его за руку. Они встретились взглядом, и Хинта ощутил захлестывающую волну тепла, в которой так нуждался все это время.

— ...тогда я попытался убедить себя, что тот Тави, которым я восхищаюсь, просто не существует. И все мои жестокие слова были об этом. Я не только себя, но и тебя хотел убедить в том, что ты не существуешь. И последним предметом моей зависти был Ивара Румпа. Он был слишком похож на тебя, и ты смотрел на него особенным взглядом. А я завидовал тому, что он какой-то нитью связан с тобой и только с тобой.

— Давай выживем, — шмыгая носом, сказал Тави.

— Иногда люди предпочитают прятать то, чему другие завидуют. Это нормально. Это почти что часть инстинкта самосохранения. Поэтому я не могу сердиться на тебя за то, что ты начал скрывать его от меня. А теперь давай выживем, — подытожил Хинта. Но прежде чем приступить к работе, он глянул вниз — у него было чувство, что Румпа пристально смотрит на них со дна опрокинутой комнаты. Однако с такого расстояния в темноте было невозможно понять, на чем

сейчас сосредоточено внимание учителя, лишь его маячки мерцали где-то вдалеке.

— И как мы доберемся до этих баллонов?

— Сейчас придумаю. — Друг был с ним, и от этого Хинта ощутил иррациональную веру в свои силы. — Придерживай меня за ноги, когда я буду вставать.

Он втянул ноги вверх, оперся подошвами о ножки парты и сел на корточки. Потом, перебирая руками по стене, которая раньше была полом аудитории, он сумел выпрямиться в полный рост. Его сердце замирало от чувства высоты: стоять на ножках парты внутри лежащей на боку студии было все равно, что стоять на паре стальных штырей, торчащих из стены здания на высоте второго или третьего этажа. Хинта потянул руки вверх и почувствовал ветер. Ловушка, в которой они оказались, заканчивалась всего в полутора метрах над ним — за рваной сеткой пластиковых плиток и стальных прутьев было небо. Ячейки с восьмичасовыми баллонами находились немного ближе. Часть ячеек пострадала во время крушения блока; сквозь бреши в деформированном материале Хинта мог даже разглядеть блестящий цилиндр одного из баллонов.

— Если бы я мог прыгнуть...

— Даже не думай. Ты не попадешь ногами на опору. А я тебя не поймаю.

— Я это не серьезно.

Дополнительной проблемой было то, что ячейки с баллонами раньше располагались на высоте человеческого роста, и это означало, что Хинта не сможет дотянуться до них, пока стоит у основания парт. Ему нужно было выйти на самый край своей опоры.

— Тави.

— Что?

— Нужен прут. А еще лучше — прут с загнутым концом. Здесь много лома. Мы наверняка что-то найдем.

— Весь мусор упал вниз. Потеряем пятнадцать минут.

— Значит, прут надо найти наверху. — Хинта посмотрел на обломки той балки, которая в первые секунды землетря-

сения лопнула и продрала потолок, осыпав его осколками пластика. Вероятно, именно ее разрушение стало началом отделения их блока от школьного комплекса. Сейчас один из стальных обломков превратился в мостик, по которому можно было взобраться с крайней парты на самый верх, к брешам в небо. При одной мысли о том, чтобы воспользоваться этим путем, у Хинты от страха сводило желудок. Он инстинктивно боялся самой высоты, но еще больше его пугало, что он может соскользнуть вниз, разбиться не насмерть и потом долго и мучительно корчиться на глазах у людей, которым не безразличен. Он понимал, что его падение, если оно случится, замедлит их работу, и что из-за одной его ошибки, в конечном счете, погибнут все трое.

— Тави, у учителя что-нибудь получилось?

— Ивара, — позвал Тави, — у Вас есть прогресс?

— Все забито землей и мусором. Человеку тут не пролезть, даже ребенку. Но я буду копать.

Хинта вздохнул и показал на балку.

— Надо залезть туда.

— Она рухнет, как только ты на нее прыгнешь, — сказал Тави. — А даже если не рухнет, ты не удержишься на ней — у нее острые края. Нельзя доставать прут с таким риском. Мы придумаем другой способ. Я в нас верю.

Наверное, у Хинты сдали бы нервы, если бы Тави, наоборот, заявил, что безумный прыжок на арматуру — это отличная идея. Но узнав, что друг за него боится, Хинта, наоборот, внезапно успокоился. Он ощутил, что они поменялись местами: теперь он мог выйти на сцену, а Тави, напуганный, сидел в зале. Они уже помирились, но Хинте было совершенно необходимо сделать какой-то дополнительный жест, чтобы между ними восстановилось прежнее равновесие.

— Раз ты в нас веришь, то ты должен верить, что я удержусь на этой балке. Отпусти мои ноги.

Тави неохотно выполнил его просьбу. Хинта повернулся боком к полу, который стал стеной, и, опираясь на него, зашагал по ножкам парт. Он уже делал нечто подобное, когда пришел на помощь к Румпе. Однако, здесь, наверно, было

совершенно не за что ухватиться руками.

— Только не на край, — предостерег Тави. Ближний край балки действительно казался ненадежным, и Хинта решил, что должен прыгнуть сразу на ее середину, а для этого нужен был небольшой разбег. Шагнув на ножки последней парты, он перестал опираться рукой о стену, ускорил свое движение и, оттолкнувшись ногами, сиганул вперед. Его прыжок вышел неловким, и он попал куда-то между краем и серединой. Устоять на балке было невозможно, поэтому Хинта скатился вниз и завис, судорожно обхватив рампу руками и ногами. Усталый металл качался и стонал под его весом, металлические занозы впивались в левую ладонь. Оглянувшись назад, Хинта увидел, что Тави тоже залез наверх и уже поднялся в полный рост.

— Держись, я иду!

— Я не падаю, — тяжело дыша, отозвался Хинта. Он действительно не падал, но теперь ему снова было страшно, и еще больно: по левой руке теплой влагой растекалась кровь. Он попытался вытянуть себя наверх, но Тави его остановил.

— Тихо, ты ее сдвинул.

Хинта не мог из своего положения увидеть, о чем Тави говорит, но видел его самого: он добрался до последней парты, сел на ножку верхом и протянул руки над провалом. Балка продолжала качаться. Когда она в очередной раз поднялась вверх, Тави ухватил ее конец и дернул на себя. Раздался скрежет, стальная конструкция шевельнулась. Хинта вскрикнул. А потом наступил покой — Тави сумел сделать так, что конец балки надежно лег на угол парты.

— Она меня выдержит? — буквально цепляясь за жизнь, спросил Хинта.

— Должна.

Хинта осторожно раскачал свое тело и рывком вернул его наверх. Ему удалось устойчиво поставить колено в ложбину продавленного металла, после чего он смог освободить руки. Левую ладонь рассекала двойная рваная рана; кровь текла и закипала в ядовитой атмосфере.

— Ты в порядке? — спросил Тави.

— Буду. — Хинта снял с пояса один из боксов с комплектами для выживания, вытянул оттуда клейкий унибинт и в четыре витка обмотал им ладонь. Умная эластичная ткань прилегла к коже, превращаясь в сплошную муфту из мягкого пластика. Боль ушла, остался только дискомфорт — рука была будто не своя. Скинув вниз бесполезные остатки мягкой упаковки, Хинта осторожно двинулся вперед. Добравшись до верхнего конца балки, он просунул голову и плечи через брешь в разрушенной стене и, подтянув себя на руках, сумел выбраться наружу. Там он замер, пораженный открывшимся зрелищем.

Из поврежденных хранилищ Шарту вытекло так много газа и воды, что поселок накрыло густым голубовато-белым туманом. Сквозь эту пелену было видно поваленные радиомачты, беспорядочно разбросанные дома. От улиц остались лишь очертания. Ровная местность, на которой раньше стоял административный центр, исчезла: всюду шли разломы, через некоторые к поверхности поднялась магма — реки пугающего красного сияния. Хинта медленно обернулся и посмотрел на школу. Коридор второго этажа, в котором он прятался, когда невольно подслушал разговор Румы и Гарай, теперь превратился в открытую галерею. Лопнувшие перекрытия торчали наружу рядами кривых, блестящих сталью зубьев. На уцелевших стенах мигали глупыми глазами тревожные маркеры разгерметизации. Людей нигде не было видно. Чуть поодаль, сквозь брешь в стене, открывался вид на внутреннее убранство студии музыки — ковры, музыкальные инструменты, барельефы выдающихся композиторов.

— Пустишь? — Хинта вздрогнул от неожиданности и обнаружил, что Тави вслед за ним взобрался вверх по балке. Чтобы уступить место, Хинта до конца выбрался наверх. Теперь он стоял на той стене, которая когда-то отделяла студию от школьного коридора. В полутора метрах была задраенная дверь.

Тави высунулся из пробоины, и, как и Хинта минуту назад, застыл, загипнотизированный видом разрушенного поселка.

— Мы часто думали о таких вещах, да? Но когда оно происходит, оно выглядит совсем не так, как воображаешь. — Он подтянулся повыше и сел на край дыры. Хинта почувствовал, что запас воздуха кончается, вдохнул поглубже и сменил маску. Тави кивнул и сделал то же самое. Сгорели еще пять минут, а восьмичасовые баллоны были по-прежнему вне досягаемости.

— Ну, по крайней мере, мы выбрались наружу, — сказал Тави. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что они не смогут по обломкам перекрытий добраться до школы. Они могли бы спуститься прямо на землю, но чтобы достичь ее, пришлось бы прыгать с высоты в десять или пятнадцать метров на лежащие внизу нагромождения арматурин. — Если бы была веревка...

— Мы добирались сюда не за ней. — Хинта опустился на четвереньки и осторожно двинулся вперед. Проползая прямо по закрытой двери студии, он добрался до большой бреши и покачал рукой каждый из прутов, до которых мог дотянуться. В какой-то момент ему стало казаться, что надежды нет, потом он нашел податливое место, подергал — и вырвал из полуразрушенной стены целый сегмент сварной металлической сетки. Он триумфально поднял свой трофей над головой.

— Победа! — выкрикнул Тави.

— У меня идея, — отползая назад, сказал Хинта. — Будем действовать с двух сторон. Один из нас раскорчует ячейки с баллонами сверху. А другой снизу поймает выпавшие баллоны с помощью этой сетки.

Они взялись за сетку с двух сторон и рванули ее каждый на себя. Хинта отломал один прут, Тави забрал все остальное и, вооруженный этим тяжелым сачком, спустился обратно в пробоину. Он пошел назад по балке и по партам к тому месту, откуда можно было достать баллоны, а Хинта, перебираясь от одного надежного участка к другому, пополз вперед по стене студии. Тяжелый прут он осторожно волочил за собой. Сквозь брешу он видел, как внизу идет Тави. Там, на партах, было намного опаснее, чем здесь наверху, и когда до Хинты

это дошло, он начал жалеть, что отпустил его вниз. Однако теперь уже поздно было что-либо менять.

Они остановились в таком месте, где сквозь прорехи в толще стены могли хорошо видеть друг друга. Тави стянул с себя кофту и надел ее на арматуру, которой собирался ловить баллон. Кофта провисла, образовав подобие мешка. Хинта увидел, что снизу на него смотрит искаженное и перетянутое изображение Джилайси.

— Он нам поможет, — перехватив взгляд друга, прокомментировал Тави. Его тонкие голые плечи, покрытые полученными во время землетрясения синяками, выглядели ужасно уязвимо среди всего этого разрушенного металла.

— Да, он нам поможет, — без особой уверенности согласился Хинта. Он встал на колени, просунул лом в пробоину и начал проворачивать его, стараясь изнутри открыть поврежденные люки ячеек с аварийными баллонами. Действовать приходилось почти вслепую. А Тави снизу кричал: «левее», «правее», «дальше», «ближе», «шевелится», «жми».

Через три минуты работы Хинта вспотел и понял, что пришло время менять маску. Он отпустил свой лом-рычаг, оставив его в дыре. Тави тоже сложил свой сачок. Они кивнули друг другу и принялись распаковывать новые аварийные боксы. Догорала пятнадцатая минута. Их время выходило, и дело было не только в масках — Хинта чувствовал, что от отравленной атмосферы начинает щипать глаза и кожу на открытых частях тела. Он знал, что скоро, когда пот прореагирует с тендра-газом, эти ощущения станут намного хуже.

Как только новая маска плотно пристала к лицу, Хинта вернул руки на лом. Жадно глотая порцию свежего воздуха, он надавил на инструмент всем весом, и тот вдруг провалился вниз. Тави вскрикнул от неожиданности — он еще не успел поднять свой сачок, и теперь, когда баллон с кислородом выпал из ячейки, он рванулся, чтобы его поймать. Это было ошибкой: баллон он поймал, но его ноги соскользнули с ножек парт. Больше Тави не кричал. Он лишь кренился, балансируя в падении, размахивая руками. Это было мгновение отчаяния — Хинта ничего не мог поделать и был вы-

нужден сверху наблюдать, как Тави проваливается. А потом он увидел, что Тави падает не в пустоту — снизу его подхватил Румпа. Железка, которой Тави поймал баллон, грохнула о ножки парт, но Тави удержал и сачок, и пойманный в него баллон, а учитель удержал самого Тави. Лежа на руках мужчины, мальчик рассмеялся нервным задыхающимся смехом. Хинта наверху расслабился и, не в силах смотреть на это спасение, позволил себе отдых — секунд на сорок растянулся на ребристой поверхности стены. Он лежал и просто смотрел в небо. Потом он услышал голос Тави.

— Первый, первый, — дважды повторил тот.

— Я не хочу вас огорчать, — сказал Румпа, — но я здесь потому, что внизу не выбраться. К тому же, у меня осталось воздуха только на десять минут, а до той маски, которая лежит внутри учительской кафедры, я добраться не смог — кафедра теперь слишком высоко.

— Это неважно, у нас есть баллон, — возразил Тави.

— Пока у нас только один баллон. А значит, у двоих из нас воздуха только на двадцать пять минут.

Это заставило Хинту вернуться к пробоине. Румпа хотел надеть баллон на Тави, но тот не согласился. Они перераспределили комплекты с помощью считалки, после чего баллон достался учителю, который был этим очень недоволен, но не стал спорить, так как на разговоры уходило драгоценное время. Подключив баллон к своей маске, он отдал по комплекту выживания Тави и Хинте. Закончив с этим, они вернулись к работе. Метод был почти таким же, как и прежде, только теперь мужчина взобрался наверх, чтобы работать ломом, а Хинта спустился вниз, ловить вместе с Тави баллоны и страховать друг друга. Третий баллон они добыли лишь сорок минут спустя, когда Хинта дышал воздухом из последней оставшейся маски.

Закончив, они выбрались наверх и легли рядом. Сил больше не осталось, кожу и глаза жгло тендра-газом. Был всего лишь полдень. Лучи солнца прорывались сквозь бе-

ло-голубой туман, казалось, отравленный воздух сияет. В зрелище разрушенного Шарту таилась какая-то особая красота. И Хинта вдруг с необычайной ясностью понял, что это почти конец.

В этом мире давным-давно стало невозможно жить человеку. Бороться за эти дома было бесполезно. Эта цивилизация тянула свои последние крошечные дни. Если не цунами, то омары. Если не омары, то отключение всех приборов. Если не отключение приборов, то землетрясение. Если не землетрясение, то что-нибудь еще. Это касалось не только Шарту, но и всей литской ойкумены в целом. Сколько им всем осталось до удара, который они не смогут пережить — неделя? месяц? год? Зачем взрослеть и планировать жизнь, когда каждый камень здесь приговорен истаять в потоках раскаленной магмы, что толку переживать о мелочах, когда рядом разрушается стена Экватора?

У Хинты не было ответа на эти вопросы. Он просто наблюдал, как красиво сверкают в рассеянных лучах солнца руины его родного поселка.

ГЛАВА 6

СЕРДЦЕ ПУСТОГО МИРА

За время существования литской ойкумены атмосфера Земли стала не такой, какой была в Золотой Век и даже после катастрофы. Основу ее по-прежнему составлял азот, однако в результате гибели почти всей биомассы планеты значительная часть азота теперь существовала в связанном виде, превратившись в аммиак. Другим побочным эффектом разрушения биомассы планеты стало высвобождение огромных количеств метана. В первый век после катастрофы метан собирался в большие облака и взрывался, выжигая кислород, содержание которого в атмосфере понизилось и стало недостаточным для дыхания большинства живых существ. При этом содержание метана тоже понизилось, и объемные взрывы в атмосфере больше не происходили. Остатки метана были не вредны для дыхания людей, но вредны для некоторых растений; фрат же имел свойство абсорбировать метан из атмосферы, повышая при этом собственную горючесть.

Из сгоревших метана и кислорода возникали вода и углекислый газ. Уровень морей и океанов поднялся, повысилась облачность, над целыми регионами повис смог. Паровые и газовые облака смешались с облаками пыли, поднявшейся во время столкновения Земли с астероидным потоком, и на долгие десятилетия скрыли солнце, что стало одной из причин наступления Столетней Зимы.

Вместе с метеоритной пылью в атмосферу попало множество разных компонентов, в том числе легкие и летучие

органические соединения внеземного происхождения. Смесь этих веществ оказалась способна вызывать очень сложные формы комплексного отравления. На первых порах люди не знали, что именно случилось, не отличали воздействие внеземных частиц от воздействия аммиака и не понимали, что взрывы в атмосфере имеют другую причину. В результате появилось сводное понятие тендра-газа. Этот термин возник еще в первые годы Великой Зимы и стал общим для всех будущих культур. Это слово одинаково звучало на всех языках.

До некоторых пор тендра-газ был единственной проблемой в атмосфере, однако во время войны появилась вторая проблема, которую называли гратопса. Как и тендра-газ, это был сводный термин. В основе гратопсы были облака хлора. Хлор был синтезирован Притаком в огромных количествах и предназначался для того, чтобы затапливать им подледные города Джидана или Лимпы. Именно облака хлора придали атмосфере новый цвет, туманы стали зелеными и желто-зеленые оттенки появились у неба, особенно ближе к горизонту или в районах скопления облаков.

Второй составляющей гратопсы стали газы, разработанные Лимпой и Джиданом. Хлор удобен для боевого применения из-за его тяжести — он течет по местности подобно воде и заполняет помещения. Джиданские ученые попытались создать безвредный для человека газ, который будет видоизменять свойства хлора. Этот газ должен был разбивать молекулы хлора и придавать ему летучесть, а также делать его менее вредными. Эксперимент удался, но привел к ужасным последствиям: притакский хлор, активированный джиданским защитным газом, не оседал, но становился летучим и в связанном виде рассеялся в атмосфере планеты, сделав ее еще более ядовитой для человека. Лимпа, со своей стороны, в ответ на притакский хлор разработала целую серию более эффективных и смертоносных серо- и фосфоро-содержащих газов. Со временем эти газы подверглись частичному распаду, но их составные элементы тоже остались в атмосфере. Эта смесь, включающая в себя боевые газы, разработанные, про-

изведенные и примененные тремя сверхдержавами, и сложилась в понятие «гратопса». Гратопса тяжелее тендра, равномерно рассеянного в атмосфере; она собирается в облака в небе и в туманы у поверхности земли. Цикл ее существования подобен круговороту воды в природе: она может оседать и подниматься, выпадать росой и испаряться, ее переносит ветер, она растворяется в воде, но потом снова, в процессе испарения воды, высвобождается и становится опасной.

Когда они отдышались, осознали, что живы, и немного пришли в себя, Румпа приподнялся на локте и через Тави взглянул на Хинту.

— Поздравляю, ты заработал первый в этом году балл по истории.

— За что?

— Ну как же. Замерзающая вода открывает замок. Ты нашел верный ответ для пленника из Притака.

— С ума сойти! Строго говоря, баллы мне не нужны: у меня ведь история идет как студия, а не как факультатив. Просто Ваша загадка не выходила у меня из головы всю неделю.

— Давай сделаем так, чтобы они стали нужны. Пусть каждые пять баллов превращаются в час моего времени. А в конце года я тебя проконсультирую и помогу написать хорошую работу. Идет?

— Идет.

— Это загадка-джалипа про трех людей в запертой комнате? — спросил Тави.

— Ты ее знаешь? — удивился Хинта.

— Ага. Ивара позволил мне скопировать библиотеку института Кафтала.

— Точно, — нахмурился Румпа. — Но откуда я мог знать, что ты так глубоко заберешься?

— Там были сборники, в которые входили редкие афоризмы Джилайси Аргниры. Сначала я читал только их, а потом увлекся... Три человека, один из Джидана, один из При-

така и один из Лимпы, были схвачены и заперты в одной комнате, где им оставили лед и огонь. Так?

— Да, почти. Только потоку Хинты я зачитал слегка адаптированную версию. Если ты и дальше будешь так спешить, то в следующем году тебе станет скучно на моих занятиях.

— А какая историческая ценность у этой джалипа? — спросил Хинта. — Или Вы просто хотели нас заинтриговать?

— Эта загадка уместает всю нашу культуру и историю в двух сотнях слов, но весь смысл там, в ответах, особенно в ответе пленника из Джидана; пока не придешь к нему, мудрость джалипа остается непонятна.

— А какой ответ для пленника из Джидана?

— Не хочешь сам угадать?

Хинта качнул головой.

— Только не сейчас, — убирая из уголков глаз жгучие слезы, взмолился он. — Сейчас я хочу покоя и простых вещей.

— Хорошо. Так зачем же была нужна вода каждому из них? Пленнику из Притака — чтобы снова превратить ее в лед, потому что лед может быть оружием. Пленнику из Лимпы был нужен кипяток, чтобы выплеснуть его на врагов, потому что огонь может быть оружием...

— А пленнику из Джидана?

— А ему не нужна была вода. Джиданец просто хотел, чтобы на Земле стало одним кусочком льда меньше.

Тави засмеялся под маской. Хинта опешил.

— Это нечестно. Вы ни тогда, ни сейчас не спросили, зачем топить лед. Вы спросили, зачем нужна вода.

— Да, это подвох. Но без него в джалипа стало бы куда меньше шарма. Этот ответ, как и саму загадку, придумал вовсе не я. Ее создал нетривиальный ум какого-то человека, который жил за века до нас, а потом ее ограничила народная мудрость. Вдумайся в эти ответы, Хинта. В них действительно вся наша культура.

— Лед как инструмент — технология Притака. Битва в самых безнадежных обстоятельствах — честь Лимпы. И действие ради мира — джиданская Борьба За Саму Жизнь, —

медленно произнес Хинта. — Да, теперь я вижу. Потрясающе схвачено.

— Три человека в запертой комнате, — сказал Тави. — Совсем как мы. Это даже странно.

Хинта подумал о том, что в последние дни все происходящее стало как будто пророчеством чего-то еще.

— Пта, — обратился он, — могу я, как это делает Тави, тоже называть Вас по имени?

— Конечно.

— Ивара, — осторожно, как бы пробуя это имя на вкус, произнес Хинта. — Когда я вошел в студию, Вы говорили про вчерашнее отключение электричества. Было очень интересно. А можно продолжить с того места, где мы тогда остановились?

— Дай подумать. А что ты слышал?

— Про наведенное напряжение. Вы обсуждали с Тави, как его можно вызвать искусственными средствами и как при его помощи можно уничтожать технику. И как бы это выглядело. И пришли к выводу, что приборы отключились не из-за него.

— Да, верно. Я вел к тому, что это мог быть эффект, как бы противоположный наведенному напряжению. Ведь что такое наведенное напряжение? Это электрический ток, который возникает в железках, оказавшихся на пути движения мощного магнитного поля. Теперь посмотри на это с другой точки зрения. Магнитное поле теряет часть энергии, когда порождает в телах наведенные токи. Я не химифизик. Но что, если можно создать одно такое тело, которое стянет всю энергию со всех других тел, у которых есть сильное магнитное поле?

— И с Экватора?

— С него в первую очередь, потому что его поле самое сильное. А еще с самой магнитосферы Земли, с каждого прибора, и даже с людей, потому что в нас тоже есть электрические токи.

— Звучит так, будто это тело, которое стянуло всю энергию, было очень большим и голодным, — прошептал Тави.

— Кстати, насчет магнитного поля планеты, — добавил Румпа. — Я точно знаю, что оно ослабло, потому что ночью мои приборы показывали повышенный фон космической радиации — не настолько, чтобы мы были в опасности, но все-таки достаточно сильно.

— А в тот момент, когда все началось, — сказал Хинта, — у моего брата случился странный приступ. И мы по темным улицам несли его в больницу.

— Он в порядке? — вскинулся Тави.

Хинта покачал головой.

— Ашайта в коме. Я не знаю, когда он из нее выйдет. И я не знаю, в каком состоянии больница после толчков.

Больше говорить он не мог: дыхание сбилось, из глаз потекли слезы. Это были очищающие слезы; они смывали его былую перестывшую злобу, одиночество, боль. От влаги глаза сильнее защипало, так что Хинта был вынужден зажмуриться и зажать их руками. Тави повернулся на бок и приобнял друга. Долго-долго их маленькая компания молчала.

— Единственное, чего я еще не могу установить, это правильной причинно-следственной связи, — нарушил молчание Ивара. — Может быть, явление с отключением энергии было форшоком грядущего землетрясения. А, может быть, землетрясение — это последствие отключения энергии.

Хинта высвободился из объятий Тави, сел и стал смотреть на Шарту. Туман начал рассеиваться, реки магмы остывали, их жуткий алый свет уже не казался таким ярким. На улицах появились первые стихийные спасательные команды, но все они пока работали слишком далеко от школы, чтобы звать их на помощь.

— Я думаю, второе. То, что выключило нам свет и почти убило моего брата... Я не знаю, что это. Не знаю, как оно работает. Но это оно здесь главное. — Хинта произнес это почти с ненавистью.

— Почему? — спросил Тави.

— Потому что что-то изменилось. Потому что вещи становятся связанными друг с другом. И связей все больше. И